

Павел Павлович Щёголев¹

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Веб-публикация: Марио и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2009. Орфография и написания имен собственных оригинала сохранены.

От автора

Гл. I. Исход Великой Французской революции

II. Молодость Бабефа

III. Бабеф и термидорианская реакция

IV. Под властью Директории

V. "Трибун Народа" в эпоху Директории

VI. Социально-философские предпосылки бабувизма

VII. Заговор Равных

ОТ АВТОРА

Русская литература о Бабефе очень не богата. Е.В.Тарле в своем этюде о Бабефе, напечатанном в 1902 г. в сборнике "Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке", должен был по цензурным условиям того времени ограничиться сообщением чисто биографических данных. Правда, в своем "Рабочем классе" Е.В.Тарле опять вернулся к Бабефу. Однако здесь у него на первом плане оставался анализ состояния рабочего класса при революции, и само "дело 1796 года" привлечено только для освещения политических настроений парижского пролетариата.

Прекрасный очерк В.П.Волгина "Идейное наследие бабувизма"¹ посвящен разбору программы заговора и захватывает только один из моментов агитационно-пропагандистской деятельности Бабефа. Наконец, недавно вышедшая работа Пригожина², представляя собой довольно умелую популяризацию не основана на каком-либо самостоятельном изучении источников, что и было отмечено в свое время критикой, указавшей при этом на целый ряд фактических ошибок, закрававшихся в работу А.М.Пригожина³. Из переводной литературы выделяется толковая и с известным подъемом написанная работа М.Домманже⁴, дающая хорошее изложение фактической стороны. Переведен также в сокращенном виде старик Буонаротти⁵.

Наконец, еще в дореволюционное время Ю.Стекловым⁶ сделан был перевод сборника отрывков из Бабефа, проредактированного небезызвестным Альбером Тома. Брошюра эта почти целиком перепечатана в книге Пригожина, в качестве приложения. Вот и все. Таким образом, в нашей марксистской литературе, посвященной эпохе Французской революции, остается известный пробел, о заполнении которого и нужно сейчас позаботиться.

¹ ЩЁГОЛЕВ, Павел Павлович (1903—36) — советский историк, с 1926 — профессор Ленинградского университета, специалист по истории франц. буржуазной революции конца 18 в. и по позднему западноевропейскому средневековью. Главные труды: основанные на первоисточниках — «Заговор Бабефа» (1927) и «После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции» (1930) (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf), а также научно-популярная биография «Граха Бабеф» (1933) и «Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв.» (курс лекций, изд. посмертно, 1938; первая попытка издания такого пособия в советской историографии).

¹ В.П.Волгин. Очерки по истории социализма. М. 1923 г. В нашей библиотеке опубликованы две работы В.Волгина: «Французский утопический коммунизм» (http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html) и «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf), в которых анализу социально-политических взглядов Бабефа отведены специальные главы.

² А.М.Пригожин. Грах Бабеф. М. 1925 г.

³ См. в особенности рецензию С.Моносова. "Под знаменем марксизма" № 10—11 за 1925 г., стр.266—270.

⁴ Морис Домманже. Бабеф. Изд. "Прибой". 1926 г. В нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_dommanj.pdf.

⁵ Ф.Буонаротти. "Граха Бабеф и заговор Равных". Перевод М.К.Горбач. 1923 г.

⁶ Бабеф. "Учение Равных". Перевод Стеклова.

Предлагаемая читателю работа, по первоначальному своему заданию, должна была быть популярным биографическим очерком. По мере разработки темы выяснилась возможность расширить и углубить ее пределы, опираясь на те печатные источники, коими располагает Ленинградская Публичная Библиотека. Мною были использованы комплекты бабефовских газет: "Journal de la Liberte de la Presse" и "Tribun du Peuple". Газеты эти являются, бесспорно, основным документом заговора Равных. Удалось привлечь также кой-какой брошюрный материал. Кроме известной работы Бабефа о Каррье, Публичная Библиотека располагает исключительно любопытной брошюрой "Voyage de Jacobins dans les quatre parties du monde", оставшейся совершенно неизвестной Адвизю и другим исследователям Бабефа.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность моему руководителю профессору Е.В.Тарле за добрые советы и постоянное внимание, с каким он относился к моей работе.

Ленинград, март 1927 года

ГЛАВА I. ИСХОД ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 1795 юлу Великая революция шла на убыль. Далеко позади остались героические времена Конвента, революционных войн, красного террора и всеобщего увлечения лозунгами свободы, равенства и братства. Человек, олицетворявший великий революционный подъем мелкобуржуазной демократии, Максимилиан Робеспьер сложил голову на гильотине, так что его лишь немногим опередили его союзники и враги слева, вожди парижского люмпен-пролетариата, люди Парижской Коммуны и "бешеные". У власти снова стояла крупная буржуазия, термидорианцы и уцелевшие жирондисты. Они утвердили свое господство в конституции III года республики, они создали свое правительство — Директорию, они усмирили в прериале III года (мае 1795 года) взбунтовавшийся народ парижских предместий, а в вандемьере роялистское восстание части парижских секций Армии молодой республики вторглись далеко вглубь вражеских территорий, но они больше не вели революционной войны, они не несли больше на своих знаменах лозунг: "мир хижинам и война дворцам!" Это были будущие армии Бонапарта, бойцы за гегемонию молодой французской буржуазии на европейском рынке, солдаты Цезаря и слуги буржуазной реакции.

Но каковы причины такого поворота в развитии революции? Почему ожесточенные классовые битвы привели к конечному торжеству верхушки третьего сословия, крупной буржуазии? Каков социальный смысл Великой революции? На все эти вопросы необходимо дать какой-нибудь ответ, прежде чем перейти к характеристике буржуазной реакции 1795 года.

Во-первых, что представляла собою дореволюционная Франция, Франция старого порядка?ⁱⁱ Мы знаем, что в ней буржуазия достигла значительной степени развития. Но это была, по преимуществу, торговая буржуазия. Во Франции XVIII века утвердился торговый капитализм. За время с 1715 по 1792 г. оборот внешней торговли Франции увеличился в четыре раза. Так в 1787 г. было ввезено во Францию, не считая произведений ее колоний, товаров на сумму в 310 миллионов ливров, вывоз за тот же год дал 524 миллиона ливров, из них 311 миллионов падало на продукты сельского хозяйства и 213 на продукты промышленности. Франция вела торговлю со всей Европой. При этом ввоз сырья, предназначенного для промышленной переработки в самой Франции, составлял все увеличивающуюся Статью ее ввоза. Так в 1789 г. было ввезено из американских колоний на сумму 218 миллионов — сахара, кофе, какао, дерева, индиго, хлопка и кожи. Из них, однако, в самой Франции было потреблено не больше, чем на сумму в 71 милл. Остальное было вывезено, подвергшись предварительно промышленной переработке. Из Фландрии, Испании, Италии, Леванта и Англии ввозила Франция сырье, необходимое для ее текстильной промышленности.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

ⁱⁱ См., напр., ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ во ФРАНЦИИ в отчетах Толозана, Неккера и Ролана, при Старом порядке (http://vive-liberta.narod.ru/doc/econ_anc-reg.pdf); Е.Кожокин, «Французская буржуазия на исходе Старого порядка» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>).

На этой базе возникает экономическое могущество крупных торговых центров, приморских городов Нанта, Бордо, Марсея. Деятельная, торговая буржуазия захватывает морскую торговлю, значительные капиталы стекаются в ее руки, как в результате торговых операций, так и в результате беспощадной эксплуатации колониальных владений и, в частности, торговли черными невольниками. Так проходит французская буржуазия стадию своего первоначального накопления. Капитал ищет теперь дальнейшего приложения в промышленности, в сельском хозяйстве. Но здесь ему противостоит целый мир средневековых учреждений, сохранившихся под покровительством абсолютной монархии и ставящих решительное препятствие на пути дальнейшего капиталистического развития Франции.

В сельском хозяйстве Франции, в эту эпоху, преобладающей формой являлось крестьянское землепользование. Даже в тех западных ее областях, где процент крестьянской собственности был очень невелик (около 1/5 всей территории), она все же не была окончательно уничтожена. В течение всего XVIII века, или, по крайней мере, второй его половины, земельные владения французских крестьян все время увеличивались. В общем, площадь земли под крестьянским владением занимала от 33,1% до 66% всей земельной площади. Перемещение собственности сопровождалось дроблением участков, увеличением числа собственников. Если французскому крестьянину, не в пример его английскому собрату, удалось сохранить за собой землю, то, с другой стороны, он к XVIII веку освобождается и от той крепостной зависимости, которая характеризует положение крестьянина в сев.-вост. Германии, России и т.д. Значительная часть его личных повинностей оказывается перенесенной на землю. Но именно это обстоятельство делает землю французского крестьянина несвободной. Если барщина, обыкновенно строго зафиксированная или замененная определенным взносом, и "напоминает, — по словам исследователя (И.В.Лучицкого), — скорее государственную повинность, чем повинность экономического характера", то тем сильнее падают на крестьянина всевозможные повинности оброчного характера, вытекающие из феодальной его зависимости от сеньера. Таковы чинши, взимавшиеся с переходящих земель, так называемые lods и ventes, таковы баналитеты, т.-е. монополии сеньера на мельницу, хлебопекарню, виноградный пресс, таковы всевозможные судебные издержки, шедшие в пользу сеньориальной юстиции и ее агентов, таковы, подчас, поборы за проезд по дорогам, за пользование прудом, озером, рекою, таков, наконец, так называемый ценз — сумма денег, ежегодно уплачивавшаяся сеньеру и иногда заменявшаяся шампаром, т.-е. уплатою натурой. Земля крестьянина закреплена в конец. Наряду с этим крестьянство страдает и как податное сословие. Оно платит талию, прямой налог с земли или со всего имущества, от которого освобождено дворянство, оно платит капитацию, поголовную, подушную подать, оно платит косвенные налоги и, в первую голову, знаменитую соляную подать — габель — особенно тягостную, принимая во внимание обязательность приобретения известного minimum'a соли. Присоединим к этому налоговому бремени еще десятину, взыскивавшуюся в пользу церкви, и мы вполне поймем мнение современников, полагавших, что налоги поглощали от одной до двух третей всего дохода крестьянина. Этот двусторонний гнет, оказывал самое пагубное влияние на положение крестьянства. Последнее, впрочем, не представляло собою какой-либо однородной массы. Расслоение крестьянства сильно шагнуло вперед в течение XVIII века. В его среде встречались группы, крайне неравномерно обеспеченные землей. Тут были и "землепашцы" (laboureurs, menagers), максимально обеспеченные землей, зажиточные собственники и лица, занятые всевозможными промыслами, мельники, кабатчики, купцы, занимавшие среднее место в смысле обеспеченности землей, и, наконец, "поденщики" (journaliers, manoeuvres), "нищие" (mendiants) — люди плохо обеспеченные, а подчас и вовсе ничего не имевшие. Это расслоение деревни делало для значительной части крестьян невозможным сколько-нибудь сносное существование, без найма, без аренды чужой земли. Самой распространенной формой аренды была система иполовничества (metayage), охватывавшая почти 7/8 всей территории.

Арендная плата вносилась, таким образом, почти повсюду натурой, за исключением Бретани, где, во второй половине XVIII века, возник особый тип иполовничества, заключающийся в присоединении к уплате арендатором половины собранного хлеба еще и денежного платежа (аренда, как правило, была краткосрочной — в 3, в 6 лет). На-ряду с иполовничеством существовали кое-где особые виды аренды, приводившей, через известный промежуток времени, к полной собственности. Невыгода такого рода аренды для съемщика заключалась в том, что он, в противоположность иполовнику, нес уплату всей суммы государственных и сеньериальных налогов, падавших на землю, и, кроме того, брал на себя целый ряд обязательств, связанных с обработкой земли. Отметим дальше, что вторая половина XVIII века может быть охарактеризована, как эпоха быстрого роста арендных цен. Земля, сдававшаяся в 1747 г. за 475 ливров, в 1774 г. сдавалась уже за тысячу. На-ряду с этим, с конца семидесятых и особенно в восьмидесятых годах наблюдается во Франции особого рода явление, которое новейший историк (Эме Шерэ) определяет как "феодальную реакцию". Оно характеризуется усиленным взысканием всякого рода недоимок. Сеньеры проверяют свои документы, выкапывают старые давно забытые права, составляют описи всякого рода повинностей, причитающихся им с их вассалов (sujets). Особый класс юристов, специалистов в вопросах феодального права, так называемых февдистов, зарабатывающий проценты с доходов, которые он создавал сеньеру, напускается теперь на крестьян. "Галопирующий рост арендных цен" (Лучицкий), взыскание старых, накопившихся за несколько десятилетий недоимок — вот два бича, обрушивающихся на французского крестьянина в восьмидесятые годы, на самом пороге Великой революции.ⁱⁱⁱ

Понятно, что при таких условиях культура земледелия стояла во Франции на исключительно низком уровне. Повсюду земледелие носило резко выраженный экстенсивный характер. Местами еще держалась двухпольная система, а трехпольная была господствующей. Средняя урожайность арпана земли оставалась неизменной в течение всего XVIII века, вплоть до революции. За это же время Франция около 30 раз переживала голодные годы. В противоположность Англии, во Франции фермерское хозяйство, с применением наемного труда, с затратой капитала на скот и орудия производства, с использованием данных агрономии, развивалось очень слабо. Число фермеров было прямо ничтожным. Соответственно этому, в самых плодородных областях (за исключением Фландрии) земля не дает более сам-семи. Для всей остальной Франции годовая выручка падает еще ниже, поэтому и район обработки весьма ограничен. По утверждению одного из современников (Артура Юнга), 6/7 Бретани не были тронуты плугом. Сравнивая английские урожаи с французскими, Артур Юнг вычисляет, что в Англии один акр, поступивший под посев пшеницы, приносит в среднем двадцать пять буассо (boisseaux), во Франции же всего 18. Понятно, что при таких условиях не могло быть и речи о переходе к более интенсивным культурным, даже тогда, когда у собственников земли появлялся какой-либо стимул к этому. Таким стимулом в семидесятые годы было временное торжество принципов свободы хлебной торговли, находившейся до тех пор в тисках внутренних таможен и правительственных запретов всякого заграничного вывоза. Улучшение условий рынка заставляло землевладельцев идти по линии расширения районов обработки, т.-е. экстенсификации своих хозяйств. Это приводило, в первую голову, к решительному сокращению общинных пастбищ и всех вообще общинных угодий. Бесцеремонный захват сеньерами этих общинных земель, с давних пор находившихся в пользовании всей деревни, наносил чувствительный урон всем без исключения слоям деревенского населения.

Немудрено, после всего вышесказанного, что французская деревня XVIII века, по единогласному отзыву всех современников, представляла собою высоко безотрадную картину.

ⁱⁱⁱ См. Марк Блок, «Характерные черты французской аграрной истории» (<http://narod.ru/disk/7873464000/mbloch.pdf.html>); А.Адо, «Крестьяне и Великая французская революция» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ado_agrar.htm).

Все они констатируют нищенское существование французского крестьянина, отсутствие у него каких бы то ни было культурных потребностей, почти поголовную безграмотность. Одни государственные налоги, по мнению Тюрго, поглощают ежегодно половину чистой его выручки. На крестьянских плечах воздвигается, между тем, гордое здание абсолютной монархии, дворянских привилегий и господствующей церкви. И именно поэтому здание непрочное и осуждено на гибель.

Так обстояло во Франции "старого порядка" с сельским хозяйством. Обратимся теперь к промышленности. Мы будем наблюдать и здесь известную отсталость Франции, в особенности по сравнению с Англией. Как правило, Франция XVIII века — страна домашней промышленности, разбросанной преимущественно в сельских округах, страна мелкого производства. Мануфактуры, дающие работу более чем 1000 человек, составляют единичные исключения, "редко попадаются дающие работу 300—600 рабочих, дающие работу 100—200 рабочих считаются очень крупными предприятиями" (Тарле). При этом обыкновенно подавляющее большинство рабочих, приписанных к мануфактуре, получают работу на дом. Так, на Седанские мануфактуры работало 15000 ткачей и прядильщиков. Из них 9000 жили в городе Седане и работали на дому, а остальные были разбросаны по окрестным деревням. Только относительно одной мануфактуры, суконной мануфактуры Ван-Робэ, со 100 станками и с 1400 рабочими, известно, что большая масса работала в помещении самой мануфактуры. Если мы обратимся к поискам причин подобной организации, то окажется, что в основе ее лежит тот уровень производительных сил, который был достигнут Францией к концу XVIII столетия. "Состояние промышленной техники, — читаем мы у новейшего исследователя (Е.В.Тарле), — во Франции в эту эпоху не было таково, чтобы обусловить необходимость перехода от ремесла и домашней промышленности к системе крупных индустриальных предприятий, где главная масса рабочих должна была бы работать в здании заведения". Действительно, в 1790 году главный интендант торговли Толозан дал следующие данные о распространении во Франции тех новых орудий прядильного производства, которые стали в Англии всеобщим достоянием с самого начала промышленного переворота. Если обыкновенная прялка распространена по всему королевству, то уже английских "дженни" (машина для получения тонкой пряжи, изобретенная Харгривсом в 1765 г.) насчитывалось "не более девятисот штук", и то старого образца, приводящих в движение от 24 до 48 веретен. Усовершенствованных "дженни" нет почти вовсе, а в Англии их насчитывалось в это же время 20970 штук. Машин Аркрайта (так называемая уатер-фрэм, изобретенная в 1767 году и приводившаяся в движение водяной силой) во Франции существовало всего 9, в Англии — 143. Наконец, четвертый род машин — мюль-дженни (изобретена Кромптоном в 1779 г., давала самую тонкую и прочную пряжу) — был представлен во Франции всего одним экземпляром, а в Англии их насчитывалось уже не меньше 550. Так обстояло дело с машинным производством в бумагопрядильной промышленности. Но мы знаем, что в шерстяной промышленности техника была еще более убогой. Так же обстояло дело с полотняным производством. В несколько лучшем положении была выделка шелковых материй, где получили некоторое распространение технические нововведения Вокансона. В общем же можно считать, что вся текстильная промышленность Франции оставалась совершенно не затронутой машинным производством. Если мы обратимся теперь к железоделательной и сталелитейной промышленности, то мы увидим, что Франция в этой области уступала не только Англии и германским странам, но что подчас даже конкуренция с Россией и Швецией оказывалась ей не под силу. В области кожевенной промышленности в самом конце XVIII века люди, знакомые с английскими техническими приемами, еще считались редкими пионерами" (Тарле).^{iv}

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

^{iv} В нашей библиотеке книга Е.Тарле «Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tarle_lab.pdf). См. также: К.Паткевич, «Французские рабочие в годы Великой революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf). Ср. с современными исследованиями, напр., Е.Кожокин, «Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.», в работе приведены статистические данные о механизации различных видов производств, о занятости населения и заработных платах (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>; <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>), А.Ревякин, «Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf).

Эта примитивность промышленной техники наложила резкий отпечаток на всю экономическую жизнь Франции. Она-то и обусловила господство ремесла и домашней промышленности, о котором мы уже говорили выше. Если мы попытаемся определить теперь удельный вес промышленности, ее роль в экономике страны, то окажется, что около 1789 г. официальные лица полагали, что Франция получала от сельского хозяйства в три с половиною раза больше, чем от промышленного труда. В самой промышленности текстильная промышленность решительно преобладала над всеми другими отраслями, а в текстильной, в свою очередь, производство полотен и бумажных материй над производством шерстяных и шелковых.

Одною из характерных черт французской промышленности того времени было огромное распространение деревенской промышленности, развивавшейся сначала в обход существовавшего в городах цехового строя и позднее, в 1762 г., узаконенной королевским эдиктом, разрешавшим крестьянам заниматься выделкой материи, не состоя членами цехов. Цеховой строй во Франции XVIII века был сильно подорван, но все же пути его стесняли рост производительных сил, тормозили развитие промышленности. Цеховая система, требовавшая принадлежности к цеху, как обязательного, предварительного условия всякой промышленной деятельности, подвергавшая саму эту деятельность строгой и придирчивой опеке (так называемая цеховая регламентация), понесла самый жестокий урон именно со стороны деревенской промышленности, положившей конец ее господству в области прядильно-ткацких производств. В других отраслях цехи держались еще довольно устойчиво, вплоть до начала революции. Что касается самой деревенской промышленности, то не надо забывать, что для крестьян она чаще всего являлась подсобным промыслом. Крестьянин толкался на промышленный труд неплодородием почвы, невозможностью обеспечить себя и свою семью исключительно земледельческими работами. Сообразно с этим, главное поле деревенской промышленности — это неплодородные, неурожайные округа. Но и там крестьянин не отрывался окончательно от земли, не превращался в наемного рабочего, в пролетария. У него в большинстве случаев оставался клочок земли, оставалась хижина, оставался какой-нибудь заработок от земледелия. (Производился промышленный труд в деревне преимущественно зимой)

Уровень заработной платы этих деревенских рабочих сильно колебался, в зависимости от местности. Ткачи получали при этом значительно больше, чем прядильщики и пряжи. В Нормандии ткач зарабатывал 26 су в день (су=1^{3/4} коп.), "а в Пикардии даже лучшие ткачи получали до 10 су в день" (Тарле). Заработок пряжи колебался от 9 су в Нормандии до 5 су в Пикардии. В хорошие годы, однако, в той же Пикардии ткачи зарабатывали по 1 фр. 10 сант. — 1 фр. 30 сант. в день. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что заработки в деревенской промышленности были значительно ниже, чем заработки городских рабочих. Непорванные окончательно связи с земледелием делали работника в деревне значительно более уступчивым, более сговорчивым в отношении заработной платы.

Если мы обратимся теперь к городам, то увидим здесь две цеховые категории рабочих. Во-первых, это цеховые рабочие. Внутреннее развитие цехов приводило к возраставшему обособлению мастеров цеха от подмастерьев и учеников. Постепенное превращение мастеров цеха в хозяйчиков, ревностно оберегавших свое монопольное положение в цехе, стремившихся всячески препятствовать вступлению посторонних лиц, хотя бы из числа подмастерьев, в их замкнутый круг, вызывало, с другой стороны, сплочение эксплуатируемых подмастерьев и учеников. Еще с XVI века возникают товарищества и братства цеховых рабочих, ставящие своей целью организованную борьбу с хозяевами. Несмотря на то, что эти союзы были организациями нелегальными, им удалось завоевать себе большой авторитет среди рабочих. Под их руководством возникают первые стачки, и начинается борьба за сокращение рабочего времени и за заработную плату. Для цехового рабочего, накануне революции, хороший заработок исчислялся в 1 ливр 50 сантимов — 2 ливра — 2 ливра 50 сантимов (1 р. 42 к. — 1 р. 90 к. — 2 р. 10 к. на наши деньги). Рабочий день продолжался обыкновенно не менее 12—14 часов, с обеденным перерывом.

Кроме цеховых рабочих, в крупных городах можно было встретить еще так называемых сезонных рабочих. "Это были землекопы, каменщики, плотники, кровельщики, с одной стороны, и портовые рабочие и чернорабочие — с другой стороны. Это был пришлый, кочующий элемент" (Тарле). Лишь отчасти захваченные цеховой организацией, они представляли собою наиболее беспокойный, наиболее активный элемент в рабочем классе. Если распыленные по деревням деревенские рабочие, совсем не знавшие друг друга, никогда не собиравшиеся вместе, вообще были лишены всякого представления о каком-либо коллективном действии, если цеховые рабочие, гарантированные в нормальное время от безработицы, чаявшие стать со временем мастерами, были более или менее консервативны, уже в силу их принадлежности к привилегированной корпорации, то сезонные рабочие, скоплявшиеся всегда большими массами, составляли предмет самого живейшего беспокойства предпринимателей и властей, в особенности во времена безработицы. Так обстояло дело с рабочим классом во Франции XVIII века.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги и ответить на поставленный выше вопрос о классовой сущности Великой революции. Мы видели, как развивалась и крепла во Франции буржуазия, оседавшая по преимуществу в крупных торговых центрах. Но непреодолимые, казалось, препятствия преграждали путь дальнейшего капиталистического развития. Абсолютная монархия, которую некогда поддерживали в ее борьбе с феодалами городские коммуны, эти цитадели молодого третьего сословия, успела превратиться в орудие классового господства дворянства, в верный оплот дворянских привилегий. Ее финансовое хозяйство, ее государственный аппарат поддерживали и, казалось, стремились увековечить господство дворянского сословия. Ее церковь освящала порядок вещей, ставший невыносимым для наиболее деятельной, наиболее экономически прогрессивной части французского населения. Наступил момент, когда назревавшее в течение всего XVIII века противоречие между ростом производительных сил и системой социальных и политических отношений, всячески стеснявших и тормозивших этот рост, приняло форму революции. Эта революция справедливо слывет классической революцией буржуазии. Целью ее было установление такого строя, который обеспечил бы дальнейшее беспрепятственное развитие капиталистического способа производства. Но к достижению этой цели революция шла окольными путями. Она проделала несколько этапов, в течение которых последовательно выдвигались на авансцену различные фракции буржуазии, вступавшие между собою в ожесточенную борьбу из-за власти. Буржуазия мобилизовала на свою защиту рабочие и крестьянские массы, и эти массы, правда — не успевшие оформить своих политических требований, не сумевшие выдвинуть свою собственную партию, оказали мощное влияние на исход отдельных эпизодов великой борьбы. С их помощью, наконец, удалось закрепиться у власти истинному гегемону революции, мелкой буржуазии, в лице партии якобинцев. И диктатура добродетельно-революционного мещанства, опиравшаяся на массы парижских санкюлотов, была необходимым этапом революции, призванной расчистить путь перед торжествующим капитализмом». Господство якобинцев означало высший подъем революционной волны, а 9-ое Термидора — начало отлива, начало конца революции. 9-ое Термидора возвело на эшафот вождей якобинцев, разрушило аппарат революционного правительства и подготовило возвращение к власти крупной буржуазии. Между тем, еще в течение первого периода революции, когда Учредительное Собрание пыталось установить компромисс с монархией, со старым порядком, крупная буржуазия, оптовые торговцы, банкиры, промышленники испытывали смертельный страх перед опасностью слева, перед опасностью, грозившей со стороны вооруженных народных масс. Используя массы против старого порядка, против монархии, крупная буржуазия больше всего боялась разнуждать революционную стихию. Уже с первых дней революции ясно вырисовывается фронт борьбы с народной массой, и во имя этой борьбы крупная буржуазия, не останавливаясь ни перед какими репрессиями, ищет подчас компромисса со старым порядком, соглашения с двором Людовика XVI. Учредительное Собрание и консолидирует этот компромисс между крупной буржуазией и привилегированными сословиями. Оно дает Франции конституционную монархию, в которой добрая 1/2 граждан устранены от пользования политическими правами.

Оно проделывает знаменитую комедию "ночи на 4-ое августа"^v и потом решительно ставит крест на желаниях французского крестьянина, декретируя выкуп "реальных" прав сеньера, к которым безоговорочно относит все наиболее ценные с точки зрения сеньера повинности, и делая условия этого выкупа чрезвычайно тягостными для крестьянина. На стачечное движение парижского пролетариата, весной 1791 года, Собрание отвечает знаменитым законом Ле-Шапелье, от 14 июня 1791 года, в котором проводится строгое запрещение всякого рода профессиональных объединений.^{vi} Наконец, когда после предательского бегства короля^{vii} мелкая буржуазия Парижа организует движение под лозунгами низвержения и предания суду Людовика XVI, Собрание отвечает на это движение бойней на Марсовом поле, массовым расстрелом мелкобуржуазной демократии. Но следующий — 1792 год — создает чрезвычайно благоприятную обстановку для дальнейшего поступательного хода революции. Весной этого года Франция попадает в осаду: сначала Австрия, потом Пруссия поднимают знамя борьбы с революцией, чье грозное дыхание начинает колебать вековые устои европейских монархий. Силы старого порядка спешно мобилизуются для борьбы с революционным безумством. Но и внутри самой Франции начинается неслыханное брожение, начинается невиданный доселе подъем волны революционного энтузиазма. Жирондисты, партия крупной торгово-промышленной буржуазии, пытаются еще раз убедить двор в необходимости уступчивой политической линии, но это им плохо удается. Король прогоняет жирондистских министров и ищет союза с врагами Франции, с интервенцией: так подготавливается окончательная политическая изоляция монархии. Этому положению вещей кладет конец революция 10 августа.^{viii} Народные массы Парижа, рабочие, ремесленники, мелкая буржуазия, объединенные по своим секциям, поддержанные добровольческими отрядами из провинции, руководимые якобинцами и их революционной Коммуной, штурмуют Тюльери и наносят смертельный удар монархии. Власть фактически переходит в руки революционной Коммуны города Парижа. Законодательное Собрание, лишённое всякого влияния на ход событий, спешит уступить место Национальному Конвенту.

С Конвентом мы вступаем в героический период революции. Уже первые месяцы его деятельности заполнены шумом классовой борьбы в его стенах. Антагонисты: жиронда и якобинцы. Первая решительная схватка разыгрывается вокруг вопроса о судьбе короля. Якобинцам удается увлечь за собой колеблющееся большинство собрания, и король предается казни. Наступает весна 1793 года. Париж, а за ним и вся Франция, охвачены тяжчайшим экономическим кризисом. Промышленность, лишённая, благодаря войне, рынков сбыта и рынков сырья, испытывает внезапное сокращение. Быстро растёт безработица. Катастрофически падает покупательная сила денег, и, в связи с этим, такое же сокращение испытывает реальная заработная плата. В начале 1793 года за 100 ливров ассигнациями дают только 51 ливр звонкой монеты. Прогрессивное вздорожание цен на предметы первой необходимости прежде всего отражается на хлебе: цена хлеба с 3 су за фунт подымается кое-где до 8 су. Спекуляция увеличивает страдания народных масс. На этом фоне впервые в самой толще народных низов зарождается лозунг таксации предметов первой необходимости, лозунг установления твердых цен на жизненные припасы.

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^v См. выше ссылки на работы М.Блока и А.Адо, а также подборку документов «Аграрное законодательство Учредительного Собрания» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_agr.pdf) и дискуссионный материал в нашем сообществе (<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p46315297.htm#>).

^{vi} Доклад и закон Ле Шапелье (http://vive-liberta.narod.ru/doc/lechapelier_loi.pdf).

^{vii} О Вареннском кризисе см. материалы: http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/varennnes.htm, http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf.

^{viii} Документы и материалы к теме революции 10 августа: http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm.

Сначала этот лозунг подхватывается в парижских "секциях", в народных клубах, где выступают народные ораторы, проповедники своеобразного "уравнительного коммунизма", которых буржуазия клеймит кличкой "бешеных". Но на путях к проведению этого нового лозунга стоит партия жирондистов: ни за что жиронда не хочет примириться с этим мероприятием, которое может больно ударить по крупной буржуазии, по перекупщикам, по зажиточной верхушке крестьянства. Смертельная ненависть к революционному Парижу царит среди жирондистов, готовых стереть с лица земли ненавистный им очаг революции. Но и среди якобинцев, среди избранной верхушки мелкой буржуазии лозунг максимума встречает первоначально недоумение и скорее враждебность, чем сочувствие. Только несколько времени спустя якобинцы открывают в "максимуме" орудие политической борьбы и мобилизации народной массы на борьбу с жирондой. Компромиссный декрет 4 мая, устанавливающий частичный максимум на хлеб, но неспособный фиксировать достаточно низкие цены на хлеб, благодаря самому методу исчисления его максимальной цены, не может удовлетворить массы. Якобинцы переходят в наступление, и революция 31 мая низлагает жиронду, ниспровергает политическую мощь крупной буржуазии и передает власть мелкой буржуазии, опирающейся на столичную демократию. Наступает эпоха якобинской диктатуры.^{ix}

Якобинцам с самого начала приходится иметь дело с небывало трудной и сложной обстановкой внутри страны и на границах. Свергнутая жиронда зажигает гражданскую войну в южных и западных департаментах. Из 83 департаментов, на которые разделило Францию Учредительное Собрание, не менее 60 находятся в состоянии открытого восстания против Конвента. На западе, в Вандее, полчища крестьян, предводительствуемых дворянами, эмигрантами и не присягнувшими священниками поднимают знамя с белыми лилиями бурбонского дома. С востока идет вторжение австрийцев, англичане захватывают Тулон, молодой республике грозит смертельная опасность. Нужны самые крайние, самые решительные меры. Якобинцы, во главе с Робеспьером, организуют революционное правительство в лице Комитетов Общественного Спасения и Общественной Безопасности. Они проводят систему самой строгой, самой точной централизации всего правительственного аппарата. Они обращают против своих врагов оружие террора и создают главный инструмент террора — Революционный Трибунал. В основу своей экономической политики они кладут проведение максимума, и 29 сентября 1793 года Конвент принимает декрет, устанавливающий общую нормировку цен на все предметы первой необходимости. В число предметов первой необходимости входили припасы, все напитки, все сырье мужике для фабрик, и наконец заработная плата. За коэффициент максимума берется при этом рыночная цена 1790 года, с вычетом действовавших тогда и позже отмененных пошлин, увеличенная на 1/9. Для заработной платы этот коэффициент несколько повышается, и рыночная, 1790 года, цена рабочей силы увеличивается наполовину. С помощью максимума якобинцы рассчитывают задержать дальнейшее ухудшение положения народных масс. С другой стороны, они широко идут навстречу крестьянину. Только якобинский режим кладет решительный конец пережиткам феодализма в деревне, только он действительно осуществлял чаяния и желания французского крестьянства, декретируя, 17 июля 1793 года, ликвидацию всех феодальных повинностей без всякого выкупа. В качестве своей политической программы якобинцы вырабатывают конституцию 1793 года, в которой последовательно применяют и развивают принципы чистой политической демократии, откладывая, впрочем, проведение в жизнь конституции до заключения мира. Между тем внутреннее и внешнее положение республики изменяется к лучшему: жирондисты уничтожены, Тулон взят обратно, банды вандейцев рассеяны, и, наконец, на восточной границе армии республики начинают бить коалицию.

^{ix} См., напр., А.Гордон, «Падение жирондистов» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm).
Материалы о жирондистах (http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm).

Непосредственная опасность контрреволюции устранена, но внутреннее положение становится все более и более запутанным. Прежде всего, закону о "максимуме" не удастся достичь поставленных ему целей. Товары массами исчезают с легального рынка, регулируемого максимальными ценами, число торговых оборотов на легальном рынке быстро сокращается, растет нелегальный рынок, растет спекуляция, растут, несмотря ни на какие законодательные запреты, цены на предметы первой необходимости. В июле 1794 года Комитет Общественного Спасения вынужден констатировать ежедневное нарушение закона о максимуме в каждой лавке, на каждом рынке. Но, если закон о максимуме бессилён остановить вздорожание предметов первой необходимости, то он оказывается все же в состоянии вызвать быстрое исчезновение на рынке всевозможного сырья, что влечет за собой закрытие ряда промышленных предприятий и дальнейший развал хозяйственной жизни страны. Комитет Общественного Спасения сурово следит за исполнением закона о максимуме в части, касающейся нормировки заработной платы. Для рабочих проведение таксации их заработка почти-что равносильно голодной смерти, потому что цены на предметы широкого потребления фактически возросли в 1794 году в 5, в 6 и в 10 раз по сравнению с 1790 годом.^x Зима 1793/1794 года обрушивается на столичную бедноту рядом тяжелых бедствий. Не хватает хлеба, последовательно исчезают с рынков — мясо, дичь, зелень, рис, сушеные овощи, бобы и другие продукты. На-ряду с продовольственным кризисом дает себя чувствовать кризис топливный. То та, то другая категория рабочих объявляется Комитетом "под реквизицией" и принудительно отправляется на общественные работы, к частным предпринимателям и сельским хозяевам. Якобинское правительство не желает и не может переступить экономическую программу, начертанную в законе о максимуме. Оно абсолютно чуждо представлению об обобществлении средств производства. Оно борется уравнительными тенденциями, пробившими себе дорогу среди городской и деревенской бедноты. На этом пути якобинцы сталкиваются с "бешеными", с Парижской Коммуной, и Робеспьер уничтожает своих союзников слева, не подозревая, что этим самым он теряет раз навсегда поддержку народных масс, отныне погружающихся в состояние апатии и будничной борьбы за кусок хлеба. Но в то же время руководящая головка якобинцев не умеет ассимилироваться с правыми настроениями, охватывающими самые широкие слои буржуазии и крестьянства. Робеспьер истребляет дантонистов и лишается возможности компромисса с новой буржуазией, жаждущей мира, гарантий против городских низов и безграничной свободы капиталистического накопления. Теперь якобинцы политически изолированы, и гибель их predetermined. Переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.) кладет конец диктатуре мелкой буржуазии. Робеспьер гильотинирован, наступает эпоха буржуазной реакции. Первый период ее проходит все еще под знаком Конвента, максимум отменен, тщательно ликвидируются ее последствия экономической политики якобинцев. Пересматривается конституция 1793 года. Но отмена максимума на первых порах приводит к окончательному падению курса ассигнат (бумажных денег). Цены на предметы первой необходимости возрастают в 34 раза по сравнению с ценами 1790 года.

Павел Павлович ЩЕГОЛЕВ

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

^x Отечественные и зарубежные историки Великой французской революции дают очень разнообразные и нередко противоположные оценки мер таксации (закон о максимуме). См., напр.: Р.Тонкова-Яковкина, «Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/tonkova.pdf>), Ц.Фридлянд, «Девятое термидора» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf), А.Матьез, «Термидорианская реакция» (http://narod.ru/disk/11231826000/mathiez_therm2.pdf.html), http://narod.ru/disk/11231810000/mathiez_therm1.pdf.htm), П.Щеголев, «К характеристике экономической политики термидорианской реакции» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf). Подборки документов: «ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.)» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf), «ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf), «ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm2.pdf).

На этой почве, в апреле 1795 г., в Париже разыгрывается последняя революционная вспышка изголодавшихся в конце народных масс. Восстание жестоко подавляется. Вожаки его, остатки якобинцев, брошены в тюрьму. По всей Франции прокатывается волна белого террора. Вскоре после этого Конвент заканчивает выработку новой конституции, получившей название конституции III года Республики. Эта конституция знаменует собой решительный разрыв с демократическими традициями якобинства. Она отменяет всеобщее избирательное право, установленное революцией 10 августа 1792 года, ограничивает круг избирателей первой степени плательщиками налогов, круг избирателей второй степени — собственниками доходных имуществ, арендаторами или фермерами, а для будущего вводит помимо всего образовательный ценз. Законодательная власть организуется на основе двухпалатной системы. Законодательный Корпус составляется из Совета Старейшин и Совета Пятисот. И тот и другой ежегодно возобновляются в составе одной трети своих членов. Законодательная инициатива принадлежит исключительно Совету Пятисот. Исполнительная власть поручается Директории из пяти членов. Кандидаты в члены Директории намечаются Советом Пятисот, и из числа представленных кандидатов (число их превышает в десять раз количество вакантных мест) Совет Старейшин делает окончательный выбор. Директория управляет страной при посредстве министров, она заведует внешними сношениями Республики, предлагает Законодательному Корпусу объявление войны, назначает главнокомандующих армиями, комиссаров и других чинов администрации. Конституция III года обеспечивает политическое господство крупной буржуазии. Для имущих классов Франции революция представляется завершенной, законченной. Они достигли всего, и дальнейшее затягивание революции может только угрожать их завоеваниям. Накануне роспуска Конвента против него подымается роялистское восстание внутри самого Парижа (12 вандемьера — 4 октября 1795 года). Оно подавляется, впрочем, без особого труда. Несмотря на обнаружившуюся таким образом активность роялистских заговорщиков, термидорианцы воздерживаются от особенно строгих репрессий по отношению к своим врагам справа. Грозный призрак голодающих предместий столицы останавливает их от слишком резких мероприятий против представителей монархической контр-революции. Выборы в Законодательный Корпус обнаруживают резкое поправление имущей Франции. В депутаты проходит много скрытых роялистов. Директория составляется из умеренных термидорианцев. Спекуляция и ажиотаж собирают богатую жатву на почве дальнейшего обесценения ассигнатов и роста дороговизны. Городская беднота погружена в тупую апатию. Она лишена политических прав, она дезорганизована, ее вожди убиты, сама она ведет отчаянную борьбу с голодом, с холодом, с нуждой. И в этот момент раздается все громче и громче призыв к возобновлению великой революционной борьбы, призыв к новому восстанию, новой революции против богатых, против узурпаторов народной воли, против конституции III года. Это голос Гракха Бабефа, "народного трибуна", как он сам называет себя. Будет ли он услышан?

Литература к I главе

Е.В.Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч.I и II. См. также «Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tarle_lab.pdf).

М.М.Ковалевский. Происхождение современной демократии. Т.I, ч.I.

Н.И.Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции.

И.В.Лучицкий. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции. Его же. Состояние земледельческих классов во Франции и аграрная реформа 1789—1793 гг.

Его же. Крестьянство во Франции XVIII в., Книга для чтения по истории нового времени". Т.II).

Ф.Вольтере. Очерки по истории аграрных отношений и аграрного вопроса во Франции 1700—1760 гг.

Н.М.Лукин. Максимилиан Робеспьер (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/robch_mem.htm#lukin).

Я.Захер. Французская революция в документах. Подборки документов из сб. под ред.Я.Захера: «ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.)» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf), «ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf).

Г.Кунов. Борьба классов и партий во Французской революции (http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow).

H.See. La France economique et sociale au XVIII siecle.

Его же. L'evolution commerciale et industrielle de la France sous l'ancien regime.

Jaures. Histoire socialiste. T.I-IV (есть русский перевод 1, 2, 3 и части 4-го тома).

ГЛАВА II. МОЛОДОСТЬ БАБЕФА

В XVIII веке в Пикардии, на северо-востоке Франции, проживала семья, носившая фамилию Бабеф. Установить в точности ее происхождение так и не удалось. Есть основание предположить, что отдаленные ее предки были кальвинисты, основавшие даже целую колонию в Пикардии, носившую название Бобеф (Bobeuf). Обычным их занятием было земледелие, но в первой половине XVIII века один из них, носивший имя Клавдия (Claude Babeuf), получил некоторое образование и выдвинулся сначала в качестве посредника между кальвинистскими и лютеранскими общинами, ведшего переговоры в Швеции, Дании, Венгрии, Саксонии и Австрии, а позднее — на военной службе в австрийских войсках, где он заслужил чин майора. Ему удалось даже, одно время, устроиться воспитателем детей Марии-Терезии, австрийской королевы. Таково, по крайней мере, было семейное предание. Во Франции, между тем, он считался дезертиром, и только в 1755 г. он был амнистирован и получил возможность безнаказанно вернуться на родину. Здесь он получил службу в управлении соляного налога и вскоре женился. Первым ребенком от этого брака и был Франсуа-Ноэль Бабеф, появившийся на свет в 1760 г. Вскоре после рождения мальчика отец его, по невыясненной причине, потерял свое место. Семья впала в состояние крайней нужды, близкой к нищете. Отец Бабефа должен был искать заработок в качестве простого работника в Сен-Кантене, куда он перевел всю свою семью. Мать его день и ночь проводила за пряжей. На маленького Франсуа пала тяжелая забота по уходу и присмотру за его младшими братьями и сестрами.

Они настолько нуждались, что отец не был в состоянии отдать их в школу. Сам Франсуа выучился читать самоучкой. Отец преподавал ему начатки латыни, немецкого языка, математики. Четырнадцати лет от роду, Франсуа покинул отцовский дом. Мы видим его в услужении сначала у одного землемера, а потом у некоего дворянина де-Бракемон. Около 1781 года Бабеф потерял отца. Перед смертью отставной майор, как гласит семейное предание, передал детям экземпляр жизнеописаний Плутарха и завещал каждому из них выбрать себе за образец одного из героев древности. Он признался, что сам считает наиболее достойным подражания римского трибуна Кая Гракха. Молодой Франсуа поклялся отцу исполнить его завет.

В 1782 году, двадцати двух лет от роду, Бабеф женился на горничной госпожи Бракемон; в поисках постоянного заработка, он переселился сначала в Нойон, потом в Руа. Он выбрал себе профессию землемера и февдиста. Мы уже говорили в первой главе, что восьмидесятые годы XVIII столетия были годами феодальной реакции. Взыскание всевозможных недоимок, восстановление стародавних, позабытых повинностей — все это создавало большой спрос на труд так называемых commissaires a terrier. В круг деятельности такого комиссара входило прежде всего составление подробнейшей описи данного имения, перечень всех сеньориальных прав, розыски в архивах. Нужны были недюжинные способности для того, чтобы занять этот сравнительно видный в провинции пост. Те, кто впоследствии ставил Бабефу в упрек его деятельность в качестве "комиссара", совершенно не учитывают, что в годы, предшествовавшие Великой революции, в занятии такого поста не было ровно ничего предосудительного. Кроме того, мы имеем основания утверждать, что и при выполнении своих щекотливых подчас обязанностей Бабеф умел сохранить полнейшее беспристрастие и достоинство.

Мы не знаем точно, в каком году Бабеф занял свою новую должность. Во всяком случае в 1785 году Бабеф уже был "комиссаром". К этому же году относится и возникновение его переписки с Дюбуа де-Фоссе, постоянным секретарем королевской академии в Аррасе.^{xi}

Поводом к возникновению переписки послужил объявленный академией конкурс, темой которого было изыскание способов улучшения путей сообщения в провинции Артуа. Молодой Бабеф отозвался на объявленный конкурс и прислал свое сочинение, которое, однако, не было допущено к соревнованию в виду невыполнения автором его основного условия конкурса: полной анонимности присланных работ. Дюбуа де-Фоссе, недавно избранный секретарем академии, заинтересовался личностью автора отвергнутого мемуара и завязал с ним переписку, которая и длилась около трех лет, с 1785 по 1788 год. Эта переписка, сохранившаяся и до наших дней, служит единственным источником для ознакомления с настроениями и думами молодого Бабефа. Секретарь провинциальной академии узнал в своем собеседнике человека очень и очень незаурядного. Он затрагивал в своих письмах к нему самые разнообразные темы, и из ответов Бабефа мы подчас черпаем очень ценный материал для суждения о его воззрениях в описываемую нами эпоху. Незаметный чиновник, приказчик провинциального дворянства лелеет замыслы обширных преобразований тогда, когда, кажется, еще ничто не предвещает грозу надвигающейся революции. Его корреспондент производит впечатление скучающего дилетанта. Его перо легко скользит по бумаге, затрагивая или, вернее, задевая мимоходом всевозможные темы, всевозможные сюжеты. Проза часто переходит в стихи или заканчивается приложенными протоколами заседаний Аррасской академии. Воспитание вкуса к изящным искусствам идет параллельно с рассуждениями о задачах педагогики. Столь же разбросанный характер носят, по крайней мере в первое время, ответы Бабефа. Тут и мысли о воспитании детей, тут и оценка достоинств того или иного поэтического произведения. Но вот однажды словоохотливый секретарь предлагает Бабефу найти три темы для очередного конкурса Аррасской академии. Бабеф не заставляет долго ждать ответа. Первые две из намеченных им тем не могут нас заинтересовать. Они носят узко специальный характер. Зато третья сразу разоблачает самые затаенные, самые сокровенные думы Бабефа. "Каково должно быть, при современном уровне знаний, положение народа, общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами установится совершенное равенство, что земля, которую он населяет, будет принадлежать всем сообща и никому в отдельности, и, наконец, все будет общим, вплоть до продуктов промышленности? Будут ли подобные учреждения оправданы естественным законом? Возможно ли существование подобного общества, и осуществимы ли практически мероприятия, которые должны быть приняты для достижения полного равенства в распределении?"¹ Вопрос, поставленный здесь Бабефом, есть вопрос о практическом осуществлении коммунизма. Немного погодя, он получил возможность подробнее развить свой проект коммунистического общества. Темы для конкурса Аррасской академии были им предложены 21 марта 1787 года, а в письме от 19 числа того же месяца Дюбуа де-Фоссе сообщил Бабефу содержание брошюры, сильно занимавшей его в это время. Эта брошюра носила гордое и несколько претенциозное название: "Преобразование всего мира". Темой ее было изображение пороков и зол, от которых страдает современное общество, исследование причин этих зол и, наконец, описание средств, при помощи которых можно было достигнуть всеобщего благополучия и довольства. Анонимный автор брошюры предполагал разрушение всех ныне существующих городов, местечек, замков и постройку 1000 городов, по два лье в окружности, 100 коллежей, в которых обучали бы искусствам и ремеслам, 15000 местечек и 330000 ферм. Общественный строй должен был быть вполне коммунистическим, основанным на общем труде и общем потреблении всех продуктов. Автор брошюры давал подробное описание одежды, пищи и жилищ преобразованного мира. Брошюра настолько понравилась Дюбуа, что он пошутил написал Бабефу:

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

^{xi} Фердинанд Дюбуа де Фоссе (1742-1817)

¹ V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Т. II, стр.11.

"Какое счастье прожить еще 50 лет и увидеть эту тысячу новых городов! Как я жалею, что я так далеко зашел вперед с моими годами! Но не станем отчаиваться: человек, сделавший столько прекрасных открытий, найдет, быть-может, способ продлить жизнь людей..." (письмо от 18 июня 1787 года).² Он заверяет своего корреспондента, что не нашел у автора брошюры ни одной строчки, которая позволила бы предположить шутку с его стороны. Сам Дюбуа был усиленно занят составлением проекта всеобщего кодекса законов. В этой своей работе он подпал под сильное влияние кодекса Фридриха Великого. Это дало повод Бабефу в следующем письме развить свои мысли сразу и по поводу идеи автора "Преобразования мира" и по поводу кодекса, проектированного секретарем Аррасской академии. В этом письме отчетливо проступают две основные линии идеологии Бабефа: во-первых, ненависть к феодализму, ненависть, почерпнутая в повседневных наблюдениях, в практике февдиста и землемера, и, во-вторых, неясная и торжественная мечта о будущем человечества, мечта, за осуществление которой Бабефу пришлось впоследствии отдать свою жизнь. "Удивляются, — пишет он, — разнообразию наших обычаев (coutumes). Мне кажется, что тут нечему удивляться, если хорошенько вспомнить ту эпоху, в которую они складывались. Люди, тогда еще невежественные и дикие, не делали ничего такого, что не соответствовало бы их характеру. Головы, охваченные энтузиазмом завоевания, обратились, как это неизбежно вытекало из их бесчеловечных склонностей, укрепленных вопиющей системой феодализма, к установлению таких обычаев, которые могли бы удовлетворить их смешное тщеславие. Счастливый разбойник был только наполовину удовлетворен, даже обладая большими богатствами. Его дикое тщеславие страдала, когда он предвидел в будущем раздробление своей собственности ... отсюда проистекает новая гнусность. Нужно было задушить голос крови, чтобы услужить тщеславию, и оставить почти без всякой поддержки младших, чтобы обременить избытком старшего... Отсюда происхождение так называемой знати и (сословных) различий, так возмущающих все слои общества... Отсюда, кроме того, происхождение этих смешных законов, которые служат оправдательным документом всем узурпаторам, легализующим их захваты... Те, кто в собраниях, призванных составлять законы (codes), имели больше всего влияния вследствие их богатства, вводили в них те или иные правила по своему усмотрению..."³ От критики существующих порядков Бабеф тотчас переходит к критике утопии анонимного автора. Для Бабефа характерен практический уклон его ума, ему мало набросать чертеж, схему идеального общества. Нужно указать конкретные меры, необходимые для завершения проектируемого преобразования. "По всей вероятности, — пишет он, — придется для всего этого королям лишиться их корон, а всем титулованным и привилегированным — чинов, мест и должностей. Но за чем дело стало? Для того, чтобы совершить великую революцию, надо произвести великие перемены. И притом что хотят сказать, в конце концов, всеми этими экстравагантными титулами? разве они не являются пустыми, фантастическими выражениями, приобретенными тщеславием и подтвержденными низостью? Нужно ли в действительности хотя бы малейшее различие между людьми? Почему нужно оказывать тому, кто носит шпагу, больше почтения, чем тому, кто ее выковал..."⁴ В своих дальнейших рассуждениях Бабеф очень хорошо выясняет разницу между автором анонимной брошюры и Руссо. Руссо проповедует возвращение к первобытному естественному состоянию. Это возвращение может быть достигнуто только ценой отказа от всех приобретений культуры, ценой решительного разрыва с достигнутым уже уровнем человеческих знаний. Громадное превосходство автора брошюры, по мнению Бабефа, заключается в том, что он соединяет новое, идеальное устройство общества с сохранением всех главных достижений культуры. "Он счастливо примиряет все удовольствия жизни в обществе (de la vie sociale) с удовольствиями естественной первобытной жизни".⁵ Бабеф готов провозгласить *vivat* удачным замыслам реформатора.

² Там же, стр.176.

³ V.Advielle. Указ.соч., т.II, стр.190, 191.

⁴ V.Advielle. Указ.соч., т.II, стр.192, 193.

⁵ Там же, стр.193.

"Я решил сделаться одним из первых поселенцев в новой республике".⁶ Он подчеркивает необходимость обязательного труда для всех граждан утопической республики. Правда, нужно до известной степени считаться с наличием врожденных склонностей к той или иной профессии. Не каждый может стать чиновником или отправлять те или иные правительственные функции. Но никто не должен быть обделен по сравнению со своими согражданами. Простой вязальщик должен за свою работу получать все ему необходимое: хлеб, мясо, вино, одежду, сапоги, квартиру и полную охрану его прав". И так будет обстоит со всеми профессиями. Бабеф высказывает надежду, что благодаря этой системе "каждый будет вполне доволен". Новая республика не будет знать никакого подразделения профессий по степени их большей или меньшей почетности. Все полезные профессии будут в ней одинаково уважаться. В другом месте Бабеф настаивает на необходимости отмены права наследства: наследству нет места в утопической республике.

Если мы попытаемся дать резюме взглядам Бабефа накануне революции, то мы увидим, что он шагнул далеко вперед своих современников. Конечно, ненависть к феодализму, ненависть к привилегированным сословиям представляет собой повсеместное явление в дореволюционной Франции. Рассуждения Бабефа о "порочности феодальной системы" довольно трафаретны для 80-ых годов XVIII века. Характерно только, что они почерпнуты из повседневных наблюдений, из практики февдиста. Казалось, все будущее, карьерные соображения, материальное устройство семьи, которую Бабеф любил до обожания, должны были бы сделать из него слугу "привилегированных", слугу не за страх, а за совесть. Вместо этого мы видим жгучую ненависть, холодное презрение к "так называемой знати". Этот мелкий и ничтожный чиновник в глуши провинции, роясь, по его собственному выражению, в пыльных архивах феодальной знати, успел стать революционером с головы до ног, решительным врагом косности, рутины, злоупотреблений и притеснений феодального строя. Но, готовый примкнуть к революции, стать солдатом революционной армии, предвидел ли он исход революции, готов ли он был удовлетвориться ее неизбежным результатом — водворением буржуазного общества на развалинах феодализма? Мы видим, что мысль Бабефа пленена была мечтой об идеальном обществе, чуждом, как небо земле, той буржуазной повседневности, которая должна была установиться во Франции в случае успеха революции. В этих признаниях переписки заключено зерно неизбежного конфликта между Бабефом и революцией, зерно "заговора равных" и его трагической развязки. Исходным пунктом утопических построений Бабефа служит учение об естественном праве, нарушенном установлением общественного неравенства. Как и Руссо, Бабеф видит в современном ему обществе вопиющее нарушение естественного права, но только восстановление нарушенных прав природы мыслится ему не через возвращение в первобытное состояние, а через революцию, которая уничтожит неравенство людей и осуществит естественный закон, сохранив за человечеством все его культурные достижения.^{xii}

Между тем жизнь Бабефа за все время, пока длилась его переписка с секретарем Аррасской академии, сложилась так, что ему прежде всего приходилось думать о куске хлеба для своей семьи. Кроме жены и детей, он должен был содержать мать и несколько братьев и сестер. Несмотря на свою перегруженность, Бабеф находил время заниматься чисто литературной работой. В 1786 г. он опубликовал проспект обширного сочинения под заглавием "Архивист-землемер" ("l'Archiviste-terriste"), которое, однако, так и не увидело света. Ему удалось только напечатать некоторые извлечения из своей рукописи. В этом же году Бабеф анонимно опубликовал брошюру, посвященную организации французской армии. Критика обветшавших учреждений монархии в этой брошюре была настолько резка, что, напр., Дюбуа де-Фоссе наотрез отказался содействовать ее распространению среди книгопродавцев Арраса.

⁶ Там же, стр.194.

^{xii} См. выше ссылки на работы В.Волгина, Марка Блока, а также главы в книге Ф.Саньяка «Гражданское законодательство Французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm), посвященные праву наследования земли.

Автор брошюры мечтает о "действительно полновластной нации" и ставит выше монарха, которого он называет "сувереном", Народное Собрание ("L'assemblee du Peuple"). Кроме того, Бабеф опубликовал "Рассуждение о причинах беспорядков, которые часто наблюдаются в сеньериальных документах". Это было сочинение, не выходящее за круг специальных занятий его автора, но в нем можно обнаружить кой-какие любопытные суждения о роли большинства. "Слишком часто, — говорит Бабеф, — глупцы предпринимают законы мудрым, и слишком часто вполне основательные предложения отвергаются только потому, что не приходится по вкусу первым... Людей, чьи идеи возвышаются над обычным уровнем большинства, называют обыкновенно новаторами, людьми системы, в то время как присущая людям леность заставляет их постоянно отдавать предпочтение тому, что они знают и практикуют в течение долгого времени... Большинство всегда идет за партией рутины и застоя..."⁷ Эти суждения очень характерны для молодого Бабефа, еще не успевшего окончательно закрепить и определить свои общественные воззрения.

В 1787 г. Бабеф находился одно время в переговорах с графом Кастейя, который приглашал его к себе для работы над разбором сеньериального архива. Переписка богатого феодала и кадастрового комиссара из Руа окончилась, однако, очень неожиданно. 7 сентября 1787 года граф писал Бабефу:

"Если вам не подходит, милостивый государь, обедать с моей прислугой и если вы не можете столоваться в деревне, то очевидно не приходится и думать о каком-либо соглашении между нами; не потому, конечно, чтобы я брезговал обедать за одним с вами столом, — такая глупость никогда ни унижала моего ума, не пачкала моего сердца, — но моя жена и я не хотим стеснять себя... Вы молоды, милостивый государь ... смените смешное тщеславие, которое подавляет вас, на разумно-направленное самолюбие..."⁷ Бабеф ответил графу корректным, исполненным достоинства письмом, в котором он отводил от себя подозрение в "смешном тщеславии", но в его поместье он все же не поехал.

В 1788 г., весной, Бабеф находился на вершине материального благополучия. Он имел обширный круг клиентов среди дворянства и духовенства, заслужив себе репутацию исключительно дельного и знающего работника. Но работа эта в душе ему, конечно, давно уже опостылела. По мере возможности старался он отстаивать интересы обездоленной крестьянской массы, старался устранить наиболее вопиющие злоупотребления. Так, получив поручение от настоятеля аббатства Сен-Торен собрать и привести в порядок архив аббатства, Бабеф ограничился сводкой существовавших с давних пор повинностей. Работа его оставила настоятеля настолько неудовлетворенным, что он даже отказывался вначале заплатить Бабефу следуемое ему вознаграждение. Отношения между кадастровым комиссаром и его титулованной клиентелой стали портиться. Целый ряд помещиков оставался ему должным крупные суммы, и он не имел средств принудить их к уплате. Наконец, он, отказавшись от целого ряда выгодных предложений, взялся за работу по приведению в порядок архива маркиза Суаекура (Soyecourt). Работа эта отняла у Бабефа много времени. Он навлек на себя смертельную ненависть некоего Биллекока, бывшего управляющим у маркиза, так что, когда работа была закончена и наступило время расчета, Биллекок убедил маркиза выплатить Бабефу всего сто ливров, вместо причитавшихся ему 2 000. Теперь Бабеф был окончательно разорен, материальное благосостояние его семьи покачнулось. Биллекок и его многочисленная родня, пользовавшаяся большим влиянием благодаря связям и богатству, беспрерывно травили Бабефа. Он находил сочувствие лишь у бедняков квартала Сен-Жиль, в котором он обитал в Руа. Его озлобление против знати все росло и росло. Впоследствии он напишет об этом периоде своей жизни: "Я был февдистом при старом порядке, и вот, быть-может, причина того, что я стал бичом феодализма при новом; в пыли сеньериальных архивов я открыл ужасные тайны аристократических узурпации — я разоблачил их перед народом в огненных строках, написанных на заре революции".⁸

⁷ V.Advielle. Указ.соч., т.I, стр.41.

⁷ V.Advielle. Указ.соч., т.I, стр.44.

⁸ Gr.Babeuf. Tribun du peuple a ses concitoyens. De l'imprimerie Franklin, стр.1.

Революция, чьи грозные тучи нависли над Францией, должна была найти преданного и стойкого борца в этом февдисте и кадастровом комиссаре. Наступили дни, когда она призвала его под ружье и поставила в первые ряды своих бойцов.

Участие самого Бабефа в событиях грозного 1789 года началось с редактирования им наказов бальяжа Руа. Наказы составлялись по всей Франции, ими должны были руководствоваться в своей деятельности члены Генеральных Штатов, созванных королем Людовиком XVI впервые после более чем полуторастолетнего перерыва. Они заключали в себе требования тех или иных реформ, требования, с которыми должны были выступить перед Генеральными Штатами представители сословий. Так вот Бабеф и принял участие в редактировании некоторых статей этих наказов, в особенности той, которая требовала уничтожения феодалов, выкупа сеньериальных повинностей, упразднения права первородства и ограничения отцовской власти, подчас злоупотребляющей своими правами в ущерб большинству детей. Бабеф, кроме того, предложил внести в наказ требование отмены всех существующих налогов и замены их единым, равномерно распределенным обложением, а также установления системы "национального воспитания". Эти предложения были, однако, отвергнуты по настоянию Биллекока, председательствовавшего в собрании. Бабеф идет дальше. На площади в Руа он устраивает торжественное сожжение сеньериальных архивов. Это ауто-да-фе должно было служить символом падения ненавистных порядков феодализма. Этот день должно-быть был большим праздником в жизни Бабефа, — большим праздником, несмотря на то, что теперь, в новых условиях, теряла всякий смысл избранная им некогда профессия и он сам, со всей своей семьей, обречен был на неминуемую нищету. Но Бабефу теперь не до того: его увлекает темперамент революционного бойца; он отправляется в Париж, и мы видим его среди охваченной энтузиазмом толпы, штурмующей 14 июля 1789 года оплот абсолютизма — Бастилию.^{xiii} Ему не сидится в Париже, на следующий день он спешно возвращается в свой родной Руа. Здесь он остается всего несколько дней, едет обратно в Париж и живет там четыре месяца, с июля по октябрь. Он становится в Париже свидетелем страшной расправы народа с министрами Людовика XVI Фулоном и его племянником Бертье де-Совиньи. "Я видел, — пишет он 25 июля своей жене, — как проносили головы тестя и зятя, в сопровождении почти тысячной, вооруженной толпы; они были выставлены на показ в продолжение всего долгого пути по предместью и улице Сен-Мартен; почти двести тысяч зрителей встречали их бранью и предавались веселью, совместно с эскортом, который воодушевлялся звуками барабанного боя. О, какую боль доставляла мне их радость! Я был в одно время и доволен и недоволен, я говорил себе — тем лучше и тем хуже. Я понимаю, что народ творит правосудие, я даже одобряю это правосудие, когда оно может быть удовлетворено лишь уничтожением виновных, но неужели сегодня нельзя быть менее жестоким? Наказания всякого рода, четвертование, пытка, колесование, розги, виселицы, палачи, размножившиеся повсюду - вот что дало нам такие плохие нравы. Наши господа, вместо того, чтобы смягчить их, сделали нас варварами, потому что таковы они сами. Они жнут и будут пожинать то, что сами посеяли".⁹ В этом же письме Бабеф сообщает жене о разных неудачах, постигших его при попытке так или иначе устроить свои дела. Ему обещают кой-какую работу по описи архивов. "Но я полагаю, — замечает он, — что поземельные описи пойдут к чорту, как и много других вещей, от которых теперь, наконец, избавились. Все это, конечно, очень хорошо, хотя я лично дорого расплачусь за это". В другом письме Бабеф горько сетует на нищету, в которой он должен был оставить свое семейство. "Ужасно тяжело, — пишет он, — переживать сегодняшней день". Он рассчитывает получить службу в Париже и надеется на кой-какой заработок в архивах, "которые, конечно, сохранятся и после упразднения феодалов"¹⁰. Борьба за кусок хлеба не мешает, однако, Бабефу принимать участие в текущей памфлетной литературе, потоки которой наводняют Францию в первые месяцы революции.

^{xiii} См. письмо Бабефа жене 25 июля 1789 г. (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#Bf).

⁹ Advielle. Т. I, стр. 55.

¹⁰ Advielle. Т. I, стр. 58.

Он пишет, между прочим, брошюру, направленную против Мирабо, в которой содержатся резкие нападки на личность и политические дарования знаменитого оратора. В октябре, ничего не добившись в Париже, Бабеф возвращается в Руа. Между тем революционная волна временно идет на убыль. Крепнет буржуазная реакция, которой руководит само Учредительное Собрание. Власти начинают следить за выполнением всякого рода феодальных повинностей и регулярным поступлением ряда налогов, платеж которых прекратился фактически 14 июля 1789 года. 28 февраля в Руа делают попытку восстановить, не взимавшийся там с июля прошлого года, косвенный налог на напитки ("le droit d'aides sur les boissons"). Это возмущает до крайности население города, и вот Бабеф, по его собственному выражению, "поднимает восстание" (insurrectionnai) против косвенных налогов. Этим он навлекает на себя недовольство - муниципальных властей, которые обвиняют его в науськивании кабатчиков на администрацию. Ведомство косвенных налогов добивается его заключения в парижскую тюрьму Шатле, откуда он пишет письмо знаменитому в то время адвокату де-Мирбек, с просьбой взять на себя ведение его дела. Вскоре Бабефа освобождают, главным образом по настоянию Марата, и он получает возможность принять участие в торжественном празднике федерации, в день первой годовщины взятия Бастилии. Он выступает в форме офицера национальной гвардии, среди депутации от национальных гвардейцев города Руа.^{xiv} Возвратившись домой, Бабеф снова вмешивается в борьбу из-за налогов и в октябре публикует брошюру, посвященную налоговому вопросу. В ней он требует решительной отмены косвенных налогов и установления единого подоходного, сказали бы мы теперь, налога. "Если бы вся территория Соммы принадлежала одному гражданину, то он и должен был бы выплачивать один всю сумму налога, причитающуюся с департамента... Слишком долго допускали несправедливость, обременяя бедняка тяжелой ношей налогов. Необходимо, чтобы налог распределялся пропорционально ценности доходов с недвижимости и от промышленности. Облагать, хотя бы одним денье, предметы потребления значило бы... совершать самую возмутительную из несправедливостей..."¹¹ Немудрено, что такие речи Бабефа пришлись не по вкусу архи-буржуазным отцам города. Мэр, некто Лонгекан (Longuecamp), делает на него донос трибуналу в Мондидье, а ведомство косвенных налогов (Cour des Aides) добивается даже нового приказа об аресте, осуществление которого было, однако, отсрочено решением департаментской дирекции от 14 декабря 1790 года. Избранный 14 ноября в генеральный совет своей коммуны, Бабеф через полтора месяца изгоняется оттуда под тем предлогом, что выборы лица, против которого возбуждено судебное преследование, не могут считаться действительными. Зато в октябре месяце Бабефу удается осуществить свою заветную мечту. Он становится редактором газеты, носящей название "Пикардийский Корреспондент" (Le correspondant Picard). Первоначально газета приобрела изрядное количество подписчиков, и дело имело даже довольно ощутительный материальный успех. Но у Бабефа было слишком много врагов и недоброжелателей. На него ополчилась вся провинциальная аристократия, его бывшие клиенты из привилегированных сословий. Специальная брошюра, вышедшая около этого времени, обвиняла Бабефа в предательстве и ренегатстве, сопоставляя его прежнюю деятельность февдиста с теперешними его политическими выступлениями. Бабефу пришлось обороняться. Пока он был молодым, — писал он, — он полагал "все существующее должным". Ему представлялось необходимым существование преследуемых и преследователей, он относился с большим уважением "к своей матери — феодализму". Но, наконец, он стал взрослым мужчиной, "солнце революции" озарило его, и он убедился, что его мать была "чудовищем о ста головах".¹² Бабеф объявляет во 2 номере своего "Корреспондента" прием у себя на дому для всех, имеющих вопросы "как общего характера", так и специально касающиеся различных деталей нового государственного устройства. Такого рода консультацией он думает, очевидно, сблизить газету с ее читателями из народа. Популярность Бабефа растет.

^{xiv} См. «Из «Письма депутата Пикардии» 14 июля 1790 г.» (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl_90.htm#Bf).

¹¹ Advielle. Т. I, стр. 491-492.

¹² Там же, стр. 92—93.

Квартал Сен-Жиль в Руа избирает его 23 марта комиссаром по розыску общинных имуществ города Руа". На этом новом посту Бабеф проявляет недюжинную энергию. Ему удается разыскать документы, устанавливающие причастность муниципальных чиновников старого порядка к захвату общинных земель. Он обвиняет новый муниципалитет в подражании старым властям, в расхищении городского имущества. Это выступление дает повод к новым репрессиям. 5 апреля 1791 года Бабефа арестовывают и отправляют в Мондидье. Муниципальные власти требуют предания его суду за агитацию в пользу захвата болота Бракемон и за распространение преступных учений о пределах народного суверенитета, учений, вызывающих брожение даже в соседних коммунах. В июле того же года Бабефа обвиняют в "антиконституционном желании заменить республикой монархию, установленную нашими мудрыми законодателями".¹³ Выпущенный на свободу, Бабеф продолжает воевать с властями, окончательно утверждая за собой репутацию смутьяна, демагога, опасного и неуживчивого человека. Материальные его дела из рук вон плохи. "Пикардийский Корреспондент" прекратился в 1791 году на сороковом номере, очевидно — вследствие отсутствия материальной поддержки, которую ему могли оказать только имущие слои населения, враждебно настроенные в отношении Бабефа. Из затеи основать газету в Париже, еще раньше "Корреспондента", тоже ничего не вышло. Основанный Бабефом "Журнал Конфедерации" замер на 2-ом номере. Отношения между Бабефом и всем, что было знатного, богатого и чиновного в Руа, обострились до крайней степени. Летом 1792 года Бабеф продолжал свои нападки на муниципалитет, гроза собиралась над его головой, когда, к счастью для него, грянул гром революции 10 августа 1792 года.

Попытаемся теперь обрисовать духовный облик Бабефа за эти первые годы революции. Революционные будни маленького городка, очень консервативного, очень косного, разбужены вмешательством человека, который, прежде всего, стремится быть крайним в своих выступлениях. Его революционный темперамент прямо несносен для всех этих муниципалов, сторонников Учредительного Собрания и конституционной монархии. Его убеждения находятся в резком противоречии с тем, что исповедует официальная, правящая Франция, возвещающая устами своего конституционного короля завершение революции. Он — за всеобщее избирательное право, чуть ли не за республику, тогда, когда Собрание устанавливает ценз и восстанавливает, пошатнувшийся после бегства в Варенн, трон Людовика XVI; он — за единый подоходный налог, когда Собрание неуклонно проводит политику укрепления экономических позиций буржуазии; наконец, он — за аграрный закон, за "черный передел", когда Собрание стремится защитить существующие сеньориальные права во имя святости всякой собственности.

На последнем надо остановиться подробнее. Два произведения, вышедшие из-под пера Бабефа в описываемую нами эпоху и еще ни разу нами не упомянутые, дают дополнительный материал к характеристике его идеологии; мы подразумеваем "Постоянный кадастр", выпущенный Бабефом в 1789 году, и письмо его к аббату Купэ, кандидату в Законодательное Собрание, датированное концом 1791 года. "Постоянный кадастр" с предисловием к нему — это трактат, написанный на отвлеченную тему, с отступлениями в область политики, педагогики, естественного права. Письмо к Купэ — это политическая программа, попытка набросать тактическую платформу. Рассмотрение этих произведений Бабефа требует нескольких предварительных замечаний.

Мы видели уже при разборе переписки Бабефа с секретарем Аррасской академии Дюбуа де-Фоссе, насколько Бабеф в своих построениях зависел от господствовавшего в XVIII веке учения об естественном праве. Но само учение это поддавалось различным толкованиям. Подавляющее большинство мыслителей "века просвещения" были идеологами буржуазии. Они делали из естественного закона чисто индивидуалистические выводы, они обосновывали на нем неограниченное право собственности. Только небольшая часть просветителей пошла по иному пути.

¹³ Q.Deville. Thermidor et Directoire, стр.14.

Чисто абстрактная теория естественного права, совершенно оторванная от исторической действительности, допускала возможность диаметрально-противоположных выводов. Эти выводы и делались в двух направлениях. Если современное общество построено на нарушении естественного закона, если самым вопиющим образцом этого нарушения является неравенство, то ведь и устранение его может быть достигнуто двояким путем. Можно ввести равенство в распределение частной собственности, сохранив самый принцип собственности; можно, наоборот, стремиться обеспечить каждому члену общества равную долю в материальных благах и для этого осуществить коммунизм в отношении средств производства или средств потребления. Оба эти течения острием своим направлены против буржуазного прогресса, против капиталистического развития общества. Особенно яркий мелкобуржуазный характер имеет первое, выдвинувшее своими идеологами Руссо и его школу. Ученик Руссо Госсэлен требует всеобщего земельного передела, в результате которого вся страна раздробится на мелкие хозяйства; при этом Госсэлен высказывается против отказа от личной собственности, ибо это может подорвать всякие стимулы к труду. Фошэ предлагает проект закона, согласно которому всякий, имеющий 50000 ливров земельной ренты, лишается права покупки земли. Он же настаивает на равном разделе земли между наследниками и на ограничении совместного имущества супругов 50000 ливров ренты. По проекту Госсэлена должен быть создан первоначальный фонд из королевских, церковных и пустопорожных земель и из земель, выкупаемых у частных лиц. Из земель этого фонда беднейшие граждане наделяются равными участками, которыми они пользуются на правах аренды. "Я утверждаю, — писал Госсэлен, — что этим путем ... вся земля Франции будет приблизительно поровну распределена между ее сынами и покрыта счастливыми жителями, которые вечно будут благословлять отважного смертного, который, совершив эту революцию, станет виновником их счастья и благополучия".¹⁴ Ретиф де-ла-Бретонн предлагает разделить всю землю между крестьянскими семьями, пропорционально числу рабочих рук. Среди мыслителей этого направления становится популярным лозунг "аграрного закона", почерпнутый из древней истории, в особенности из истории Рима и его аграрного законодательства. Само понятие "аграрного закона" отождествляется с понятием "черного передела". Несмотря на всю радикальность проектов подобного рода, они не становятся от этого ни на йоту коммунистическими. Другое течение, о котором мы уже упоминали выше, гораздо последовательнее в проводимой им критике принципа частной собственности. Представители его приходят к отрицанию собственности вообще. Морелли видит корень зла в разрушении первобытного коммунизма, в установлении института собственности. Его произведение "Кодекс природы", опубликованное впервые в 1755 году, оказало сильнейшее влияние на Бабефа. Впрочем, автором этого произведения долгое время считался Дидро, и сам Бабеф приписывал ему авторство "Кодекса". Морелли устанавливает в будущем обществе три священных закона природы. Первым из них упраздняется частная собственность, за исключением собственности на предметы потребления и предметы, "необходимые для повседневного труда". Последняя оговорка характерна для эпохи, в которую еще не совершилось окончательное отделение работника от орудий труда, в которую ремесло еще не успело завершить процесс собственного разложения. Второй закон признает за каждым гражданином право на труд и существование и обязует государство доставлять ему занятие и пропитание. Наконец, третий закон устанавливает обязанность граждан принимать участие в общественном труде, содействуя этим самым общему благу. Сообразно с этими законами, Морелли устанавливает для всех граждан, в возрасте от 20 до 25 лет, обязательный труд в сельском хозяйстве. Городская промышленность организована у него по цехам, с фиксированным числом рабочих. Никакая торговля не допустима. Весь продукт общественного труда распределяется государством. Таковы основные положения "Кодекса природы", на который большое влияние оказала бессмертная "Утопия" Томаса Мора. Были и другие последователи коммунистического течения.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

¹⁴ Gosselin. Reflexions, стр.34, цит. по Вольтерсу. Очерки по истории аграрных отношений. Стр.101.

Мы уже ознакомились по переписке Бабефа с брошюрой о "Преобразовании мира", анонимный автор которой был несомненным сторонником коммунизма. Конечно, в XVIII веке во Франции не могло возникнуть никакой последовательно коммунистической системы, сколько бы ни было удовлетворительной с современной точки зрения. Это и не удивительно. На-лицо не было тех экономических предпосылок — известной зрелости капиталистического способа производства, наличия рабочего класса, оторванного от ремесла, от деревенской промышленности, без которых невозможно возникновение коммунизма, черпающего свою аргументацию не из абстрактных схем естественного права, а из истории классово-борьбы и политической экономии. Во Франции были лишь мыслители-одиночки, исходившие, правда, из критики капитализма, но Противопоставлявшие железному ритму капиталистического развития априорные, чисто рационалистические конструкции. Их анти-капитализм есть отдаленное отражение гибели и разложения тех хозяйственных форм, которые, как ремесло, мануфактура, деревенская промышленность, должны были уступить место победоносному капитализму. Чисто коммунистические системы, вроде той, которую предлагает в своем "Кодексе" Морелли или в переписке с Дюбуа де-Фоссе Бабеф, внутренне значительнее и цельнее. Они играют роль передаточного звена между коммунизмом Мора и Кампанеллы и утопическим социализмом первой половины XIX века, который в свою очередь является одним из краеугольных камней научного социализма Маркса и Энгельса. В частности идеи Морелли послужат, как мы увидим ниже, идейным фундаментом бабувизма.^{xv} Но в первый период революции гораздо больше внимания привлекают теории "черного передела". Аграрный закон становится жупелом для правящей буржуазии Франции. Если коммунистические построения какого-нибудь Морелли совершенно утопичны, схематичны, а потому и кажутся не жизненными и не опасными с точки зрения правящего класса, то лозунг "аграрного закона", наоборот, представляется насыщенным весьма реальным содержанием. С другой стороны, в виду одиозности лозунга в глазах самых широких слоев буржуазии и крестьянства, противники революции используют его для дискредитации буржуазных демократов. Зимой 1790—1791 г. "кое-где начали говорить об аграрном законе; вследствие ли неосторожности, или по недоброжелательству, эти слова были произнесены и в деревнях, что повлекло за собой насильственные действия. Но до нас дошли только смутные известия об этом. Несомненно, когда противники революционеров обвиняли всех патриотов в желании аграрного закона, они лгали с целью дискредитировать их".¹⁵ Так например, во время обсуждения проекта об отчуждении земельных владений церкви, представители духовенства всячески старались доказать, что подобное мероприятие проложит путь для страшного "аграрного закона". Аббат Мори предупреждал Собрание: "...Если нация имеет право вернуться вспять к возникновению общества, чтобы лишить нас нашей собственности, признававшейся и защищавшейся законами в течение более, чем 14 веков, то этот новый метафизический принцип приведет вас непосредственно ко всем восстаниям аграрного закона. Народ воспользуется хаосом, чтобы потребовать раздела этих земель, которых не обеспечивает от захвата даже самое незапамятное владение"...¹⁶ Епископ д'Юзес в свою очередь заявил: "Как только будет хоть раз нарушена священная ограда собственности, она вскоре подвергнется дальнейшим нарушениям; и вы скоро увидите, что будут произведены покушения на земельные и наследственные владения и что будет произнесено слово, разрушившее все великие общества, но вместе с тем всегда льстившее толпе, слово «аграрный закон»" (речь Бетизи, епископа д'Юзес, от 23 октября 1789 г.).¹⁷ Немного времени спустя, епископ клермонский доносит Собранию на брошюру Буасселя, озаглавленную "Катехизис человеческого рода", направленную против религии, автор которой отстаивает общность жен и передел земли. Епископ требует предания суду автора "Катехизиса".¹⁸

^{xv} О Морелли см. подробно в работах В.Волгина.

¹⁵ Aulard. Histoire politique de la revolution francaise. Стр.89.

¹⁶ Цит. по Вольтерсу. Ук.соч., стр.116, прим.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la revolution. T.III, стр.283.

В эпоху Конвента лозунг аграрного закона продолжает волновать умы правящей буржуазии. Два комиссара исполнительной власти, Дюфур и Моморо, посланные для ускорения рекрутского набора в Нормандию, распространяют там "Декларацию прав", расширенную и дополненную двумя статьями. В одной подчеркивалось, что нация берет на себя гарантировать лишь промышленную собственность, в другой провозглашался принцип временной гарантии "того, что ложно называется земельной собственностью, до того момента, пока нация не издаст соответствующих на этот счет законов".¹⁹ Деятельность Моморо и Дюфура вызвала волнения в Нормандии, где они вооружили против себя всю собственническую массу. Их выступление было, однако, совершенно единичным, и можно предположить, что тревога, вновь охватившая буржуазию и крестьянство, была плодом контр-революционной агитации, старавшейся приписать своим противникам "целый план аграрного закона".²⁰ Жирондистская газета "Патриотические Летописи" писала по этому поводу: "С начала революции аристократы не переставали говорить об аграрном законе, не потому, конечно, что они верили в его возможность, — они очень хорошо знали, что лежащая в его основании несправедливость делает его неосуществимым, — но им казалось, что самое слово способно посеять преступление и смуту в народе; они сделали из него пугало для собственников, чтобы привлечь их в свою партию... Таким образом, всякий, кто говорит об аграрном законе, о переделе земли, есть явный аристократ, враг общества, злодей, которого нужно уничтожить...". Впрочем, по мнению газеты, "нечего бояться, что нация когда-нибудь примет принцип, разрушающий всякую собственность".²¹ Анахарсис Клоотц, в свою очередь, утверждает, что, в случае успеха аграрного закона, "коснеть в варварстве на навозе несчастного арпана земли, то обледенелого, то затопленного водой, было бы участием французских граждан".²² В дальнейшем, как указывает нам это Жорес, жиронда не брезгует использовать страх перед "аграрным законом" в своей борьбе с якобинцами. "Она прекрасно знала, что ни Марат, ни Робеспьер, ни Дантон, ни огромное большинство Парижской Коммуны не желали аграрного закона ... Она использовала рискованную затею Моморо, неосторожность или чрезмерное усердие некоторых комиссаров исполнительной власти и Коммуны, метала против них громы и молнии и аттестовала их, по выражению газет Бриссо, чем-то вроде странствующих звонарей, всюду бьющих в набат".²³ После февральских голодных бунтов в Париже, бунтов, которые открыто оправдывались представителями "бешеных", Конвент снова охвачен беспокойством. Он видит в этих беспорядках и в агитации "бешеных" угрозу самому принципу частной собственности. И вот, 18 марта 1793 года, Конвент принимает декрет, которым "назначается смертная казнь всякому, кто предложит аграрный или какой-либо другой закон, подрывающий земельную, торговую или промышленную собственность".²⁴ Якобинцы, как это правильно указано у Жореса, были в сущности так же далеки от аграрного закона, как и жирондисты. Робеспьер в своей речи о собственности, произнесенной 24 апреля 1793 года, заявил категорически: "Вы должны знать, что этот аграрный закон, о котором вы так много говорили, есть не что иное, как призрак, созданный мошенниками для того, чтобы запугивать дураков". Еще раньше этого, весной 1792 года, в статье, помещенной в 4-ом номере "Защитника Конституции", Робеспьер писал о жирондистах: "Не они ли старались, уже с самого начала революции, запугать всех богатых призраком аграрного закона, этого нелепого пугала, при помощи которого подлецы пугают дураков?"

Павел Павлович ЩЁГОЛЕВ

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

¹⁹ Жорес. Конвент. Вып. I. Русск. перевод 1923 г., стр. 101.

²⁰ Aulard. Ук. соч., стр. 201.

²¹ Жорес. Ук. соч., стр. 107.

²² Там же, стр. 109.

²³ Там же, стр. 114.

²⁴ Олар. Ук. соч., русск. перевод, стр. 499.

Такова в самых общих, конечно, чертах судьба лозунга аграрного закона. Никакого реального движения он не вызвал, никаких масс за собой не увлек; но в течение всей революции он играл роль "грозного призрака", населявшего победившую буржуазию тягостным предчувствием предстоящих в будущем боев за сохранение завоеванного положения. Этот лозунг увлекал наиболее радикально настроенные, наиболее передовые умы тогдашней Франции, способные критически отнестись к наступавшему царству буржуазии, и среди них был, конечно, Бабеф. В своем "Постоянном кадастре" он требует раздела 66 миллионов моргенов земли между 6 миллионами французских семейств, при чем на каждую семью, по его подсчету, приходится 4 человека. Этот семейный надел, в 11 моргенов, после смерти отца семейства переходит к младшему из его сыновей. Остальные наделяются землей из государственного фонда. Его отправным пунктом остается попрежнему естественное право. "Общество, — пишет он, — есть не что иное, как большая семья, члены которой, содействуя каждый соответственно своим физическим и интеллектуальным способностям общему благу, должны иметь равные права. Земля, общая мать, может быть поделена лишь на пожизненно сдаваемые участки, не подлежащие отчуждению. Мы не имеем в виду, преобразовывая мир, восстановить в точности состояние первобытного равенства, но мы стараемся доказать, что все, впавшие в нищету, имеют право потребовать восстановления равенства, если бы богатство продолжало настаивать на своем отказе в почетной помощи, приличествующей равным и не допускающей нового их падения до той оскорбительной нужды, в которую ввергли их в настоящий момент бедствия прошедших веков".²⁵ В полном соответствии с традициями просветителей Бабеф настаивает на исключительной важности воспитания. Еще Гельвеций, один из интереснейших представителей материалистического крыла "просвещения", утверждал, что "все зависит от воспитания". Бабеф придерживается этого положения и на основании его выводит необходимость равенства в воспитании.^{xvi} Кроме того, он выдвигает уже знакомую нам мысль о введении единого прогрессивного налога, а также требование о создании национальной кассы для поддержки бедных. Его внимание привлекает судьба трудящихся. Рост крупных состояний, — концентрация капитала, сказали бы мы теперь, — привел к чрезмерному росту рабочих (*des ouvriers*). "Из этого не только вытекает падение заработной платы, но также и то, что весьма значительное число граждан не может вообще найти работу даже за то ничтожное вознаграждение, которое было фиксировано тираническими и безжалостными богачами и которым волей-неволей довольствуется искусный работник (*l'industrieux artisan*), принуждаемый к тому своим бедственным положением. А между тем обычный припев людей, лопающихся от жира, заключается в том, что они посылают на работу несчастного, который, будучи лишен возможности удовлетворить самые насущные свои потребности, обращается к ним с просьбой о какой-либо поддержке. Их посылают на работу! Но где же они возьмут эту работу?"²⁶ В этом отрывке Бабеф всецело занят критикой явления, выросшего из роста капитализма, из распространения капиталистического способа производства. Вместо рассуждений общего порядка или страстных филиппик против феодализма, мы встречаемся впервые с постановкой вопроса о рабочем классе, о пролетариате. В этом заключается принципиальное значение приведенного отрывка. Здесь Бабеф имел мало последователей и единомышленников, в первые, по крайней мере, годы революции. Из редких голосов, подымавшихся в эту пору на защиту рабочего класса, можно отметить разве Дюфурни де-Вилье, который, между прочим, также подчеркивал, что "собственность и богатство, сосредоточенные в небольшой части общества, низводят огромное число людей на степень людей зависимых.. вынуждаемых нищетой отдавать все свое время, все свои силы, самое свое здоровье за заработную плату, едва хватающую на хлеб, нужный для их пропитания".²⁷

²⁵ Buchez et Roux. Ук.соч., т. XXVI, стр. 130.

^{xvi} Об идеях и планах создания национальной системы воспитания и образования см. труд О. Сыркиной, включающий переводы докладов и проектов Талейрана, Кондорсе, Мирабо, Ле Пеллетье, Лавуазье, Арбогаста, Лаканалья и Сийеса (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ecoles_syrk.pdf).

²⁶ Deville. Ук.соч., стр. 11

²⁷ Е.В.Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, стр. 13.

"Скудость мыслей касательно необходимых для рабочего класса реформ — несомненна".²⁸ Тем ценнее для нас мысли Бабефа, высказанные им в эпоху, когда философия к социология победившей буржуазии и не представляли себе существования пролетариата, как особого класса в обществе. В самых радужных чертах рисует Бабеф результаты проведения аграрного закона. "При такой площади хорошо обрабатываемой земли какой высокой зажиточности могло бы достигнуть население! Какая чистота и простота нравов, какой безмятежный порядок мог бы царить среди народа, который принял бы столь мудрую форму общественного устройства, до такой степени точно соответствующую общим законам, предначертанным природой, нарушить кои позволил себе один лишь человеческий род!"²⁹ Однако, если мы попытаемся дать окончательную оценку идей, "Постоянного кадастра", то окажется, что мы имеем дело с несомненным отходом от позиций чистого коммунизма, занятых Бабефом в переписке с секретарем Аррасской академии Аграрный закон — это законченная формулировка мелкобуржуазного анти-капитализма. По справедливому замечанию Жореса, мы не знаем "ничего более противоположного коммунизму".³⁰ Но для самого Бабефа значение лозунга аграрного закона совершенно бесспорно. Аграрный закон — это путь к равенству; мы знаем уже присущее Бабефу стремление к практицизму, к указанию конкретных путей осуществления его идеалов. В переписке с Дюбуа он предвидит неизбежность революции, в письме к аббату Купэ он указывает на неизбежность нового этапа революции, этапа, проходящего под знаком "аграрного закона". Письмо к Купэ — это уже не попытка рационалистической конструкции коммунизма, это, прежде всего, программа тактики, программа осуществления задуманного преобразования общества. "Вы можете сколько угодно ломать скипетры королей, основывать республики, постоянно произносить святое слово Равенство, и тем не менее вы всегда будете гнаться за призраками и ничего не добьетесь. Вам, брат мой, я говорю это громко, а между тем не скоро еще я позволю себе говорить это другим, хотя бы и тихо: аграрный закон — тот закон, которого страшатся и приближение которого живо чувствуют богачи и о котором пока еще не помышляет громадное большинство бедняков, то-есть 49/50 человеческого рода, рискующие однако, в случае замедления этого закона, вымереть, самое большее, через два поколения; закон, который, как вы хорошо помните, в нашем присутствии горячо призывал Мабли; закон, который появляется на историческом горизонте только при обстоятельствах, напоминающих наше нынешнее положение, то-есть когда крайности безусловно сходятся, когда поземельная собственность, представляющая единственный вид действительного богатства, оказывается сосредоточенной в немногих руках и когда подавляющее большинство населения, лишенное всяких средств к удовлетворению терзающего его голода, решается требовать права на участие в богатствах мира, в котором творец отвел каждому существу определенный удел, способный обеспечить его существование; этот закон, говорю я, представляет венец всех законов, под его сенью всегда приходит отдохнуть народ, когда ему удалось разумно устроить свою жизнь во всех других отношениях".³¹ Бабеф предвидит ряд трудностей, вытекающих из занятой им позиции. "Нет почти ни одного человека, который решительно не отвергал бы аграрный закон... Могу ли я быть уверенным, что сам Ж.-М.Купэ соглашается со мной по этому вопросу? Не станет ли он вместе со всеми возражать мне в том смысле, что осуществление подобной меры поведет к разложению общества; что было бы несправедливо отнимать собственность у тех, кто приобрел ее законным путем; что с введением аграрного закона люди перестанут оказывать друг другу взаимную помощь и что, даже если допустить осуществимость этой реформы, дальнейшая мобилизация земли быстро приведет к восстановлению прежнего положения вещей?"

²⁸ Там же, стр.17.

²⁹ Бабеф. Учение Равных. Сборник отрывков. Русск. перевод Ю.Стеклова, стр.21.

³⁰ Jaures. La convention, стр.1541.

³¹ Бабеф. Ук.сборник, стр.29, 30.

Захочет ли он удовлетвориться моим ответом, что земля должна быть неотчуждаемой; что каждый человек при рождении должен получать достаточный надел, подобно тому, как дело обстоит с воздухом и водой; что по его смерти наследуют его участок не ближайшие родственники, а все общество; что как раз господствующая система отчуждения привела к сосредоточению всех богатств в руках одних и к полной экспроприации остальных...; что в силу молчаливого соглашения плата за наиболее полезные функции была сведена до самого низкого уровня, в то время как вознаграждение за ненужные или даже вредные занятия было установлено в самом высоком размере; что, таким образом, бесполезный работник получил возможность экспроприировать полезного и наиболее трудолюбивого рабочего...; что, если бы существовала более равномерная оценка различных видов труда, если бы некоторым из них не была придана искусственно вздутая ценность, то все работники оказались бы приблизительно одинаково богатыми; что, таким образом, новый передел земли может только восстановить прежнее положение вещей...; что, если бы земля была объявлена неотчуждаемой (система, окончательно опровергающая то возражение, что после всеобщего передела дальнейшая мобилизация земли приведет к восстановлению неравенства), то каждому человеку всегда было бы обеспечено' его владение, и нам не приходилось бы вечно терзаться опасениями за участь наших детей; эта реформа привела бы не к разложению общества, а водворила бы на земле золотой век и всеобщее благоденствие: она создаст спокойствие за будущее и прочное счастье, гарантированное от капризов случая, положение, которое должны были бы предпочесть даже величайшие счастливицы, если бы они могли здраво понимать свои истинные интересы...; что, наконец, совершенно неверно, будто неизбежным последствием нового общественного устройства явится исчезновение искусств, так как, напротив, совершенно очевидно, что не все же население сможет заниматься земледелием; что каждый отдельный человек тогда, как и теперь, не будет в состоянии собственными силами производить все необходимые для него машины; что мы попрежнему не перестанем поддерживать между собой постоянный обмен услуг и что, — за исключением того обстоятельства, что каждая личность будет владеть неотчуждаемым достоянием, которое во всякое время и при всех условиях доставит ей основной источник существования и решительно обеспечит ее от нужды, — все остальные условия развития человеческой предприимчивости останутся такими же, как и в настоящее время?"³² Бабеф далее останавливается на тех политических мероприятиях, которые составляют необходимую предпосылку проведения аграрного закона. Прежде всего необходимо признать, что "Учредительное Собрание — нелепость", ибо оно пытается поставить рамки народному суверенитету; во всякое время депутаты, уполномоченные народом, обязаны принимать все меры, направленные к доставлению средств существования большинству народа, лишенному работы. Отсюда следует: "аграрный закон — действительное равенство". Точно так же право "вето", право отвергать и утверждать законы должно принадлежать народу, который не замедлит воспользоваться им для проведения "меры, обеспечивающей его существование — аграрного закона". Должно быть установлено действительное равенство граждан при занятии должностей, избирательное право должно быть распространено на всех граждан, им должна быть предоставлена полная свобода собраний; отмена военных судов, демократизация национальной гвардии и контроль над законодательной властью дополняют эту систему демократических гарантий. Осуществление ее приведет к "требованию основных прав человека, а, следовательно, обеспечения всем гражданам куска честного хлеба: к аграрному закону". Дальше Бабеф предлагает оживить работу Собрания, перенеся в его пленум обсуждение всех общенациональных вопросов, совершенно упразднив всякие комитеты; это должно, по его мнению, вдохнуть новую энергию в деятельность депутатов, должно заставить их "озаботиться обеспечением всем гражданам средств к существованию, то-есть проведением аграрного закона". "На обсуждение всех вопросов должно отводиться достаточное время...

³² Бабеф. Ук.сборник, стр.32, 33,

В результате на решение этих вопросов смогут оказывать влияние не только говоруны, вертопрахи, вечные болтуны...; таким образом, у фразера... отнимается легкая возможность устранить хорошее предложение посредством ловкого приема... и, если речь пойдет о тех, чьи нужды требуют безотлагательного удовлетворения, честный человек всегда сумеет взвесить и поддержать предложение и добиться торжества милосердия. А это большой шаг вперед по направлению к аграрному закону".³³ Итак, полная демократия должна повлечь за собой осуществление аграрного закона, а отсюда следует важный тактический вывод. Не форсируя хода событий, не вскрывая преждевременно своих планов, сторонники аграрного закона должны бороться за дальнейшую демократизацию учреждений, созданных революцией, они должны, говоря словами Жореса, "постепенно внедряться в растущую демократию".³⁴ Бабеф сам ориентируется на левый фланг якобинцев. "Присмотритесь внимательно к Робеспьеру и вы убедитесь, что и он в конечном счете является аграрианцем. Но эти знаменитости принуждены пока лавировать, так как они сознают, что удобное для них время еще не наступило..."³⁵ Время не наступило еще и для самого Бабефа: "Человека, который решился бы напрямик предложить нашему несчастному Собранию такие идеи, ожидал бы неважный прием. Вот почему его добродетель для борьбы с испорченностью принуждена будет прибегнуть к тому оружию, которым обычно пользуется последняя: политике надо противопоставить политику. Необходимо будет возможно тщательнее замаскировать первые мероприятия, так чтобы никто не мог заметить, к какой цели они стремятся".³⁶

Таково значение и смысл предлагаемой Бабефом программы. Она, несомненно, знаменует отход от позиций чистого коммунизма. Но "аграрный закон" в то же время является необходимым звеном, связующим коммунизм и революцию. Это первый практический лозунг на пути к осуществлению коммунизма. Надо было обладать большим политическим чутьем и прозорливостью, чтобы предвидеть невозможность, преждевременность программы-максимум коммунистического переворота. Надо было много настойчивости и углубленности для того, чтобы найти в "аграрном законе" конкретную, хотя и далеко не совершенную форму осуществления программы-минимум, и неизбежно экономика революционной Франции, с ее решительным преобладанием мелкой, деревенской промышленности, с первостепенной для нее важностью аграрной проблемы, при полном почти отсутствии классово-сознательного пролетариата, должна была обусловить мелкобуржуазный, антикапиталистический характер этой программы-минимум.

Вернемся теперь к прерванному нами изложению событий жизни Бабефа. Мы уже видели, как во-время для него разразилась революция 10 августа. Уже в сентябре Бабеф занял административный пост в департаменте Соммы и переехал в департаментский город Амьен. Здесь он по своему обычаю проявил самую кипучую деятельность. Стояли осенние дни грозной осени 1792 года. В Париже заседал Конвент, бросавший Франции пламенные призывы к борьбе, к защите революции. Внешний враг угрожал своим вторжением со стороны восточной границы, и внутри страны плелись искусные махинации контр-революционеров, дворян, неприсягнувших священников. Экономическое положение резко ухудшалось. Хлеб исчезал с рынка, кое-где начинался голод. Такова была обстановка, в которой приходилось действовать Бабефу. За короткое время он положительно везде успел проявить свою неукротимую энергию. В октябре месяце он разоблачает роялистский заговор, имевший целью сдать австрийским войскам город Пэронн. Затем его внимание привлекает голод в округе Аббевиль, вызванный искусственно спекулянтами в целях повышения цен на хлеб. Как и в Руа, ему приходится столкнуться сначала с глухим недовольством, а потом и с активным противодействием своих коллег по администрации.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

³³ Там же, стр.34—86.

³⁴ Jaures. La convention, стр.1542. Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

³⁵ Бабеф. Ук.сб., стр.38.

³⁶ Там же, стр.31. Liberta и Век Просвещения, 2009

Его революционное рвение, правда — подчас направленное на ложный путь, толкуется ими как проявление неустойчивости, необдуманности в поступках и бестактности Бабефу приходится покинуть пост в департаментской администрации и перейти на административную должность в Мондидье. В округе Мондидье его давнишний враг Лонгекан занимает должность прокурора синдика. Лонгекан преисполнен самой решительной враждебности в отношении Бабефа. Оплотность, допущенная самим Бабефом при исполнении им своих служебных обязанностей, дает Лонгекану давно желанное оружие против опасного агитатора. История "преступления", якобы совершенного Бабефом, история, сильно повредившая ему как при жизни, так и после смерти, вкратце такова: В Мондидье, как и во всей Франции, происходила продажа национальных имуществ. 13 декабря 1792 года продавалась с торгов ферма, оцененная в 29 с лишним тысяч ливров. На предварительных торгах максимальную цену предложил некто Дебрэн, но на окончательных торгах, состоявшихся 31 декабря, ферма осталась за неким Девилла, занимавшим пост президента округа Мондидье, который тут же поручил произвести покупку третьему лицу, некоему Левавассеру, обязавшемуся немедленно внести требуемую за ферму сумму. Приблизительно через месяц после торгов Девилла аннулировал полномочие, данное им Левавассеру, на том основании, что соответственный акт не был заверен должным образом, и попросил Бабефа и еще одного чиновника из окружной администрации заменить в акте имя Левавассера именами Дебрэна и его компаньона по покупке Леклерка. Бабеф зачеркнул дважды имя Левавассера и вписал новые имена, следуя указаниям Девилла. Он совершил, конечно, большую оплошность и поступил в высокой степени неблагоразумно, рискуя своей репутацией администратора. Оплотность эта впрочем, конечно, не имела никаких корыстных мотивов, зато она дала Лонгекану и компании прекрасный повод для нападения на Бабефа. Его обвинили в служебном подлоге 4 февраля Бабефа отстраняют от должности, и дело его передается прокурору в Мондидье. Бабеф отправляется в Париж и, узнав о возбужденном против него судебном преследовании, решает остаться в столице. Сильвен Марешаль устраивает его на службу в комиссию продовольствия сначала при Парижской Коммуне, потом при Комитете Общественного Спасения. Между тем дело о "подлоге" переходит из одной инстанции в другую, пока, наконец, уголовный трибунал в Амьене не приговаривает Бабефа заочно к 20 годам тюремного заключения (23 августа 1793 года). Всеми силами старается Бабеф оправдаться, добиться пересмотра дела. В Париже он живет открыто, нигде не скрывается, к нему приезжают жена и дети. Его арестовывают, правда, 14 ноября, но, благодаря вмешательству друзей, заключение не длится и месяца. 7 декабря Бабеф снова на свободе, взятый на поруки Сильвен Марешалем, Добе и Тибодо, членом Конвента. Он пытается вернуться на свою службу в комиссию продовольствия. Но из этого ничего не выходит, и 30 января 1794 года Бабеф возвращается в тюрьму. Здесь он составляет в свою защиту обширнейший мемуар. Его единственное желание — добиться вторичного рассмотрения дела в любом суде за пределами департамента Соммы, лучше всего в Революционной Трибунале. Во исполнение его желания, решение амьенского трибунала сначала кассируется, а потом все дело передается в трибунал департамента Эны. Сам Бабеф переводится в Лаон. Энский трибунал 18 июля 1794 года (28 мессидора II года республики) нашел возможным освободить Бабефа. После почти полугодичного заключения Бабеф получает возможность вновь увидеться со своими. Его сын Эмиль, названный так в честь одного из героев Жан-Жака Руссо, опасно болен, и болезнь его удерживает Бабефа в Лаоне. Да его и не может тянуть в Париж. Париж содрогается в конвульсиях классовой борьбы, исход которой невозможно предугадать. Робеспьер давно уже, должно-быть, потерял всякий ореол в глазах Бабефа. Террор, пожрав "бешеных" и деятелей Коммуны, превратился из орудия защиты революции в слепое орудие личного правления Робеспьера. Народ голодает, деньги обесцениваются, цены растут. Но, пока для Бабефа тянутся долгие дни у постели больного сына в Лаоне, Париж переживает решительный кризис. Проходит немного времени, и Бабеф узнает о дне 9 Термидора, он узнает, что Робеспьер и его друзья свергнуты и казнены, что власть перешла к новому большинству Конвента, что начался новый период, новый этап революции. Бабеф спешит в Париж.

Кстати, и лаонский трибунал окончательно аннулирует дело о подлоге, раз навсегда оправдывая Бабефа от возводившихся на него обвинений. Теперь руки у него развязаны. Он может действовать, учить и бороться.

Увертюра окончена. Мы слышали ее роковой лейтмотив. Мы знаем, что за ней должна последовать трагедия!

ГЛАВА III. БАБЕФ И ТЕРМИДОРИАНСКАЯ РЕАКЦИЯ^{xvii}

Торговая аристократия отважно подымает голову. Кажется, что равнодушие, проявляемое в отношении нарушений закона о максимуме, подготавливает ее торжество. Мы не устанем повторять, что ропот вокруг продовольственного вопроса все усиливается и возрастает по мере приближения зимы. Инспектора, коим поручено следить за рынками, и торговцы съестных припасов жалуются на нарушение закона о максимуме и на опасности, которым они подвергаются при бесплодных попытках привести его в исполнение... Ажиотаж достиг своей вершины; крупные торговцы пишут, тревожатся, шумят, совершают путешествия для того, чтобы запастись товарами всякого рода, и продают их с большой прибылью..." — так гласит отрывок из донесения полицейских агентов Мере и Виара от 3 вандемьера III года республики (24 сентября 1794 года).³⁷ В нем выпукло обрисованы наиболее характерные черты наступившей во Франции эпохи термидорианской реакции: ажиотаж, окончательное сведение на-нет законов о максимуме, рост новой, спекулятивной буржуазии, на-ряду с этим продовольственный кризис, приближение голодной и холодной зимы. "Со стороны некоторых граждан, по преимуществу рабочих, постоянно слышится ропот и жалобы на трудности, с которыми сопряжено добывание предметов первой необходимости, как-то: масла, мыла, свечей. Особенно опасаются приближающейся зимы" (донесение от 21 фруктидора II года).³⁸

А вот бытовая сценка, типичная для Парижа в эпоху Термидора. "На улице Бур-л'Аббэ стоят длинные хвосты за свечами, в которых происходят драки между женщинами из-за первенства в очереди. Торговцы продают свечи отдельным богачам по четыре франка за ливр, при чем поставляют свой товар в изобилии, в то время как неимущие санкюлоты и рабочие лишены его совершенно, так что за отсутствием по вечерам необходимого освещения не могут полностью отрабатывать свой дневной заработок" (донесение от 8 брюмера III года).³⁹ Ропот по поводу дороговизны не прекращается в течение всей зимы. По словам одного донесения, только три вещи интересуют столичное население: это дрова, уголь и мыло. Шум, производимый толпой, ожидающей прибытия угля, мешает спать обитателям соседнего квартала. Распределение прибывших запасов вызывает целую свалку (донесение 20 фримера — 10 декабря 1794 года). Мука доставляется не регулярно, так что подчас лавки стоят закрытыми целый день, в то время как в Париже голодные массы уверены в существовании скрытых где-то запасов, награбленных в провинции. В кабаках среди посетителей уже в декабре слышны разговоры о неизбежности гражданской войны, о том, что придется проткнуть пиками брюхо лавочников, а в январе раздается угроза "потребовать у купцов, когда рабочим больше ничего не останется, и заставить их дать хотя бы под угрозой, потому что рабочих тридцать тысяч человек".⁴⁰

^{xvii} К этой главе см., напр.: Ц.Фридлянд, «Девятое термидора» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf), А.Матьез, «Термидорианская реакция» (http://narod.ru/disk/11231826000/mathiez_therm2.pdf.html), П.Щеголев, «К характеристике экономической политики термидорианской реакции» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf), «ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm2.pdf)

³⁷ A.Aulard. Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. T.I, стр.119.

³⁸ Там же, стр.81.

³⁹ A.Aulard. Указ.соч., стр.206.

⁴⁰ Там же, стр.407.

Или же полицейские агенты подслушивают такого рода разговоры среди рабочих: "Как же хочет Конвент, чтобы мы существовали? Сокращают нашу работу в такое суровое время года; хозяйева собираются уменьшить нашу заработную плату в то время, как все вздорожало сверх всякой меры, но всему этому должен же придти конец" (донесение 11 плювиоза — 30 января 1795 года).⁴¹ И так продолжается всю зиму, "народ ропщет против торговцев, которые ежедневно поднимают цены на предметы первой необходимости" (донесение от 15 плювиоза — 3 февраля 1795 года).⁴²

Между тем экономическая политика термидорианцев менее всего направлена на улучшение экономического положения широких масс. Прежде всего, "с половины 1794 года, и особенно с начала 1795 года, начинается полный развал ассигнационного обращения".⁴³ "С середины 1794 года падение курса приобретает характер неуклонный, длящийся вплоть до полной ликвидации ассигнационного обращения"⁴⁴, Если в январе 1794 года курс установлен в 40 ливров (золотом, за 100 ливр. ассигнациями), то в июле он падает до 34, в январе 1795 года до 18 и в июле того же года до 3,09 ливра. Средняя норма падения курса за вторую половину 1794 года — 15%, за первую половину 1795 года — 47%. Термидорианская реакция проходит под знаком поспешной ликвидации всего наследия экономической политики якобинцев. "Среди ряда других павших норм, пало и предписание о принудительной равноценности обращения ассигнатов со звонкой монетой того же написания".⁴⁵ Это обстоятельство, на-ряду с непрекращающимся потоком эмиссии, превращает ассигнат в точное подобие нашего "совзнака" 1920 года. Торговцы ежедневно взвинчивают цены, чтобы не отстать от падающего курса ассигнатов, что еще более способствует их окончательному обесценению. "Кажется, что они решились на окончательную дискредитацию ассигнатов", — читаем мы в одном полицейском донесении (от 14 нивоза - 3 января 1795 года).⁴⁶ Этот расцвет спекуляции является непосредственным результатом отмены максимума, состоявшейся 24 декабря 1794 года. Особая прокламация известила Францию о состоявшемся решении Конвента "Французы! Разум, справедливость, интересы республики уже давно противились закону о максимуме Национальный Конвент его отменил; и он тем более будет иметь прав на ваше доверие, чем более станут известны мотивы, которые продиктовали этот спасительный декрет... Наименее просвещенные умы знают теперь, что закон о максимуме изо дня в день уничтожал торговлю и земледелие; чем суровее становился этот закон, тем он становился неисполнимее; тщетно притеснения принимали тысячу форм — закон встречал тысячу препятствий, от него постепенно уклонялись..."⁴⁷ Отмена максимума вполне соответствовала интересам торговой буржуазии и крестьянства, но и голодные предместья столицы не сохранили хорошего воспоминания о временах максимума, ставших для них временами бедствий и нищеты. Теперь, после снятия всех преград, поток спекуляции охватывает всё большие и большие слои населения. "С тех пор, как упразднены максимум и реквизиции, — читаем мы в одной парижской газете, — весь свет занялся коммерцией. Не думайте, что вы найдете все вам необходимое у оптовика, у крупного торговца, в больших магазинах, в просторных лавках. Войдите лучше в любой дом, подымитесь на третий или четвертый этаж: вам покажут съестные припасы, сукна, полотно или какой-нибудь другой товар, с вас спросят втридорога и вам с бесстыдством ответят: «Ведь я не купец, я и не собираюсь заниматься продажей, это вы хотите купить у меня и поэтому должны платить». Но все это еще не есть признак изобилия, так как, хотя и продают во многих местах, товаров все же нехватает..."

⁴¹ Там же, стр.435.

⁴² Там же, стр.450.

⁴³ Фалькнер. Бумажн. деньги франц. революции, стр.187.

⁴⁴ Там же, стр.183.

⁴⁵ Там же, стр.194.

⁴⁶ Aulard. Т.I, стр.363.

⁴⁷ Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч.II, стр.346.

Газета далее указывает на роль перекупщиков: прежде чем попасть к потребителю, всякий продукт проходит через целую цепь перекупщиков, так что, напр., сахар, стоивший 20 су, продается теперь за 12 и 13 ливров. " На каком уровне остановится это ужасающее вздорожание цен на съестные припасы?" — спрашивает газета. Особенно губителен дровяной кризис. Холодная зима усугубляет тяжелые последствия дороговизны. "Обитатели окрестностей Парижа, видя, что дрова покупаются по любой цене, занимаются опустошением лесов".⁴⁸ Хвосты у булочных носят совершенно безнадежный характер. Начинается голодовка.

Таково в самых общих чертах экономическое положение столицы в первые месяцы после Термидора. Общественные силы, объединившиеся под знаком борьбы с Робеспьером, были крайне не однородны по своим устремлениям, по своим конечным целям. В самом деле, 9-го термидора имела место коалиция, распад которой начался на следующий же день после одержанной победы. Несметные толпы парижан, провожавшие колесницу, везшую на эшафот Робеспьера и его друзей, воз гласами: "долой тирана!", рабочие, возмущенные установленными Коммуной ставками максимальной заработной платы, вся масса городской бедноты, дезорганизованной и лишенной руководителей после учиненного Робеспьером разгрома Коммуны и "бешеных", — были несомненными сторонниками совершившегося переворота. Они ждали от нового режима улучшения своего неслыханно тяжелого положения. Буржуазная реакция всячески старалась эксплуатировать ненависть против якобинцев, накопившуюся в народных массах за последние месяцы робеспьеровского владычества. Самое имя "якобинец" стало почти - что синонимом всякого преступления и насилия. Вся Франция наводнена была потоком брошюр, в которых рассказывались всякие небылицы о "свергнутых тиранах" и смешивались с грязью вожди якобинской партии. Анти-якобинская агитация велась со страниц газет и памфлетов, с театральных подмостков, с трибуны Национального Конвента. Начались репрессии против видных деятелей свергнутого режима, перешедшие вскоре, в особенности в провинции, в настоящую волну белого террора. Якобинский клуб, руководство которым перешло в руки термидорианцев, пытался приспособиться к новому положению вещей, решительно отмежевавшись от Робеспьера и его сторонников. Но и это не привело ни к чему. 16 октября Конвент принял декрет, наносивший решительный удар "народным обществам" и в первую голову якобинскому клубу. Декрет запрещал все федеративные и филиальные связи, а равно и всякую переписку между клубами. Также запрещалось составление каких бы то ни было петиций и адресов. Вся якобинская организация была разрушена этим декретом, но новое большинство Конвента пошло еще дальше. 12 ноября — 22 брюмера III года Конвент, по предложению своих комитетов, постановил прекратить заседания парижского якобинского клуба. На-ряду с этим, термидорианцы склонны были ко всякого рода уступчивости в отношении своих врагов справа. Они поспешили упразднить Революционный Трибунал, вернули в состав Конвента остатки жирондистской партии, изгнанной оттуда после революции 31 мая 1793 г., и, наконец, допустили выход в свет анти-демократической, зачастую скрыто монархической прессы. Аппарат революционного правительства был постепенно сведен на-нет, и реакция смогла смело поднять голову. В самом Париже появились банды золотой молодежи, избивавшие республиканцев и натравливавшие на них обывательскую чернь. Наконец, как внешний символ нового порядка вещей, состоялось удаление из Пантеона останков "друга народа" Марата. Буржуазия покаялась в грехах своей революционной молодости, забыла вчерашний день, прокляла революцию и приступила к основанию новой республики, в которой ажиотаж должен был заменить закон о максимуме, развратный Баррас и продажный Тальен — "неподкупного" Робеспьера, господство крупной торгово-промышленной буржуазии — диктатуру революционного мещанства.

П а в е л П а в л о в и ч Щ Ё Г О Л Е В

З А Г О В О Р Б А Б Е Ф А

⁴⁸ Aulard. T.I, стр.401.

В дни термидорианской реакции для Бабефа начинался новый период революционной деятельности. Первоначально и его захлестнул анти-якобинский поток. По совсем другим мотивам, чем люди 9-го Термидора, приветствовал Бабеф "падение тирана". Он видел нищету масс, видел бесплодность экономической политики якобинцев, не смеющих переступить священные для них границы частной собственности, наблюдал неслыханный разгул мелкобуржуазного террора, поглотившего настоящих идеологов и организаторов бедноты, "бешеных" и вождей Коммуны. В глазах Бабефа режим Робеспьера был осужден безвозвратно, и в то же время он не успел разглядеть истинную физиономию победителей. Волна реакции нарастала постепенно, и многие во Франции не подозревали, что Термидор обозначает упадок революции, ее постепенную ликвидацию. Напротив, рассчитывали, что Конвент, избавленный от "тирана", введет в действие конституцию 1793 года, облегчит невыносимое страдание масс, заложит фундамент новой, счастливой, революционной Франции. В особенности первое время после свержения Робеспьера было временем всяческих иллюзий. Им в значительной степени, поддался и Бабеф.

"Газета Свободы Печати", первый номер которой появился 17 фруктидора II года республики, стала его главной трибуной за описываемый период. В ней следует искать ключ к пониманию политической эволюции Бабефа. Нам предстоит подробнее заняться разбором того материала, который предлагают нам пожелтевшие, обветшавшие, форматом в восьмушку листа, страницы бабефовской газеты.

"Тот, кто хочет поставить какие-либо границы свободе печати, должен будет задушить истину и заставит процветать подозрения".⁴⁹ Эти слова, взятые из речи депутата Фрерона, послужили эпиграфом для первого номера бабефовской газеты.

"Я открываю, — писал он, — трибуну для того, чтобы защищать права печати. Я укрепляю позицию, чтобы дать ей батальон защитников". С необычайным жаром, в грубом и резком стиле, отличающем, впрочем, всех публицистов эпохи, Бабеф обрушивается на проповедников ограниченной свободы печати. Им он готов противопоставить даже Робеспьера, но Робеспьера-демократа, автора проекта декларации прав "Мы различаем, — пишет он, — в Робеспьере двух людей: Робеспьера — апостола свободы и Робеспьера — самого нечестивого из тиранов. Это первый Робеспьер, которого мы не устанем противопоставлять всем покушающимся на печать..." В свободе печати Бабеф видит "единственное средство самозащиты народа против бича олигархии, единственную преграду честолюбию". "Процесс против печати в республиканской Франции — вот действительно странный феномен!" — восклицает он во втором номере своей газеты. Любопытно суждение Бабефа о Термидоре в течение пяти лет продельывает Франция революцию, "но нужно иметь мужество признать, что в конце концов мы допустили торжество контр-революции". Это произошло в тот период, когда имели место первые покушения на свободу мнений "10 термидора началась новая эра: с этого дня мы неустанно работаем для того, чтобы возродить свободу". Бабеф жалуется на видимую недостаточность того, что произошло в Термидоре. "Наши первые революции шли шагами гигантов; революции 10 Термидора едва хватило на то, чтобы расправиться с тираном и несколькими его сообщниками. Эта революция должна была бы быть дополнена, она должна была бы разбить на тысячу кусков презренные оковы, поработившие печать" Термидор кажется Бабефу "новой эпохой в революции" (*nouvelle époque révolutionnaire*). Какое заблуждение, какая иллюзия!

С третьего номера Бабеф начинает давать нечто вроде текущего политического обозрения, и на страницах его впервые появляется упоминание об "избирательном клубе". Так называлось "народное собрание", заседавшее в помещении, предназначенном для выборов (*salle electorale*). Он дает весьма сочувственный комментарий петиции, представленной от имени собрания Национальному Конвенту. В этой петиции отстаивалась неограниченная свобода печати и право народа избирать своих чиновников. Бабеф также стремится отстранить от собрания обвинение в "эбертизме", выдвинутое против него одним из левых термидорианцев Билло-Варэнном.

⁴⁹ "Journal de la Liberte de la Presse", № 1, № 3, стр.7.

"Робеспьер ведь тоже имел всегда про запас всевозможные обличения, с помощью которых он сокрушал всех делавших предложения, шедшие в разрез с его взглядами". Бабеф удостоверяет, что он сам присутствовал на заседаниях избирательного клуба. "Принципы, которые там проповедывались, заставляют меня предположить, что он (клуб) составлен из порядочных людей".⁵⁰ С большой симпатией отзывается Бабеф о Марате и его газете "Друг Народа". Он оплакивает "низость Робеспьера", погубившую столько людей, в свое время мужественно помогавших Марату. "Максимилиан жестокий", "Робеспьер-император"— таковы эпитеты, которыми он попрежнему награждает Робеспьера. Кроме того, в пятом номере газеты Бабеф собирается разоблачить заговор якобинцев и высказывает большое возмущение по поводу покушения на Тальена, одного из наиболее беспринципных вождей термидорианской реакции, покушения, едва ли не инсценированного, к слову сказать, для вящего посрамления всех противников нового режима. Атака против якобинского клуба ведется планомерно и в следующих номерах. По мнению Бабефа, якобинцы готовы требовать, как требовал этого тиран Робеспьер, чтобы "кровь текла широкими потоками, чтобы была уничтожена безопасность и собственность частных лиц, чтобы были заполнены тюрьмы и упразднена всякая свобода мысли и слова".⁵¹ На-ряду с якобинским обществом, Бабеф ополчается против системы правительственных комитетов. Развивая мысли, высказанные некогда в письме к аббату Купэ, Бабеф подчеркивает, что комитеты неизбежно становятся органами узурпации народного суверенитета. "Опыт показал нам, в чем тут дело: дело в диктатуре, в децемвирате или триумвирате".⁵² Еще и еще раз возвращается Бабеф к мысли о Марате. Такие люди нужны народу, они способны предвидеть на полгода вперед; он выражает надежду, что во Франции найдутся люди, достойные стать их преемниками. Тогда воскреснут права человека, и народ, наконец, воспользуется благами свободы. Параллельно с атакой против якобинцев, идет защита "избирательного клуба", и именно в этом пункте сразу обнаруживается резкое расхождение между термидорианцами и Бабефом. Дело в том, что были арестованы ораторы клуба Бодсон и Варле — друг вождя "бешеных" Жака Ру^{xviii}, выступавшие 20 фруктидора (6 сентября) с петицией клуба перед Конвентом. Арест их был постановлен 24 фруктидора, и шесть дней спустя делегация клуба напрасно добивалась у Конвента их освобождения. Мы видели, что сам Бабеф весьма сочувственно отнесся к содержанию петиции. Теперь он солидаризуется с пострадавшими и обвиняет новых господ положения в нарушении права петиции и свободы собраний. "Пусть нападают! — пишет он. — Я ничего не желаю, кроме преследований".⁵³ Несколько дней спустя он гневно обрушивается на Конвент. "Где же, наконец, Конвент?... что делает вся эта масса сенаторов?... Чего она ждет для того, чтобы высказаться?"

Если "сенаторы, движимые личными интересами, покончили с Робеспьером, то ведь они ничего не предприняли для того, чтобы разрушить робеспьеризм". Целые департаменты находятся еще во власти "ставленников тирана". Что делается для того, чтобы установить царство правосудия? Почему тирания переживает тиранов или почему тираны находят последователей? Почему допускается возмутительное насилие в отношении Бодсона, арестованного только за то, что он редактировал и представил Конвенту петицию "избирательного клуба"? Почему Конвент отказался принять петицию народного общества в Аррасе, которая является ведь простой декларацией свободы печати? Все это в глазах Бабефа тревожные симптомы возвращающейся тирании, "повторение царства Максимилиана Робеспьера". Он перепечатывает в десятом и одиннадцатом номерах адрес аррасского общества, содержащий, между прочим, "разоблачение" Барера, одного из вождей термидорианцев.

⁵⁰ "Journal de la liberte de la Presse".

⁵¹ Там же, № 6, стр.3.

⁵² Там же, № 6, стр.4.

^{xviii} О Ру и Варле см., напр., Я.Захер, «Бешеные, их деятельность и историческое значение» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf), Ц.Фридлянд, «Классовая борьба в июне-июле 1793 г.» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl93.pdf>).

⁵³ "Journal de la Liberte de la Presse", № 7, стр.7.

Начинают поговаривать о закрытии народных обществ, и Бабеф мечет громы против этого "губительного для свободы проекта". Он видит существование во Франции двух партий — одной, являющейся сторонницей системы Робеспьера, и другой, стоящей за установление правительства, опирающегося исключительно "на вечные права человека".⁵⁴ Он подсчитывает силы "защитников прав человека" и с надеждой смотрит на будущее. Борьба с якобинцами продолжается из номера в номер.

Им приписывают то организацию восстания в Марселе, "чудовищный проект" умерщвления членов Конвента. "Граждане, — взывает Бабеф, — мы переживаем один из наиболее критических моментов революции, столь же критический, как и 9-ое Термидора. Дело идет теперь, как и тогда, об уничтожении Конвента, о подчинении республики игу нескольких грубых тиранов".⁵⁵ Он больше всего опасается поощрения якобинцев со стороны колеблющегося большинства Конвента. Его возмущает адрес народного общества в Дижоне, "зажигательный адрес", встреченный аплодисментами у якобинцев, разглашенный в секциях Парижа и в департаментах.⁵⁶ Между тем этот адрес содержал требования, удовлетворение которых только и могло приостановить безостановочный рост буржуазной реакции. Дижонцы настаивали на организации окружных революционных комитетов, на предоставлении им права арестовывать подозрительных на основании закона 17 сентября 1793 года, одним словом — на продолжении режима революционного правительства.⁵⁷ И эту-то программу обороны революции Бабеф разоблачал, как "зажигательный адрес", как контрреволюционную затею якобинцев! Впрочем, он предвидел их близкий конец. "Все эти гигантские усилия не что иное, как признак агонии".⁵⁸ Но нужно быть настороже. Враги не гнушаются никакими средствами, и нужно прежде всего, "чтобы сенат находился под постоянным наблюдением".⁵⁹ Постепенно нарастает в Бабефе известное разочарование в результатах термидоровского переворота. В номере 18 он перепечатывает резолюцию, принятую секцией Музея 30 термидора. Он определяет ее, как "первую вспышку гражданского пыла", имевшую место в тот момент, когда "после дня 10 Термидора, названного днем революции, народ убедился, что это была революция, направленная против одного человека, одного тирана, что однако эта так называемая революция (курсив наш) отнюдь не покончила с тираническим управлением, которое только перешло в другие руки, когда пришлось убедиться в том, что все дело свелось к некоторым изменениям в системе правительственных комитетов и революционного режима, изменениям, совершенно безразличным для народа... когда оказалось, что пользуются событиями 9 и 10 термидора для того, чтобы нанести окончательный удар свободе парижского народа, отнимая у него его муниципальную организацию..."⁶⁰ Так изменяется принятая было Бабефом концепция термидоровского переворота. Оказывается, что народ попрежнему находится под игом, что "конец тирана" не принес ему желанной свободы. Речь идет о том, чтобы начать борьбу против узурпации, и петиция секции Музея кажется Бабефу "первообразом восстания, самой священной и необходимой из обязанностей народа и каждой его части, обязанности, которую вменяют ему природа и 35 статья декларации прав всякий раз, как правительство насилует его права". "Необходимо, чтобы адрес секции Музея стал манифестом всех республиканцев". Бабеф сам готов подать первый пример. Пусть ему угрожают "варварские эдикты", недостойные названия законов, — были ли эти законы крови и тирании санкционированы народом? "Нет. Они являются узурпацией народного суверенитета, и я имею право, — пишет Бабеф, — собственной рукой умертвить узурпаторов, которые путем единственно им доступного коварства принудили Конвент принять такие законы".⁶¹

⁵⁴ Там же, № 13, стр.1.

⁵⁵ "Journal de la Liberte de la Presse", № 15, стр.3.

⁵⁶ Там же, № 15, стр.5.

⁵⁷ Buchez et Roux. Ук.соч. Т.XXXVI, стр.69.

⁵⁸ "Journal de la Liberte de la Presse", № 16, стр.5.

⁵⁹ Там же, № 17, стр.5.

⁶⁰ "Journal de la Liberte de la Presse", № 18, стр.3.

⁶¹ Там же, №. 19, стр.2.

На-ряду с этим, Бабеф, исходя из основных положений петиции секции Музея, формулирует свои текущие политические требования. "Политическое воспитание, полученное нами в течение последних пяти лет, научило нас тому, что главным проявлением народного суверенитета является право народа выбирать своих чиновников (ses agents), что, если правители существуют для и через управляемых, то необходимо, чтобы первые зависели от вторых..."⁶² Под обстрел берется сам Конвент. Бабеф поражен явной бесплодностью его заседаний, отсутствием чего-либо достойного пера "писателя-философа". А между тем сколько еще осталось работы! "Будем всегда напоминать нашим бойцам, что мы преследуем завершение революции 9 Термидора, что этот день недостойн названия революционного дня, поэтому что он ограничился ниспровержением нескольких тиранов, что настоящая революция будет иметь место тогда, когда за этим днем последует другой, когда мы разрушим тиранию и восстановим наши священные принципы, ныне помятые и поруганные".⁶³ Странники существующего порядка любят указывать на войну, как обстоятельство, препятствующее осуществлению прав народа. "Презренные клеветники народа! Вы плохо оцениваете его добродетели... Если масса любит революцию, если аристократия остается в меньшинстве, то никогда аристократам не удастся овладеть выборами".⁶⁴ Опасность лежит в безразличии народа к совершающимся политическим переменам. "Я не вижу сегодня, — пишет Бабеф, — того порыва гражданских чувств, который в 1789 году открывал все уши для добрых советов друга народа и составлял по меньшей мере половину того успеха, которым пользовалось его красноречие. Какая польза в том, чтобы сегодня заниматься проповедью в пустыне?.. Не следует ли приписать общему безразличию к советам просветителей отсутствие интереса к делу свободы?"⁶⁵ Между тем реакция становится все более и более активной. Она направляет свои удары на Парижскую Коммуну, стремясь окончательно ликвидировать ту организацию, которая некогда была базой революционной демократии, Бабеф правильно оценивает значение этой попытки. "Я утверждаю, что парижский муниципалитет является силой, необходимой для гарантии свободы; и безопасность сената и свобода в одно время требуют того, чтобы место пребывания законодателей было расположено посередине многочисленного населения".⁶⁶ Он предвидит необходимость повторения революции 31 мая. "Есть еще один довод, в силу которого необходимо требовать существования в Париже центрального муниципалитета. Необходимо всячески облегчить возможность объединения всего народа на тот случай, если нужно будет оказать сопротивление угнетению со стороны сената. Я надеюсь, никто не будет оспаривать правдоподобность этой гипотезы. Деспоты! Диктаторы! Децемвиры! Вы это знаете слишком хорошо, и я вновь вижу вашу работу, когда смотрю на разложение муниципальной организации... Трепещите, час пробил, вашей тирании пришел конец; вы находитесь, быть-может, накануне того дня, когда вам придется покинуть ваши троны..."⁶⁷

Как мы видели, все интересы Бабефа вращаются пока - что почти исключительно вокруг политических вопросов. Об экономическом положении страны первое упоминание находим в 20 номере, последнем номере, носящем название "Газеты Свободы Печати". В этом номере Бабеф перепечатал адрес-петицию в Национальный Конвент, составленную все тем же "избирательным клубом". В этой петиции читаем, между прочим, следующее: "Общество, заседающее в зале избирательных собраний, занялось... изысканием средств к оживлению торговли, которые помогли бы вернуть ей блеск, столь полезный для поддержания республики, и сделали бы ее настолько цветущей, что это устрасило бы коалицию деспотов..."

⁶² Там же, № 19, стр.3.

⁶³ "Journal de la Liberte de la Presse", № 20, стр.2—3.

⁶⁴ Там же, № 20, стр.3.

⁶⁵ Там же, № 21, стр.2.

⁶⁶ Там же, № 21, стр.3.

⁶⁷ Там же, № 21, стр.11.

Общество прежде всего хочет указать, что, если обстоятельства сделали необходимым ряд чрезвычайных мероприятий, вроде конфискации (prehensions) и реквизиций, законы эти не могут быть дальше сохраняемы без того, чтобы они не стали опасными, перестав приносить пользу, и что, кроме всего, эти законы, плохо исполняемые и сейчас, останутся совершенно невыполнимыми в будущем. Общество также установило, что закон о барышничестве (sur les accaparements), продиктованный отчасти теми же обстоятельствами, имел подобную же судьбу. Он вызвал усиленную наживу торговцев и привел к тем же результатам, что и реквизиции, разорившие всю промышленность, начиная от земледельца до самого богатого купца. И тот и другой находятся под постоянной угрозой ошибочного применения этих законов; они опасаются их с тем большим основанием, что торговля и промышленность не могут быть ограничены, поскольку их оборот всегда зависит от степени мастерства, от богатства, от уровня коммерческих познаний. Из этих соображений выводятся следующие предложения:

"Верните народу полноту его прав и самую широкую свободу торговли... Не терпите больше такое положение, когда решительно все объявляется под реквизицией, под предлогом снабжения армии... Верните Парижу его муниципалитет... Верните, не дожидаясь наступления зимы. Вы видите, как редки стали, после практиковавшейся системы реквизиций, уголь, масло, дрова, мыло и все съестные припасы. И что станет с нами в течение зимы, если вы не поспешите на помощь?.."68

Дав место адресу на с границах своей газеты, Бабеф сопровождает его следующим комментарием: "Мы выражаем наше полное одобрение адресу в той его части, которая включает в себе требование всех прав суверенного народа. Вопрос о торговле заслуживает большего углубления: можно многое сказать по поводу барышничества, и еще долгое время нам нужны будут законы против корыстолюбия (курсив наш). Для достижения блага, быть-может, достаточно добиться их дополнения: мы обсудим особо это обстоятельство".69 Это очень характерный штрих в идеологии Бабефа. В то время, как мелкая буржуазия из "избирательного клуба" выбрасывает лозунг политической демократии и свободы торговли, Бабеф сомневается в том, что эта последняя действительно может послужить к разрешению продовольственного вопроса. Ощупью подходит он к иной трактовке проблемы, он даже не решается окончательно формулировать свою точку зрения. Слишком непопулярен был "максимум", слишком свежи были в памяти плачевные результаты реквизиций и максимальных цен, Масса искала выхода в другой крайности. Системе экономической опеки, проводившейся якобинским правительством, она готова была противопоставить лозунг абсолютной свободы для торговли, для хозяйственной деятельности вообще. В вандемьере III года республики Бабеф со своими сомнениями должен был остаться в полном одиночестве.

Подведем теперь итоги. В первые месяцы термидорианской реакции Бабеф выступает как довольно банальный анти-якобинец. Он подхвачен общим потоком вражды "к тиранам". Его суждения о них мало оригинальны: он питается теми рассказами и небылицами, которые создаются вокруг якобинцев худшими слугами наступившей реакции. Постепенно он начинает прозревать. 9-ое Термидора перестает казаться ему новой, прекрасной страницей революции. Это уже "так называемая революция, революция в кавычках". Все осталось на месте, тирания существует. Бабеф выступает перед нами как защитник формальной демократии. В нем просыпается юрист, привыкший орудовать с отвлеченными правовыми понятиями, с абстрактными категориями естественного права. В общей схеме развития Бабефа это, пожалуй, шаг назад, но так или иначе, тем или иным путем, он приходит к критике существующего порядка вещей. Он становится врагом термидорианского режима. Нарушение чтимых им "прав народа", нарушение, возведенное в систему, учит его критическому подходу к людям 9-го Термидора.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

68 "Journal de la Liberte de la Presse", № 22, стр.3—5.

69 "Journal de la Liberte de la Presse", № 22, стр.7.

Его сочувствие "избирательному клубу", составленному из элементов, бывших в свое время в левой оппозиции к робеспьеровскому режиму, толкает его на все более резкие выходы против заправил Конвента. И это поведение Бабефа и его единомышленников, преступное с точки зрения правящих термидорианцев, не может остаться безнаказанным: 8 вандемьера (29 сентября) власти приступают к разрушению помещения "избирательного клуба". Описание этого события содержится в 22 номере бабефовской газеты Бабеф поражен тем, что Конвент терпит подобное поведение своих комитетов. Но покончено ли с защитниками народных прав? "Нет, доски сломаны и унесены, но люди остались. Гильотина! Прошло время, когда тебя боялись, и это время не вернется для патриотов..." "Знаменитая петиция (петиция "избир.клуба") должна быть представлена еще сегодня; мы будем ждать ее результатов".⁷⁰ Теперь он находит время подходящим для перемены названия своей газеты, отныне она будет называться "Трибун Народа". В 23 номере, вышедшем впервые под новым названием, мы находим следующее объяснение, которое Бабеф сам дает этой перемене. "Любое заглавие газеты (de journal) должно содержать в себе священное имя народа, потому что всякий публицист должен быть им только для народа". Не желая заимствовать у Марата название "Друга Народа", Бабеф находит, что слово "трибун" наиболее соответствует понятию друга или защитника народных прав. Попутно он объясняет мотивы, по которым принял имя Гракха "Беря в свои патроны самых честных, с моей точки зрения, граждан Римской республики, желавших более всего достижения общего блага, я имел своей моральной целью дать почувствовать, что я так же сильно, как они, стремлюсь к достижению этого блага. Известно, что лица, появившиеся на подмостках нашего театра под именами великих людей, не были счастливы. Мы послали на эшафот наших Камиллов, наших Анаксагоров, наших Анахарзисов"⁷¹, но все это меня ничуть не беспокоит. Чтобы смести с лица земли все следы монархии, знати и фанатизма, мы дали республиканские имена нашим местностям, нашим городам, нашим улицам и всему вообще, что носило на себе печать этих трех видов тирании". Бабеф решительно отказывается от имен, данных ему родителями. В особенности ему не подходит имя Никэз (святой, относительно которого существует легенда, что он, обезглавленный, встал и носил свою отрубленную голову). В шутовском тоне пророчит Бабеф свой собственный трагический конец "Если когда-нибудь у меня отрубят голову, то я не буду иметь никакого желания прогуливаться с нею под мышкой. Я предпочитаю погибнуть попросту, как Гракхи, под покровительство которых я ставлю себя на будущие времена".⁷² Для них он даже покидает Камилла, имя которого он носил в первые годы революции.

Но мы отвлеклись в сторону; вернемся к политической борьбе народного трибуна, вернемся к газете, принявшей новое, ставшее столь знаменитым, название. Мы помним, что новая схватка завязывалась вокруг судеб "избирательного клуба" и его петиции. 10 вандемьера ему удалось передать Конвенту свой адрес. Председательствовавший напомнил делегатам, что революционное правительство будет существовать вплоть до заключения мира. В его речи прозвучала явственная угроза по адресу клуба. Бабеф возмущен этой "угрозой целому народу".⁷³

Он напоминает опять, что восстание есть священная обязанность народа. В 24 номере Бабеф подвергает критике Конвент. Его политика кажется ему двойственной: с одной стороны, Конвент "говорит о революционном правительстве, как о святом святых, с почтительностью и уважением, с другой стороны — он клеймит негодованием правительство Робеспьера, террор и систему пролития крови, как будто бы это все не было одно и то же".⁷⁴ Бабеф приводит примеры этой возмущающей его двойственности, обличающие отсутствие твердой политической линии и беспринципность конвентских лидеров. К этой же теме возвращается он в 25 номере.

⁷⁰ "Journal de la Liberte de la Piesse", стр.8.

⁷¹ Камилл Демулэн, Анаксагор Шометт, Анахарзис Клоотц.

⁷² "Tribun du Peuple", № 23, стр.1—5 (примечание).

⁷³ Там же, стр.3—4.

⁷⁴ Там же, № 6, стр.7. № 25, стр.3.

"Я вижу, — пишет он, — в теперешнем строе общественной администрации политические абстракции вместо принципов; постоянный гнет рабства и оцепенение вместо энергии, характеризующей свободные народы; олигархическое правительство вместо республиканского режима; сенат, значение которого сведено до нуля, руководство которым захвачено, по верному замечанию Лекуантра, кучкой правящих; народ несчастный, охваченный унынием, неуверенный в своем положении, не знающий, чего нужно придерживаться, не видящий, наконец, в революции ничего, кроме большого бедствия".⁷⁵ По мнению Бабефа, необходимо наглядно показать всем республиканцам существование олигархии комитетов, деспотически помыкающей и народом и Конвентом... Не приведет ли это, — спрашивает он дальше, — к ниспровержению революционной системы? Не следует бояться слов. "Почему революционное правительство должно постоянно служить талисманом, который покрывает собой все злоупотребления, не позволяя даже на них жаловаться?.. Разберемся в вещах и поймем смысл слов. Что такое революционное правительство? Я понимаю под этим понятием терроризм, господство крови, господство Робеспьера, тиранию Робеспьера, деспотизм комитетов и все ужасные последствия, отсюда вытекающие... Народ больше не видит народных, демократических, республиканских учреждений, он видит себя доведенным до ничтожества, потерявшим всякое значение..."^{75а} Республика, преданная, обманутая, обольщенная, является, по мнению Бабефа, *аристократическим правительством*^{xix} (курсив Бабефа). "Недовольство стало всеобщим; нужно быть слепым, подобно королям, чтобы не замечать этого. Правительство не может прекратить ропот... взрыв может произойти внезапно".^{75б} Особенно резкий протест Бабефа вызывает решение Конвента отсрочить ликвидацию революционного правительства до окончания войны. По его мнению, это означает "отсрочку всех прав народа, запрещение до заключения мира конституции и декларации прав, продолжение самовластной администрации, покров, брошенный на статую свободы, приведение всех французов к состоянию пассивного повиновения, одним словом — рабство, продолженное до заключения мира".^{75в} Бабеф полагает, что "свобода, права каждого человека и всего народа могут быть вполне согласованы с революционными мероприятиями, направленными к тому, чтобы сдержать врагов внутренних и обеспечить победу над врагами внешними".^{75г} А если мир и будет заключен, кто поручится за его длительность? А если вновь начнется война, будет ли это означать возобновление революционного правительства? А если его возобновят, значит опять будет покончено с правами человека и народным верховенством, "и вот мы опять станем рабами до заключения другого мира, а ведь только бог и законодатели знают, когда приходит мир".⁷⁶

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

⁷⁵ "Tribun du Peuple", № 26, стр.7

^{75а} "Tribun du Peuple", № 25, стр.3.

^{xix} АРИСТОКРАТИЯ – республиканская форма государственного управления, в которой верховная власть находится исключительно в руках высших привилегированных классов, которые правят или одни, или при содействии представителей остальных классов. Ей противопоставляется демократия, т.е. республика, в которой державная власть признается принадлежащей всей совокупности или большинству граждан. В основании А. лежит идея, что государством должны управлять только избранные, лучшие умы. Но на деле вопрос об этом избранничестве находит различное разрешение; у одних А. определяющим началом является знатность происхождения, у других воинская доблесть, высшее умственное развитие, религиозное или нравственное превосходство, наконец, также **размеры и род имущества**. (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь). – Вот об этом последнем и ведет речь Бабеф – о финансовой и имущественной аристократии (не путать с дворянством).

^{75б} Там же, стр.3-4.

^{75в} Там же, стр.7.

^{75г} "Tribun du Peuple", № 26, стр.7.

⁷⁶ Там же, стр.8.

Во всем Конвенте не видит теперь Бабеф ни одного человека способного отстаивать права народа. "Я не вижу в нашем ареопаге ни одного человека, на которого мог бы положиться народ; он не может рассчитывать в деле защиты своих прав ни на кого, кроме самого себя".⁷⁷ Были в Конвенте двое человек, склонных, казалось, отстаивать народные интересы, но и они оказались изменниками. Это — Фрерон и Тальен. Бабеф объявляет их под подозрением.

27-ой номер "Трибуна" помечен 22-ым вандемьера (13 октября). Власти решились на крутые репрессии в отношении Бабефа. Человек, некогда тягавшийся со знатью провинциального местечка и разоблачавший заговоры в департаментском масштабе, грозил теперь Конвенту, грозил термидорианцам, грозил торжествующей буржуазии. В этот же день, 22-го вандемьера, состоялось постановление Комитета Общественной Безопасности об аресте редактора "Трибуна Народа". За день до этого был арестован председатель "избирательного клуба" Легрэ. Конвент резко забирал курс направо. 18-го вандемьера он принял, по предложению Камбасереса, обращение к французскому народу, в котором, на-ряду с нападками на якобинцев, содержатся и весьма недвусмысленные выпады против "избирательного клуба". Революционное правительство, — читаем мы в адресе, — "будет удержано впредь до полного уничтожения всех врагов революции, несмотря на лицемерный патриотизм тех, которые требуют конституционного правительства для осуществления своих пагубных замыслов".⁷⁸ Это обращение Бабеф клеймит как акт узурпации народного суверенитета, а самый день его называет "днем, осветившим великое и возмутительное кощунство". Этим обращением "Франция окончательно отдана во власть постоянному сенату, наподобие венецианского; благодаря ему окончательно установлено, что у нас больше нет народного верховенства, нет прав народа, нет господства управляемых над правителями, но есть смешение всех властей в руках децемвирата... есть захват в их пользу самой неограниченной власти и низведение всех французов на положение подданных и рабов, есть принуждение к самой рабской покорности".⁷⁹ 27-ой номер "Трибуна" и призывает граждан "подняться против узурпации суверенитета и против угнетения народа в лице одного из самых достойных его граждан", под которым Бабеф подразумевает только-что арестованного Легрэ. Тут же печатается письмо сестры Марата к депутату Фрерону, в котором она требует освобождения Легрэ.

Напасти самого Бабефа, завершившиеся приказом об его аресте, начались чуть ли не с первого дня выхода газеты. О них он сам очень красноречиво рассказал в заявлении, прочтенном 22 вандемьера "избирательному клубу", собравшемуся в помещении Музея. После нескольких слов, посвященных "долгим дням преследования", которые ему пришлось претерпеть, Бабеф приступает к рассказу в таких выражениях: "Я пишу. Моя газета принята всеми гражданами, ненавидящими угнетение... Упоенный похвалами моих сограждан, весь охваченный сладостным чувством, возникающим из сознания добра, сделанного своим ближним, я воспламеняюсь еще больше, я забываю все для моей родины, я забываю почти-что о своем личном существовании, я забываю жену и детей, я жертвую своим местом, я не принадлежу больше ничему, кроме дела защиты прав народа. Моя супруга и мой сын, в возрасте девяти лет, оба республиканцы, настолько же преданные, как их отец и супруг, стараются мне помочь всеми возможными средствами. Они приносят жертвы. День и ночь они заняты у Гюффруа, моего издателя, за упаковкой, рассылкой и раздачей моей газеты. Домашний очаг заброшен. Двое других детей, из которых одному не больше трех лет, остаются каждый день одни, взаперти, в течение больше, чем одного месяца. Это невнимание заставляет их чахнуть, но они не жалуются, они также кажутся охваченными любовью к родине и готовностью добровольно приносить ей жертвы. У нас больше нет кухни, в течение всего этого времени мы питаемся исключительно хлебом, виноградом и орехами... Теперь тиранил... повергает нас в самое бедственное положение. Вот способ, к которому она прибегла, чтобы пустить в нас свою стрелу.

⁷⁷ Там же, № 27, стр.218.

⁷⁸ Buchez et Roux. Т.XXXVI, стр.126.

⁷⁹ "Tribun du Peuple", № 27, стр.224.

Депутат Гюффруа, мой издатель, велел вчера наложить арест на весь тираж моего 26 номера, запретил всякую продажу, захватил около тридцати тысяч экземпляров остальных номеров, выставил за дверь мою жену и моего сына и заявил им, что он собирается сделать на меня донос в Комитет Общественной Безопасности. Этим самым Гюффруа совершил одновременно несколько преступлений. Он нарушил мое искреннее, братское доверие, он меня безнаказанно обокрал, он обокрал с неменьшей дерзостью цвет патриотов, подписавшихся на мою газету, и, наконец, он нанес удар родине, отняв у нее факел, искрившийся ослепительным светом истины Народ! и это один из твоих представителей⁸⁰. Сопоставляя выходку Гюффруа с арестом Лэгрэ, Бабеф видит в этих актах начало нового похода реакции против друзей народа⁸¹. С письмом Альбертины Марат и с рукописью 27 номера "Трибуна Народа" явился Бабеф в "избирательный клуб" и просил его озаботиться их обнародованием. Клуб постановил принять печатание этих документов на свой счет, и, очевидно, 27-ой номер, помеченный 22-ым вандемьера, появился на свет значительно позже этой даты. По крайней мере, как это явствует из текста самой газеты⁸², постановление "избирательного клуба" об отпечатании 27 номера "Трибуна Народа" состоялось 27 вандемьера, через пять дней после приказа об аресте Бабефа. Это постановление клуба повлекло за собой новые репрессии 3 брюмера (24 октября) были арестованы председатель и секретарь клуба. Мерлэн де-Тионвиль, один из вожаков термидорианской реакции, в таких выражениях доложил об этом Национальному Конвенту (5 брюмера — 26 октября): "Бабеф, осмелившийся оклеветать Конвент, Бабеф, некогда присужденный к кандалам, укрылся в недрах «избирательного клуба», где он произнес речь еще более демагогическую, чем его первые выступления. Клуб принял его и постановил печатать. Согласно закона, Комитет Общественной Безопасности предписал арестовать Бабефа, президента и секретарей клуба за то, что они подписали это постановление, и наложить печати на все бумаги клуба"⁸³.

В продолжение более чем двух месяцев Бабеф осужден был на полное молчание. 28 номер "Трибуна Народа" вышел в свет 28 фримера—18 декабря 1794 года. За этот короткий промежуток времени реакция успела сильно закрепить свои позиции. В частности произошли такие важные события, как ликвидация якобинского клуба и возвращение в состав Конвента жирондистских депутатов, изгнанных оттуда после революции 31 мая 1793 года. Что делал за это время Бабеф, в точности не установлено. Адвиель в своей "Истории Бабефа и бабувизма" полагает, что ему удалось скрыться и что он "оставался все время спрятанным в самом Париже"⁸⁴. По Девилю, Бабеф был арестован и скоро отпущен; по крайней мере, 12 брюмера он снова появился перед "избирательным клубом" с предложением полной реорганизации клуба, который отныне должен был отказаться от президиума, от протоколов, от формальностей, связанных с принятием новых членов, и принять новое название "народного клуба"⁸⁵.

⁸⁰ "Tribun du Peuple", стр.228—230.

⁸¹ Advielle ошибается, когда утверждает, что приказ об аресте Бабефа, данный 22 вандемьера, застал газету на 23 номере. В связи с этим падает и предположение о том, что переименование газеты было актом самозащиты (ср. у Тарле "Очерки и характеристики", стр.174) или что в промежутке между выходом 22 и 23 номеров Бабеф претерпел арест и заключение в аррасской тюрьме. (А Advielle это категорически утверждает, см. Т.1, р.516). 22 номер помечен 10 вандемьера, а 23—14 вандемьера. Промежуток всего три дня. Бывали и другие промежутки. Так № 18 вышел 6 ванд., а № 19 — 8 ванд. Падает также и вопрос Advielle о том, где печатался "Трибун" с 22 по 26 номер. Конечно, у Гюффруа! Ведь скандал произошел только на 27 номере. Обычно хорошо осведомленный Advielle страшно путает в этом вопросе. Так он пишет, что, судя по 27 номеру, "Гюффруа снова стал издателем газеты" (Т.1, стр.119). Это прямо поразительная неосведомленность! Advielle, очевидно, не имел под руками 27 номера газеты, что мало вероятно, или не удосужился его просмотреть. Ср. Deville, pp.32, 38; ошибку Advielle повторяет Пригожин (Гракх Бабеф, стр.69).

⁸² "Tribun du Peuple", № 27 стр.232.

⁸³ Deville. Thermidor et Directoire, стр.38.

⁸⁴ Advielle. Ук.соч. Т.1, стр.117.

⁸⁵ Deville. Ук.соч., стр.42.

Сам Бабеф в 28 номере дает глухие намеки на то, что он выступил, замаскировавшись, в нескольких произведениях, пытаясь "контрабандой" провести в них исповедуемые им принципы. Возможно, что к этому периоду его деятельности относится публикация брошюры "Побитые платят штраф" ("Les battus payent l'amende"), упоминаемой у Девиля. В этой брошюре содержится, между прочим, любопытное суждение о закрытии якобинского клуба. "Я вовсе не нахожу эту историю такой веселой, как делает это весь свеч. Она, быть-может, такова, поскольку задевает те или иные личности, но зато вызывает тревогу принципиальная сторона дела"⁸⁴. Около середины фримера Бабеф опубликовал брошюру "Путешествие якобинцев в четыре части света"⁸⁵. Она подписана Гракхом Бабефом, редактором "Газеты Свободы Печати", впоследствии "Трибуна Народа". Подпись сопровождается такой заметкой: "Я всегда подписываюсь: я не принадлежу к числу трепещущих трусов, выступающих анонимно. Я вскоре опять появлюсь с моей газетой, более гордый, чем когда-либо; я заставлю моих хулителей краснеть за ту бесстыдную клевету, которую они на меня изрыгали"⁸⁶. Тема брошюры — закрытие якобинского клуба и агитация, поднятая якобинцами в связи с этими событиями. Трудно судить о том, как реагировал Бабеф на эту историю в брошюре "Побитые платят штраф". Цитата, приведенная у Девиля, заставляет предполагать, что Бабеф усомнился в революционной целесообразности мероприятий, направленных против якобинцев. Что касается "Путешествия в четыре части света", то это произведение выдержано в довольно резких анти-якобинских тонах. Быть-может, это лишний раз свидетельствует о необычайной сложности, необычайной трудности политической обстановки, в которой пришлось действовать Бабефу за эти последние месяцы 1794 года. Быть-может, это свидетельствует о колебаниях и сомнениях, охвативших Бабефа, о начатой и не завершенной переоценке роли якобинцев. Мы лишены возможности сопоставления двух брошюр и должны оставить открытым вопрос о соотношении их содержания. В "Путешествии" якобинцам присвоена новая кличка "максимилианисты". Брошюра проводит выдержанную в иронических тонах параллель между проповедью апостолов и агитацией якобинцев по поводу закрытия их клуба. Христос посылает своих учеников проповедывать в Иерусалим и повсюду, куда повлечет их дух. Максимилиан предлагает нечто подобное своим последователям. "Начните с попытки взволновать Париж и потом идите дальше своей дорогой, не заботясь о пропитании, об этом позаботится высшее существо, или, еще лучше, воспользуйтесь правом реквизиции лиц и имущества, которым я наделяю вас от своего имени, на всем протяжении от Рейна до океана, от Пиренеев до самого севера, воспользуйтесь всеми другими революционными принципами, — и вы увеличите число новообращенных и будете одинаково услышаны шуаном и аллоброгом, кастильцем и эльзасцем". В своем поведении якобинцы⁸⁷, по мнению Бабефа, только копируют "шарлатанов и священников".

Они прежде всего обращаются к "простоте и доверчивости" для того, чтобы посеять здесь семена фанатизма. Эти миссионеры отправляются в царство слепых, чтобы там начать свою проповедь, другими словами — они начинают агитацию в секции "Quinze-Vingts". Бабеф предупреждает, что из этой затеи не получится ровно ничего. Но он согласен вступить в дискуссию с "якобинскими проповедниками", потому что, чуждый мысли о пролитии крови, он стремится "не к смерти, а к раскаянию грешника". Его база — попрежнему Декларация прав. "Браво, браво, — отвечают максимилианисты, — но ведь это и наша религия; мы заранее предполагали, что мы исповедуем совершенно одинаковые верования". Они предлагают соединить усилия для приведения в исполнение той статьи Декларации прав, которая вменяет в обязанность восстание против деспотического правительства.

⁸⁴ Deville. Ук.соч., стр.40.

⁸⁵ Voyage des Jacobins dans les quatre parties du monde. Avec la constitution mise a l'ordre du jour, par Audoin et Barrere. Ue l'imprimerie de Franklin, rue de Clery, № 75. Мы не встречали ни у Адвиеля, ни у других исследователей упоминания об этой брошюре, экземпляром которой располагает Ленинградская Публичная Библиотека.

⁸⁶ Voyage des Jacobins, стр.16.

⁸⁷ Voyage des Jacobins, стр.6.

"О, нет, — возражает Бабеф, — мы не считаем настоящий повод удобным для такого выступления". Если бы действительно было доказано, что репрессии против якобинского клуба угрожают другим народным обществам, тогда можно бы было говорить о серьезной угрозе конституции и правам народа. Но этого нет. "Зато почти доказано, что ваше центральное учреждение стремилось стать властью, что оно собиралось, путем деспотического насилия над мнениями... соперничать с законной властью народа, чтобы, именем свободы, установить царство разбоя и воровства, в котором единственными представителями человеческой породы остались бы пожиратели, секта которых захватила бы имущества, удобренные телами собственников. В таком случае ваше поражение нужно рассматривать не как акт угнетения, а как победу, одержанную над наиболее необузданными из угнетателей. Нет, ваши убеждения напрасны, мы не восстанем вместе с вами"⁸⁸. Но, по мнению Бабефа, сами якобинцы не рассчитывают серьезно на возможность восстания. Он советует им отказаться навсегда от "кровожадных замыслов", советует вернуться к "гуманным чувствам". Подумайте хорошенько о существовании ваших предположений — и вы, в числе которых родина насчитывала во время, предшествовавшее очерствению ваших сердец, не мало просвещенных и справедливых сыновей, вы, быть — может, признаете, что возвращение к вашим первоначальным принципам было бы лучшим выходом из положения⁸⁹. Так или иначе, в секции *Quinze-Vingts* якобинцы потерпели полное фиаско. "Санкюлоты Антуанского предместья" не захотели их даже слушать. "Вы говорите, как Барер; мы не понимаем языка варваров", таков, согласно Бабефу, был их ответ. В заключение он предостерегает правящие круги против использования антиякобинских настроений для подавления других народных настроений обществ. Ведь было бы так выгодно для реакции "распространить на все общества ту антипатию, которая по справедливости должна ограничиться обществом 9 Термидора (т.е. якобинским клубом) и филиалами, разделяющими его кровожадную мораль"⁹⁰. Бабеф приветствует мероприятия, направленные против якобинских клубов в провинциях, и чистку провинциальной администрации, кишащей попрежнему ставленниками робеспьеровского режима. Необходимо разыскать их в их убежищах и предать гражданской смерти, но ведь от этого далеко до полного уничтожения всех народных обществ. "Демократическое правительство не может обойтись без них. Повсюду, где народ действительно свободен, он имеет свой форум, свои собрания, в которых он может обсуждать политические вопросы". Бабеф выражает надежду, что Конвент проникнется подобающим взглядом на роль и значение народных обществ. Он сочувственно отзывается о проекте депутата Кадруа, внесенном в Конвент 24 брюмера. По мнению Бабефа, система народных обществ будет сохранена в ее первоначальном виде. Его не смущает, что предложения смягчить существующий режим вносятся лицами вроде Одуэна и Барера. Как ни подозрительна личность этих политических дельцов, "хорошее и дельное предложение не может быть предано анафеме только потому, что его произносят обесчещенные уста"⁹¹.

Таково вкратце содержание брошюры Оно лишней раз подчеркивает всю сложность и противоречивость политической позиции Бабефа. Якобинцев он ненавидит не меньше, чем термидорианцев. Он готов даже поразить первых с помощью вторых. И в дальнейшем Бабеф останется абсолютно чуждым классическому якобинству, но он поймет необходимость временной коалиции, временного союза между левым крылом якобинцев и людьми "избирательного клуба", которые ошупью и наугад продолжали традиции "бешеных" и Парижской Коммуны. "Путешествие в четыре части света" лишней раз подчеркивает абсолютную неосновательность всех попыток зачислить Бабефа в "левые якобинцы"⁹². А написанная почти одновременно с "Путешествием" брошюра "О

⁸⁸ Там же. *Voyage des Jacobins*, стр.9—10.

⁸⁹ Там же, стр.10—11.

⁹⁰ Там же, стр.11.

⁹¹ *Voyage des Jacobins*, стр.16.

⁹² Особенно сильна эта тенденция у Пригожина. Он целую главу своей книги назвал: "На левом фланге якобинцев" (Графх Бабеф. М. 1921 г., стр.60—80). Это название, как, впрочем, и

системе истребления народа, или жизнь и преступления Каррье" служит наиболее ярким памятником анти-якобинских настроений Бабефа.

Каррье, один из сторонников Робеспьера, исполнял обязанности комиссара Конвента в городе Нанте, при чем прославился рядом жестокостей, совершенных им в этой должности. Начало преследования, возбужденного против Каррье, положено было процессом членов Нантского революционного комитета. Этот процесс начался 25 вандемьера (16 октября 1794 г.) Между тем уже 29 сентября в Конvente начались разговоры о необходимости привлечь к ответственности самого Каррье. 11 ноября (21 брюмера) Конвент вынес постановление об аресте Каррье. 1 фримера Каррье был допущен на трибуну Конвента. Он произнес обширную защитительную речь, но это ему не помогло, и в ночь с 3 на 4 фримера Конвент 498 голосами из 500 признал необходимым предать его суду Революционного Трибунала. 16 декабря Каррье был осужден на смертную казнь и на следующий же день гильотинирован под возгласы "Да здравствует республика" и улюлюкание уличных зевак. Вопрос о предании суду Каррье вызвал довольно большую памфлетную литературу⁹³. Что касается брошюры Бабефа, то она написана была уже после окончания процесса, по крайней мере в ней упоминается о постановлении Конвента от 28 фримера (18 декабря), которым второстепенные участники процесса были объявлены подсудными обычной уголовной юстиции. Таким образом, дата написания "Жизни и преступления Каррье" падает на вторую половину декабря.

Брошюра Бабефа содержит прежде всего несколько любопытных отзывов о революционном правительстве. Уже в предисловии он возлагает на него всю ответственность за "преступные деяния Каррье". "Революционное правительство! Это ты, да, это ты и те, кто тебя изобрел, помешали благополучному завершению революции, начатой мудростью и добродетелью народа"⁹⁴. Несчастья республики начались в тот день, когда Конвент создал вице-королей или проконсулов в департаментах. "В революционном правительстве следует искать причину всех зол"⁹⁵. В IV главе Бабеф идет однако еще дальше. Он приписывает Робеспьеру фантастический проект уничтожения части французского народа, как богачей, так и бедняков, в целях нового распределения собственности. Столкнувшись с несоответствием между производительностью французской почвы и потребностями ее населения, Робеспьер будто бы решил найти выход из этой контроверзы в физическом истреблении избыточного населения.

"Разоблачение" этого "адского плана" дано, по мнению Бабефа, в брошюре некоего Вилата (Vilat), носящей название "Секретные причины революции 9 и 10 термидора".^{xx} "Я даю, — пишет Бабеф, — моим современникам ключ к пониманию целого ряда мероприятий, остававшихся до сих пор совершенной загадкой. Что такое максимум, продовольственная комиссия и все эти захваты? Это первый шаг к переходу всей собственности в руки правительства. Что такое гильотинирование богатых и конфискация под всяким предлогом? Это второй шаг на том же пути"⁹⁶. Даже максимум берется здесь под подозрение, хотя вообще Бабеф никогда не причислял себя к его врагам. Много места в брошюре уделяется войне с Вандеей, но Бабеф обнаруживает полное непонимание ее истинных причин, полное незнание самой социальной природы гражданской войны. Он склонен полагать, что наличие нескольких агитаторов предотвратило бы всякую возможность столкновения. Он взваливает на революционное правительство ответственность за все вандейские эксцессы.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

⁹³ H.Wallon. Histoire du Tribunal Revolutionnaire de Paris. T.VI, стр.3, 21.

⁹⁴ Gr.Babeuf. Du systeme de depopulation, ou la vie et les crimes de Carrier. A Paris. An 3-me, стр.12.

⁹⁵ Там же, стр.85.

^{xx} О Жоашене Вилате и его памфлетах см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#JV> и комментарий О.Осиповой «Список Робеспьера» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm#list).

⁹⁶ Gr.Babeuf. Ук.соч., стр.289.

Он доходит до того, что обвиняет робеспьеристский Комитет Общественного Спасения в лице Барера в сознательном желании довести Париж, путем организации систематической голодовки, до восстания и затем совершенно разрушить его "по примеру Лиона". Он приписывает себе самую почетную роль в деле разрушения этого комплота во время его службы в продовольственной комиссии. Все это крайне несерьезно, крайне легковесно. Обвинение Робеспьера в попытке разрешить мальтузианскую, как сказали бы мы теперь, проблему путем "хладнокровного истребления" излишней части населения кажется нам самым фантастическим вздором, какой только мог бы взбрести на ум публицисту, даже настроенному враждебно в отношении якобинцев. Попутно Бабеф подчеркивает, что "не намерен осуждать ту часть политического плана Робеспьера, которая относится к взиманию пособий с богатых в пользу детей и родственников защитников отечества"⁹⁷. И он уделяет место беглому изложению своих политических воззрений. "Я говорю, (хотя бы показалось похожим на систему Робеспьера), что земля должна обеспечивать существование всех членов государства, все равно, сражаются они или нет; я говорю, что, когда в государстве меньшинству удалось захватить в свои руки поземельную и промышленную собственность, когда оно держит во власти большинство населения и пользуется своей силой для того, чтобы ввергать его в состояние нужды, мы должны признать, что такой монопольный захват мог создаться только благодаря дурным государственным учреждениям; а в таком случае... авторитет законов должен осуществить переворот, направленный к конечной цели рационального государства, созданного общественным договором: все должны иметь достаточно, и никто не должен иметь слишком много. Если таковы были намерения Робеспьера, то он в этом отношении выказал себя настоящим законодателем"⁹⁸. Обеспечение за всеми трудящимися необходимых предметов потребления, равенство в воспитании, помощь нетрудоспособным — вот, по мнению Бабефа, предпосылки внутреннего мира и спокойствия. "В противном случае, когда чаша переполнена, когда народная масса, лишенная продовольствия, изголодалась, природа (а она всегда была справедлива) прорывает все плотины, — тогда-то скрытая вражда, которая всегда существует между эксплуататорами и угнетенными ("les affameurs et les affames"), вспыхивает с внезапной силой и опрокидывает все препятствия; тогда никакое правительство не в силах остановить бушующий поток; тогда осуществляется то, о чем говорил Бертран Барер в известном докладе: несчастные составляют главную силу на земле, они имеют право повелевать правительством, которое игнорирует их интересы. Только уменьшение населения может ослабить этот буйный порыв, но простая попытка прибегнуть к этому средству сопряжена с большим риском; Бертран Барер, Максимилиан Робеспьер и компания испытали это на собственной шкуре"⁹⁹.

Так или иначе, выступая против Каррье, Бабеф играл только на руку термидорианской реакции, одной из первых жертв которой пал комиссар города Нанта, и сама брошюра его кажется теперь каким-то кошмаром на политические темы, порожденным хаосом Термидора.

Итак, Бабеф никогда не был якобинцем, и в особенности в первые месяцы термидорианской реакции сказывалось его глубоко враждебное отношение к единомышленникам Робеспьера. Воюя с якобинцами, он однако сумел резко противопоставить свою линию политике термидорианских победителей. Его имя не переставало упоминаться в полицейских рапортах, на страницах реакционной прессы, с трибуны Конвента. Так в одной газете, от 9 плювиоза (28 января 1795 г.), читаем: "Вчера в кафе Шартр читались отрывки бунтовщического писания гнусного Бабефа. Он открыто проповедует гражданскую войну, пытается поднять рабочих и предместья против Конвента, который он называет кобленцким сенатом; согласно этому нечестивцу, австрияки заседают в национальном дворце. Все декреты, там составляемые, редактируются нашими врагами, которые платят за это хорошие деньги.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

⁹⁷ Там же, стр.32.

⁹⁸ Gr.Babeuf. Ук.соч., стр.33.

⁹⁹ Там же, стр.3.

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Охваченные чувством справедливого негодования, шесть граждан... отправились донести на зажигательные писания этого бунтовщика, который был уже однажды присужден к двадцатилетнему заключению и который ныне находит убежище у Фуше: Комитет Общественной Безопасности принял их очень хорошо и выразил свое удовлетворение по адресу патриотов, собирающихся в кафе Шартр¹⁰⁰. На следующий день вопрос о Бабефе был поставлен в Конвенте. Тальен указал Конвенту на газету Бабефа, как на угрозу национальному представительству, и обвинил Фуше в том, что он просматривает корректурные листы газеты. "Вот человек, желающий гражданской войны", — заявил Тальен о редакторе "Трибуна Народа" и тут же привел ряд отрывков из газеты, которые, по его мнению, могли служить доказательством преступных намерений Бабефа. Фуше не отрицал своего знакомства с Бабефом и подтвердил также получение им от Бабефа рукописи брошюры, посвященной возвращению в Конвент жирондистских депутатов. "Эта брошюра не была опубликована, и это достаточно говорит о том, каково было мое поведение в этом вопросе"¹⁰¹. Сношения между Фуше и Бабефом действительно установились в течение зимы 1794—1795 гг. Что было общего между трибуном народа, пламенным проповедником прав народа Бабефом и Фуше, бывшим священником, бывшим комиссаром Конвента, проконсулом Лиона и будущим министром Директории и Наполеона? Не забудем, что Фуше находился в это время под смертельной угрозой. После казни Каррье, Фукье-Тэнвиля и других деятелей 1793 года, он был намечен очередной жертвой термидорианской реакции. Вожди Термидора не успели еще разглядеть абсолютной беспринципности и аморальности этого человека, готового идти на службу любому режиму и любой партии. Фуше приходилось бороться. В поисках какой-либо базы он обратился к Бабефу, должно-быть не без намерения предать его в случае неудачи. Фуше находился в свое время в оппозиции робеспьеровскому режиму, и это обстоятельство, так же как и близость Фуше к Геберу, Шометту и "бешеным", делали его желанным человеком для Бабефа. Трудно судить, пользовался ли Фуше каким-либо влиянием на Бабефа. Нам это представляется мало вероятным.^{xxi} Так или иначе, Тальен сопоставил их имена в своей обвинительной речи, он изобразил их зачинщиками гражданской войны, и, действительно, тон статей "Трибуна Народа", возобновленного выходом 28 фримера, становился все более и более резким. Правда, Бабеф успел выпустить всего шесть номеров газеты, но и этого было совершенно достаточно. Вернемся теперь к "Трибуну Народа" и попытаемся проследить дальнейшую эволюцию политических взглядов Бабефа.

Уже в 28 номере мы находим новые ноты в суждении о судьбах революции. Она переживает, по выражению Бабефа движение вспять. "Повсюду совершается, внушающее тревогу попятное движение. Все пороки, вся гниль старого режима отважно поднимают головы и стирают с лица земли людей и принципы революции. Повсюду встречаешь огрубение, упадок нравов, проституцию, разложение. Лесть и рабская угодливость царят в качестве добродетелей"¹⁰². Запершись в своей рабочей комнате, Бабеф долгое время обдумывал наилучшие способы борьбы, и он убедился в необходимости немедленно же атаковать чудовище, надеясь, что недалеко время, когда "все свободные и энергичные люди, которых напрасно считают умершими, соединят свои усилия для того, чтобы вогнать в могилу это гнусное чудовище". Но сейчас положение представляется ему довольно безотрадным. "Когда я в свое время, одним из первых, обрушился с пылом на чудовищный эшафот, увенчавший систему Робеспьера, я был далек от того, чтобы предвидеть, что я способствую возведению здания, которое, несмотря на видимую противоположность своей конструкции, будет не менее губительным для дела народа; я был далек от той мысли, что требование снисхождения, упразднения угнетения, деспотизма и всякой несправедливой суровости, требование самой

¹⁰⁰ Aulard. Ук.соч. Т.I, стр.431.

¹⁰¹ Buchez et Roux. Т.XXXVI, стр.226-227. См. также L.Madelin. Fouche. Т.I, стр.184—187.

^{xxi} О Жозефе Фуше см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht>. О степени и характере причастности Фуше к заговору Равных см. дискуссию в сообществе: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p74039596.htm#268245544>.

¹⁰² "Tribun du Peuple", № 28, стр.235.

полной свободы слова и мысли повлечет за собой использование всего этого в целях подрыва самого фундамента республики, в целях разнуздывания реакционных, мстительных страстей"¹⁰³. Возобновляются нападки на Конвент. "Ниспровержение всех принципов имело место в тот день, когда было установлено, что исключительное право выражать общественное мнение принадлежит Конвенту, что нет больше общественного контроля, нет призыва к порядку, нет надзора управляемых за управителями, нет возможности протеста против злоупотреблений и ошибок власти"¹⁰⁴. Развитие этой мысли у Бабефа нам уже знакомо, и поэтому задерживаться на ней мы не будем. Ново то, что Бабеф начинает переходить к нападкам на нравы, на быт термидорианской реакции, а это приводит его к сопоставлению распущенности и продажности Термидора с суровым, закаленным в гражданских добродетелях духом революционного режима. При этом режиме на подмостках театров царили "гражданские песни и революционные гимны, проституция исчезла совершенно. Париж перестал выставлять на показ бесстыдный порок, ужасное искушение перестало отравлять душу юности"¹⁰⁵. Бабеф признает теперь, что учреждения этой эпохи соответствовали принципам, но что они были испорчены засилием вероломных людей. Зато теперь Париж вернул себе дурную славу, приобретенную им во время монархии.

"Мало того, что дерзкая распущенность атакует меня на каждом шагу, ей еще помимо того разрешают открыто предлагать мне и моему несовершеннолетнему сыну каталоги с адресами самых позорных притонов, с описанием талантов каждой уличной Венеры... На сцене теперь господствует легкий жанр, настоящая выставка разврата, оскорбляющая разум народа. Все предсказывает быстрое и полное восстановление господства бар. Уже начинается возрождение прежнего барского костюма. Для упрочения республики хотят ее напудрить, и во времена всеобщего бедствия, когда хлеба повсюду не хватает, когда его продают в некоторых местностях по тридцати ливров за фунт, Франция, оказывается, не может обойтись без того, чтобы не потратить четверть своей муки на парики чванной и многочисленной бюрократии"¹⁰⁶. На-ряду с этим стараются изгнать из памяти нации имена патриотов, погибших за республику, вроде Марата, а это означает, по мнению Бабефа, окончательное "разрушение демократии". "Последствия всех этих процессов ужасны" и эти последствия отчасти уже на-лицо. В Конвент вернулись жирондисты. Плохо, может-быть, не то, что они вернулись, а что они вернулись триумфаторами. "Их позиция в день 31 мая и мотивы этой позиции рассматриваются, как нечто, заслуживающее похвалы"¹⁰⁷. Этим самым выносятся осуждение революции 31 мая, освободившей Францию от опасности федерализма. Значит Конвент ошибался, когда приветствовал этот день, значит правы были жирондисты. Но чем дальше, тем хуже. Вот уже поговаривают об отмене конституции 1793 года. Бабеф патетически угрожает кинжалом всякому депутату, который осмелится сделать подобное предложение. Всякий французский Сцевола, — а таких, по мнению Бабефа, найдется не мало, — даст обет преследовать его везде, "в сенате, у него дома, на улицах... словом решительно везде". Но Бабеф сам как будто не верит в реальность этой угрозы. От патетических возгласов он переходит к пессимистическим размышлениям о текущем моменте. "Говорят, все идет к лучшему (курсив Бабефа). Да, для аристократов и врагов свободы. Непомерная дороговизна заставляет горевать и умирать с голода бедного рабочего, зарабатывающего четыре ливра или сто су в день. Угроза прекращения работ в общественных мастерских, в случае наступления тяжелого сезона, заставляет опасаться еще более ужасного будущего.

¹⁰³ "Tribun du Peuple", № 28, стр.237.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, стр.241—242.

¹⁰⁶ "Tribun du Peuple", № 28, стр.343.

¹⁰⁷ Там же, стр.245. По Пригожину, "он (т.-е. Бабеф) горячо приветствует возвращение в Конвент 71 жирондистских депутатов" (стр.71). Это, конечно, сушая неправда. Заблуждение Пригожина тем более удивительно, что он тут же делает ссылку на 28 номер "Трибуна". Пригожин полагает, что триумфальное возвращение жиронды Бабеф принимает "с удовольствием". Правильное, нечего сказать, понимание источника!

Отмена максимума, который объявили контр-революционным мероприятием и который действительно был таким с точки зрения жадного и ненасытного торгашества, должна окончательно заморить голодом класс санкюлотов, и без того подвергающийся всякого рода унижениям и оскорблениям, точно так же, как это имело место в прошедшем времени"¹⁰⁸.

Эти строки — несомненно одно из самых любопытных мест 28-го номера. Бабеф впервые обращает внимание на рабочего, впервые затрагивает вопрос об экономическом положении трудящихся масс, впервые высказывает свое мнение о максимуме. И это мнение идет в разрез не только с экономической политикой Термидора, но и с тем лозунгом свободной торговли, который был провозглашен "избирательным клубом". В 22-ом номере Бабеф еще колебался, еще затруднялся формулировать свою точку зрения на отмену "максимума". Теперь он уже не сомневается в губительных последствиях этого мероприятия. Это все обнаруживает новый подход, новое понимание движущих сил революции. Ведь недаром в том же номере Бабеф солидаризуется с журналистами, которые видят в возвращении жирондистов призыв к знати и иностранцам и "распыление рабочих". Он становится все более чутким к вопросам классового характера термидорианской реакции. Но пойдем дальше. Политическая терминология и политические взгляды Бабефа нам уже известны. Тем более интересно наблюдать, как чисто политическая схема, первоначально усвоенная Бабефом, начинает наполняться совершенно определенным социальным содержанием. "Я различаю, — пишет он в 22-ом номере, — две совершенно противоположные партии. Обстоятельства часто изменяют соотношение их сил, и только этим колебанием объясняется чередование успехов, выпадающих на долю каждой из них Я охотно допускаю, что обе они хотят республики, но каждая хочет ее по-своему. Одна партия хочет республики буржуазной и аристократической; другая полагает, что именно она добилась ее установления, и требует, чтобы она сохранила чисто народный и демократический характер. Одна хочет республики одного миллиона, который всегда играл роль врага, владыки, грабителя, угнетателя и кровопийцы для остальных двадцати четырех миллионов, которые положили ей начало, скрепили камни республиканского здания своей кровью, кормят, поддерживают и удовлетворяют все нужды отечества, защищают его и умирают за его безопасность и славу. Первая партия хочет, чтобы в республике существовали знать и простонародье (*le patriciat et la plebe*); она хочет, чтобы ничтожная кучка привилегированных и господ утопала в роскоши и в наслаждениях, а подавляющее большинство было поставлено в положение илотов и рабов; вторая партия требует для всех не только юридического, бумажного равенства, но и умеренного довольства, обеспеченного законом удовлетворения всех физических потребностей и пользования всеми преимуществами общежития — в виде справедливого и неотъемлемого вознаграждения за труд, затрачиваемый каждым человеком на общую пользу"¹⁰⁹. От этого резкого разграничения республики богатых и республики бедных Бабеф переходит к изложению политической программы плебеев. Вместо туманных юридических формул, вместо абстрактных "прав народа", мы находим конкретные требования, которые должны отстаивать "представители плебса". "Вспомните, — обращается к ним Бабеф, — закон, которым вы обещали сделать к концу войны собственниками всех защитников отечества! Вспомните закон, которым вы гарантировали почетную помощь инвалидам, детям, старикам, недостаточным всех классов! Вспомните закон, обеспечивавший труд (*les ressources en travaux*) всем полам и всем способностям! Вспомните о превосходном плане народного образования... согласно которому отечество, обязанное установить равенство образования, бралось обеспечить содержание детей на все время их воспитания! Вспомните закон, — спасительный в высшей степени, несмотря на все, что можно было сказать против него, — которым вы поставили границы неутолимой алчности и смертоносному барышничеству, закон, который не был превосходным только по причине недостаточности мер, принятых для его действительного выполнения!

¹⁰⁸ "Tribun du Peuple", № 29, стр.263. Пользуемся переводом Ю.Стеклова. "Бабеф. Учение Равных". Стр.45.

¹⁰⁹ "Tribun du Peuple", № 29, стр.266—267.

Вспомните конституцию, санкционированную 10 августа 1793 года! Вспомните, наконец, закон, гарантировавший земельные участки, из конфискованных владений врагов родины, всем безземельным санкюлотам! Все эти законы составляют достояние бедняка. Он завоевал их ценой своей крови" Неужели теперь "они будут обесчещены и заменены аристократическим и враждебным народу законодательством, законодательством богатых?" Во всех этих требованиях нет еще решительно ничего коммунистического. Чего добивается Бабеф? Осуществления якобинской конституции 1793 года, исполнения якобинских декретов о нарезке земли "санкюлотам — защитникам отечества" и, наконец, восстановления максимума. Но уже важно, что он заинтересовался экономическим положением масс, заинтересовался судьбой рабочего, фигура которого, согбенная под тяжестью невыносимого бремени дороговизны, начинает все решительнее вытеснять со страниц бабефовской газеты абстрактного "гражданина" и защитника прав народа. 16 фримера Комитет Общественного Спасения издал распоряжение, согласно которому существовавшая в оружейных мастерских поденная заработная плата заменялась платою сдельной и хозяевам мастерских предоставлялось право сокращения рабочего персонала с тем, чтобы рабочие, подпавшие под сокращение, направлены были в армию. Между тем сдельная плата "была в самом деле совершенно ничтожна; при этой расценке рабочий в среднем мог заработать 1,5 ливра в день; а жизнь стоила самое меньшее 2—2,5 ливра в эту пору"¹¹⁰. Это мероприятие Комитета вызывает самую суровую отповедь со стороны Бабефа. Он сопоставляет декреты, покровительствующие чудовищному вздорожанию цен на предметы первой необходимости, с актами, направленными на "окончательное разорение рабочего класса" ("de la classe ouvriere"). "Единственным результатом этого мероприятия будет то, что большое число рабочих, отцов семейства, содержавших семьи на свой заработок, оставят, направившись в армию, целые толпы женщин и детей, обреченных крайней нищете, посреди полчища лавочников и торговцев, созданных, кажется, для того, чтобы давить и заставлять умирать с голода настоящий народ". Наряду с этим Бабефа возмущает прекращение казенных заказов на пошивку военного обмундирования, заказов, которые давали пропитание "женам санкюлотов". "Это был прекрасный институт, дававший возможность честного заработка целому полу, который слишком часто добывал его позорной ценой"¹¹¹. Теперь этому пришел конец. Санкюлотов изгоняют из Парижа, а их жен и детей ввергают в нищету.

Более подробному анализу Бабеф подвергает в том же номере разрешение свободного вывоза звонкой монеты, меры, направленной к уменьшению массы находящихся в обращении ассигнатов, и упразднение максимума. Его выводы относительно неизбежных результатов этих мероприятий носят совершенно безотрадный характер: "Не надо удивляться, если рабочий, даже зарабатывающий такое количество денег, которое прежде можно было бы назвать суммой, умирает сегодня с голоду..." Что касается отмены максимума, то "прекрасные результаты" его уже на-лицо, а "обращение сената к французскому народу" (подразумевается адрес Конвента по поводу отмены максимума) уже успело смягчить души всех лавочников и торговцев. День за днем прослеживает Бабеф деятельность Конвента. "8 нивога говорят о негодях, распространяющих слухи о близком голоде. Но ведь голод уже наступил ... Снова всплывает вопрос о максимуме. Он необходим? Вы признали, что не можете обойтись без него, вы восстановили максимальные цены на дерево. Но, если нельзя обойтись без таксации дров и хлеба, то нельзя делать исключения для других предметов первой необходимости. Разве мне нужно только хлеба и дров?.. Разве законодатель не обязан знать, что творится вокруг него? В десяти лье от Парижа тоже едят или, вернее, ели хлеб. Теперь там не найти ничего, кроме картофеля и разных корней. Сетье хлеба... продается за 140—150 франков... Дайте народу сделать сравнение между нынешним его положением и самыми худшими временами монархии — и вы несомненно дадите этим орудие в руки тех, кто мечтает о возвращении короля"¹¹².

¹¹⁰ Тарле. Ук. соч. Ч. II, стр. 464.

¹¹¹ "Tribun du Peuple", № 29, стр. 269.

¹¹² "Tribun du Peuple", № 29, стр. 272—273.

"11 числа издают прокламацию об отмене максимума. Гарантируют наилучшие результаты... для одного миллиона, без сомнения. Народу говорят то, что ему всегда говорили короли: «Бедный народ, будь терпелив» ...Ему обещают, что совершится чудо, и каста торговцев, прославившаяся своей ненасытной алчностью, возродится и включит в свой состав самых честных, самых благородных, самых бескорыстных людей"¹¹³.

Шаг за шагом крепнет реакция. Бабефу остается только регистрировать все новые и новые контр-революционные выпады термидорианцев. "Конвент плебеев! — восклицает Бабеф, — что хорошего скажу я о твоих делах?.. Кажется, все элементы контр-революции восстают из хаоса... Здание республики потрясается в его основах"¹¹⁴.

Мы не будем останавливаться на чисто политических высказываниях Бабефа. Их общий тон нам достаточно хорошо известен. Последние номера "Трибуна Народа" поражают скорее всего резкостью юна, неслыханно обостренной полемикой, пересыпанной личными выпадами против вождей термидора, главным образом Тальена и Фрерона. Он грозит "святым гневом" народа, "сопротивлением угнетению". Двойственной остается его позиция в отношении Конвента. В 30 номере, например, он называет его "сенатом Кобленца". "Большинство сената", по крайней мере, составлено из прямых агентов Кобленца, сознательных пособников контр-революции. В 32 номере, может-быть из тактических соображений, под влиянием угроз Тальена, Бабеф смягчает несколько свою концепцию. Он готов признать, "что, несмотря на печальные результаты работ Конвента, исключительно благоприятные врагам народа, большинство представительства остается искренно преданным народу". Необходимо только уметь различить Конвент и зловредную фракцию, гнездящуюся в его недрах. "Национальный Конвент составлен из массы простых, чистых людей, чуждых интригам и заговорам, людей, которые не желают ничего, кроме блага и всеобщего счастья..."¹¹⁵ Все зло — от кучки заправил и верховодов; надо, чтобы Конвент освободился от их влияния, стал самим собой и заставил исчезнуть все фракции. Гораздо важнее то, что в Бабефа окончательно внедряется мысль о том, что происходящие события являются в сущности лишь эпизодом извечной борьбы бедных и богатых, неимущих и имущих. Комитет Общественного Спасения издает распоряжение, в котором рекомендует простонародью заняться выпечкой хлеба из картофеля. "Какое новое оскорбление общественной нищете! Это значит открыто заявить несчастным: у нас есть все, что нам надо, потому что мы являемся сливками человечества; но что касается вас, каналы, вы не созданы для того, чтобы есть сыр: вы обойдетесь и с картофелем... Большое спасибо!.. До сих пор все французы умели есть хлеб из муки: чем же они будут питаться теперь? Впрочем, я и забыл, что это не наше дело: разглагольствовать перед лицом власть имущих. Подчинимся! Будем питаться кореньями, станем анахоретами, потому что так приказывает власть"¹¹⁶. Безвыходность положения заставляет Бабефа идеализировать ненавистные ему времена Робеспьера. В то время, как термидорианцы стараются убедить народ устами немногочисленного меньшинства, что все обстоит благополучно, Робеспьер поступал гораздо разумнее. При нем народ не жаловался, и убеждать в благополучии приходилось только незначительное меньшинство. Во времена Робеспьера народ не волновался, потому что у него не было недостатка в предметах первой необходимости, он располагал в изобилии средствами к труду, и заработок рабочего был для него вполне выгодным. Благодаря этому и было возможно укрепить тиранию... Иначе обстоит дело теперь: "Когда вы делаете невозможным для меня приобретение дров и хлеба, повышая до чудовищного уровня все цены, лишая меня всякой возможности трудиться и, наконец, затыкая мне глотку, чтобы положить конец моим справедливым протестам, — вы, всем этим, ставите меня на порог отчаяния... и мне не надо размышлять много времени, чтобы убедиться, что вы являетесь единственной причиной всех моих бедствий"¹¹⁷.

¹¹³ Там же, стр.274.

¹¹⁴ Там же, стр.281.

¹¹⁵ "Tribun du Peuple", № 32, стр.325.

¹¹⁶ "Tribun du Peuple", № 30, стр.107.

¹¹⁷ Там же, № 31, стр.313.

Этот отрывок очень и очень характерен: он знаменует первый, решительный шаг к переоценке якобинской диктатуры. "Мы знаем, — пишет как раз по поводу цитированного нами места профессор Е.В.Тарле, — что экономической идиллии, которую рисует здесь Бабеф, при Робеспьере не было, — но не в этом дело"¹¹⁸. Важно, что у Бабефа появляется новый критерий для оценки прочности политического строя. Это — материальное благосостояние трудящейся массы. Именно на тяжести и безвыходности экономического положения "24 миллионов" строит он перспективы новой революции. Самый вопрос о необходимости нового восстания не возбуждает в нем никаких сомнений. "Должен ли народ восстать? — спрашивает Бабеф. — Вне всякого сомнения он должен это сделать, если не хочет потерять окончательно свою свободу"¹¹⁹. Правда, Бабеф тут же оговаривается, что он имеет в виду мирное восстание, подачу петиции Конвенту, в которой должны были быть изложены все бедствия народа и указаны средства улучшить положение. Такая петиция, уже в силу единодушной поддержки всей нации, должна была бы стать законом. Но Бабеф ничего не говорит о том, как следует поступить с Конвентом, если он обманет народ и откажется признать петицию. Это молчание красноречиво истолковывает простая ссылка на традиции 31 мая. Можно предположить, что это умалчивание — прочая уловка со стороны Бабефа, потому что выводы, направленные против Конвента, читаются буквально между строк его газеты. В то же время ни пропаганда "мирного восстания" ни принятая в 32 номере "Трибуна" дуалистическая концепция честного Конвента и губящей его кучки реакционеров не могли обмануть власти относительно истинных намерений "Трибуна Народа". Полиция была поставлена на ноги для розысков Бабефа. Начали с того, что задержали газетчиков, продававших экземпляры "Трибуна Народа". При допросе некоей гражданки Анны Фремон, имевшем место 10 плювиоза III года республики, выяснилось, что она получала газету непосредственно от Бабефа. Это человек лет около сорока, одетый то в редингот, то в другое платье, цвет которого она не успела запомнить. У него "задумчивый вид, лицо худое, продолговатое, он среднего роста"¹²⁰. 32-ой номер "Трибуна Народа" вышел в свет 13 плювиоза, а через два дня Комитет Общественной Безопасности постановил арестовать Бабефа за призыв "к восстанию, убийству и роспуску национального представительства"¹²¹. 19 плювиоза (7 февраля 1795 г.) полиция, наконец, разыскала Бабефа. Он был арестован¹²², при нем нашли рукопись 33-го номера "Трибуна Народа". Арестованный потребовал, чтобы его допрос производился каким-либо депутатом. Кроме того, он направил в Комитет Безопасности заявление, озаглавленное: "Трибун Народа... № 34 и последний", в котором пытался оправдаться от обвинения в организации восстания, подчеркивая мирный характер предлагавшейся им петиции. Его заверения были, впрочем, совершенно безрезультатны. Реакция со вздохом облегчения констатировала обезврежение опасного врага. "Арестован некий Бабеф, нарушитель законов и подделыватель документов, подделавший даже свое имя — Гракх, самовольно им присвоенное, — заявил в Конвенте 20-го плювиоза представитель Комитета Безопасности Матье. — Сейчас он бессилён призывать граждан к восстанию, как он не переставал это делать весь последний месяц"¹²³. Матье тут же оклеветал Бабефа, приписав ему попытку подкупить арестованного его жандарма суммой в 30 тысяч ливров. Бабеф в своем заявлении Комитету Общественной Безопасности легко опроверг это обвинение указанием на то, что в момент ареста на его квартире было найдено всего шесть франков денег.

¹¹⁸ Тарле. Ук.соч. Ч.II, стр.508.

¹¹⁹ "Tribun du Peuple", № 31, стр.317.

¹²⁰ Advielle. Ук.соч., стр.121—122.

¹²¹ Deville. Ук.соч., стр.74.

¹²² Advielle ошибается, считая датой ареста Бабефа 24-ое плювиоза; он ошибается также, считая, что это число приходится на 12 февраля. Это пример многочисленных у Advielle неточностей (Adv., стр.122).

¹²³ Deville. Ук.соч., стр.75.

Реакция не только учинила расправу над личностью Бабефа, она стремилась уничтожить экземпляры ненавистной ей газеты. 21-го плювиоза группа золотой молодежи, в театре de la Montagne, жгла номера "Трибуна Народа". Ей аплодировала буржуазная публика, наполнявшая театр¹²⁴. Такое же ауто-да-фе учинили с вышедшей около того же времени прокламацией Бабефа, в которой он "из глубины своего заключения" пытался реабилитировать себя от обвинения в подлоге официальных документов. Бабефу нечего было ждать пощады от своих врагов. Несколько времени спустя он был переведен в тюрьму, в провинциальный город Аррас.

Если мы теперь попытаемся определить сущность политической эволюции Бабефа за зиму 1794—1795 гг., то окажется, что Бабеф начинал с довольно банального анти-якобинства. Он "принял" 9-го Термидора, как начало новой эры — эры восстановления свободы и прав народа. В начале его привлекает чистая политика, отстаивание свободы печати — в первую голову. Затем у него зарождается оппозиция к режиму победившей буржуазии. Он видит систематическое нарушение демократии и начинает заподозривать термидорианцев в пособничестве реакции. Его внимание привлекает тяжелое экономическое положение массы. Он критикует экономическую политику Термидора и отстаивает максимум, этот краеугольный закон якобинской экономики. Под конец он начинает понимать разворачивающиеся события, как борьбу буржуазной республики против республики демократической, имущих классов против неимущих, одного миллиона богачей против 24 миллионов голодающего народа. Бабеф прощупывает классовую пружину термидорианской реакции, он связывает шансы новой революции с материальным положением трудящихся масс. Но во всем этом нет еще никакого коммунизма. Начатки понимания классовой подоплеку революционной борьбы сочетаются с отстаиванием формальной демократии и основ экономической политики якобинцев. Признавая максимум, Бабеф отвергает диктатуру и террор, и это обуславливает его в корне двойственное отношение к якобинскому режиму. От "избирательного клуба" его, наоборот, отделяет отрицательная оценка лозунга свободной торговли. Таким образом, он не примыкает ни к одному из двух течений, образовавших левую оппозицию термидорианскому режиму. Попутчик "избирательного клуба", он вообще насчитывает мало единомышленников, способных разделить с ним все своеобразие его социально-политических воззрений. Изредка отмечает он симпатичные ему выступления в Конвенте, как-то: выступление депутата Ноэля Пуанта, рабочего по своему социальному положению, который, между прочим, "открыто высказал сомнение в благодетельности, с точки зрения настоящего народа, последствий отмены максимума"¹²⁵. Он поддерживает также отношения с Фуше, не подозревая ловушки, которую хочет построить ему коварный депутат города Нанта. Только в тюрьме, куда его бросает правительство термидорианцев, должен он встретить группу единомышленников, людей близких ему по настроениям и убеждениям, людей, готовых сделать его вождем партии и заговора. Но и самому Бабефу еще только предстоит проделать путь от формальной демократии к революционной диктатуре, от максимума к коммунизму, от "Трибуна Народа" к "заговору Равных".

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

¹²⁴ Aulard. Ук.соч. Т.I, стр.468.

¹²⁵ "Tribun du Peuple", № 29, стр.271. О Ноэле Пуанте см. Jaures. La convention, стр.113—115, и Deville. Ук.сочин., стр.69—70.

25 вентоза III года республики тюрьма Бодэ в Аррасе пополнилась двумя новыми заключенными: один из них был журналист Лебуа, другой — редактор "Трибуна Народа" Гракх Бабеф. В своем новом заключении они не могли пожаловаться на одиночество; наоборот, тюрьмы Арраса были переполнены врагами господствующего режима: Тафуру, Кошэ, Фонтанье и Шарль Жермен из Нарбона, бывший гусарский лейтенант, — все они впоследствии стали видными участниками "заговора Равных". Несмотря на строгости режима аррасской тюрьмы, заключенные поддерживали между собой весьма оживленную переписку. Кроме того, к ним сравнительно регулярно поступали сведения из внешнего мира, и они были, таким образом, в курсе важнейших политических событий. В тюрьме пришлось Бабефу узнать о кровавых днях прериала, когда Конвент, с помощью армии и роялистов, подавил движение голодных предместий и казнил последних представителей "Горы", отстаивавших конституцию 1793 года. Казалось, сбывались худшие предсказания "Трибуна Народа". Вскоре после подавления прериальского восстания, Конвент приступил к выработке новой конституции, при чем не было оставлено камня на камне от демократического здания 1793 года. Реакция торжествовала по всей линии, но аррасские узники не отчаивались, не падали духом. В частности Бабеф неустанно был занят выработкой новой программы, новой тактики. Предвосхищая дальнейшее наше изложение, укажем на то, что теперь Бабефу пришлось иными глазами взглянуть на якобинцев, иначе оценить роль якобинской диктатуры в общем ходе революции и прийти к выводу о необходимости коалиции с остатками якобинской партии для общей борьбы с буржуазной реакцией. С другой стороны, Бабеф решительно провозгласил лозунг равенства, фактического равенства, как конечной цели революции, и поставил, сообразно с этим, в порядок дня подготовку коммунистического переворота. Следы сложной эволюции, проделанной Бабефом в дни тюремного заключения, сохранены в переписке, которую он вел с товарищами по заключению, главным образом с жизнерадостным и полным революционного энтузиазма Жерменом. К сожалению, до нас дошли далеко не все письма, которыми обменивались друзья и товарищи по заключению, в особенности мало писем сохранилось от Бабефа. Тем не менее можно, хотя бы в самых общих чертах, восстановить основные этапы пути, проделанного Бабефом. Особенно важным, с этой точки зрения, является письмо от 10 термидора, в котором Бабеф дает исчерпывающую характеристику своих новых воззрений. И вот что интересно отметить: у Бабефа теория идет всегда рука об руку с практикой; более того, теория носит подчас служебный, подчиненный характер, на первом плане стоит революционная практика, осуществление на деле отвлеченной, казалось бы, схемы общественного переустройства. Так и в аррасской тюрьме: выработка нового взгляда на конечные цели революции, новой социальной утопии идет параллельно с подготовкой нового революционного восстания. Бабеф и Жермен переписывались не только на чисто отвлеченные темы; в порядке дня стояла организация распыленных сил революции под новым знаменем, под новыми лозунгами. "Мы расточаем слова и не движемся вперед. Кому нужна, при таких условиях, наша непоколебимая стойкость?"¹²⁶ — писал Бабеф Жермену, а тот отвечал ему: "Полагаешь ли ты, что пришел час действовать?". "Твой план, — читаем мы в другом письме Жермена, — это законы Гракхов"... Письмо Бабефа от 10 термидора начинается с указания на возможность близкого освобождения. Правительство, обеспокоенное успехами роялистов, нуждается, по его мнению, в поддержке стойких и мужественных патриотов, и это обстоятельство надо использовать для того, чтобы всецело отдаться «нашему великому делу». Далее следует развитие новых мыслей касательно торговли и распределения материальных благ. Я вижу, — пишет Бабеф, — без рубах, без сапог, без платья почти всех тех, кто растит лен и пеньку, почти всех тех, кто фабрикует эти материи, шерсть или шелк, почти всех тех, кто ткёт, кто изготавливает полотно и ткани, выделывает кожу и шьёт обувь.

¹²⁶ Advielle. Ук.соч. Т.1, стр.145—146.

Я вижу также, что рабочие, занятые в производстве мебели, ремесленных инструментов или домашней утвари и на постройках, нуждаются почти во всем. Присматриваясь затем к ничтожному меньшинству, не нуждающемуся ни в чем, я замечаю, что, за исключением землевладельцев, оно состоит из всех тех, кто не довольствуется вычислениями, комбинациями, выворачиванием наизнанку, разогреванием и подшиванием — каждый раз все в новой форме — старого-престарого заговора части против целого; с помощью этого заговора становится возможным привести в движение массу рабочих рук — так, чтобы сами работники не воспользовались созданным ими продуктом, предназначенным скопиться в огромном количестве под руками преступных спекулянтов, которые, стаскиваясь в целях непрерывного понижения заработной платы, сговариваются или между собою, или с посредниками, распределяющими сосредоточенные ими запасы, т.-е. с купцами, их соучастниками в воровстве, для того, чтобы установить определенные цены на все товары, цены, доступные богачам их круга, всем тем, кто в состоянии всякими правдами и неправдами накоплять деньги и захватывать в свои руки все богатства. С этого момента эти бесчисленные рабочие руки, создавшие все продукты, не могут ничего добиться и ни к чему прикоснуться, и настоящие производители обречены на лишения; по крайней мере, можно сказать, что ничтожная доля, которую им предоставляют, это просто какие-то объедки или жалкие крохи со стола природы"¹²⁷. Бабеф пытается, в дальнейшем, дать свое определение торговли; по его мнению, это совокупность действий, необходимых для того, чтобы добыть сырье, использовать его в разных направлениях и надлежащим образом распределить. Но купцы, занятые самой подчиненной функцией торговли — распределением, получают несравненно больше, чем непосредственные производители. Это результат злоупотребления с их стороны. "Вот, — замечает по этому поводу Бабеф, — варварский закон, продиктованный капиталами". Этой системе должен быть положен конец. Бабеф не делает, пока-что, никаких конкретных выводов из этого положения, опасаясь, быть-может, непрощенных читателей. Жермен, с другой стороны, одушевленный воззрениями Бабефа, ищет единомышленников и занят пропагандой "аграрного закона" в стенах аррасской тюрьмы. Так 11-го термидора он пишет Бабефу: "Гуйяр (один из политических заключенных. - П.Щ.) обнимает тебя; я посвятил его в мистерии «агарианизма»"¹²⁸. Можно предположить, что среди заключенных были заложены основы конспиративной организации, призванной бороться за осуществление идеалов Бабефа. О том же Гуйяре Жермен пишет 28-го термидора: "Я выполнил твои распоряжения: Гуйяр стал членом ордена Равных, он произнес обеты со всем жаром и благочестием, которые приличествуют нашей миссии разума и справедливости. Он полон веры и энтузиазма. Я надеюсь, что он останется верным принципам Гракхов"¹²⁹. Сам Жермен переживает глубокий революционный подъем и охвачен готовностью ко всяким жертвам. "Я клялся, я верю, я готов" — эти слова он без усталости повторяет в своих письмах. Каким удивительно светлым пятном выделяется эта горсть политических энтузиастов на мрачном фоне Франции 1795 года! Сколько энергии, революционной веры и мужества нужно было иметь для того, чтобы в стране, охваченной реакцией, подавленной экономическим кризисом, среди населения, отупевшего от нужды, настроенного безразлично ко всему, что не касалось насущного хлеба, — начать проповедь новой революции! И где начать проповедь? В тюрьме, среди кучки отщепенцев Термидора, раздавленных и побежденных в борьбе с реакцией, в тюрьме, где заключенные роялисты угрожали самосудом Бабефу и его товарищам! Именно из тюрьмы раскинулись по Франции первые нити заговора, первые нити новой революционной организации. Бабеф, Жермен и их единомышленники, конечно, всячески старались удержать связь с внешним миром. Два письма Бабефа, обращенные к "Адской армии", служат лучшим образчиком той пропаганды, которую пытались вести "бабувисты".

¹²⁷ Advielle. Ук.соч. Т.1, стр.142.

¹²⁸ Advielle. Ук.соч. Т.1, стр.150.

¹²⁹ Там же, стр.152.

Особенно интересно второе письмо, в котором содержится резкая критика новой конституции, только-что провозглашенной Конвентом. По этой конституции "богачи и интеллигенция (*les gens d'esprit*) одни составят всю нацию". По этой конституции "у вас не будет короля, у вас их будет целых пять"¹³⁰. Бабеф предлагает всем патриотам разнести вдребезги отвратительное сооружение тирании. Эту непримиримость в отношении конституции III года он должен был сохранить до конца.

Второе послание Бабефа помечено 18-ым фруктидора III года республики. Срок заключения в Аррасе приходил к концу. 24-го фруктидора (12 сентября 1795 года) Бабеф и Жермен были переведены из Арраса в парижскую тюрьму Плесси. В Париже Бабеф провел в заключении немного больше одного месяца. Роялистское восстание в вандемьере вызвало внезапное полевение у заправил Конвента. Казалось неудобным держать в тюрьме людей, которые, временно хотя бы, могли быть использованы для борьбы с роялистской опасностью. Восстание имело место 12/13 вандемьера, а 26-го (18 октября) Комитет Общественной Безопасности особым постановлением освободил Бабефа.¹³¹ "Трибун Народа" был снова на свободе. 4-го брюмера общая амнистия, объявленная Конвентом, вернула Бабефу его новых друзей и единомышленников. Теперь можно было приниматься за организацию, за подготовку новой революции во имя равенства, во имя общего блага!

"В начале брюмера IV года, — повествует Буонаротти, — Бабеф, Дартэ, Буонаротти, Лоржан де-Дуамель и Фонтенель попытались создать центр руководства делом, чтобы вокруг его объединить расколовшихся патриотов и чтобы, наконец, начать единообразную работу на общую пользу". Собрания эти не привели ни к какому положительному результату. Разногласия в мнениях, неуступчивость и отсутствие доверия друг к другу заставили участников этих собраний разойтись, не добившись никаких результатов. Тем не менее попытки объединения вскоре возобновились. Бабефу и его единомышленникам пришлось тщательно взвесить и обсудить план организации и те лозунги, под которыми можно было развернуть новую агитацию. Приходилось считаться и с явным утомлением народных масс и с опасностью оттолкнуть от себя широкие слои парижского населения внезапной проповедью коммунизма. Кроме того, элементы левой оппозиции новому режиму были слишком разнородны, слишком различны по своим социальным устремлениям. Остатки якобинского клуба, эпигоны мелкобуржуазной демократии, оставались, конечно, совершенно чуждыми коммунизму и замышлявшемуся общественному переустройству. Между тем они пользовались известным влиянием, известным авторитетом, в особенности в провинции, где еще были живы славные традиции 1793 года. Их нужно было привлечь к делу, но для этого казалось необходимым соблюсти известный компромисс. К счастью для Бабефа, он не был больше одинок. Его окружала тесная, но немногочисленная фаланга друзей и единомышленников. Среди них выделялся Буонаротти. Итальянец по национальности, потомок знаменитого Микель Анджело, революционный деятель, вынужденный покинуть свою родину Тоскану, Буонаротти с жаром примкнул к Великой революции, работал на Корсике, в Сардинии, на юге Франции, повсюду проявил себя как человек кипучей, неукротимой энергии и превосходный администратор. После 9 термидора Буонаротти был арестован по обвинению в терроризме, переведен в Париж и заключен в тюрьму Плесси. Из тюрьмы он вышел ревностным сторонником идей Бабефа; среди бабувистов он был, пожалуй, самой яркой фигурой.

¹³⁰ Advielle. Ук.соч. Т.I, стр.168.

¹³¹ Буонаротти. Грахк Бабеф и заговор Равных. ГИЗ, 1923, стр.41, 42. Это русский перевод сокращенного издания 1869 г., вышедшего в серии "*Les grands proces politiques*" под редакцией и с примечаниями А.Ранс'а. В дальнейшем мы ссылаемся, кроме того, и на полный немецкий перевод, сделанный популярным историком революции В.Блосом. К сожалению, и в немецком переводе значительно урезаны приложения.

Дата освобождения Бабефа установлена у Девиля. Ук.соч., стр.2. Advielle и Fleury ошибаются, считая, что Бабефу свободу вернула общая амнистия 4 брюмера (Advielle, стр.171; Fleury, стр.30).

Кроме него следует особо выделить Дартэ. Дартэ, юрист по образованию, провел большую часть революции в провинции, занимал ответственные посты общественного прокурора при революционных трибуналах Арраса и Камбрэ и пал одной из первых жертв термидорианской реакции, которая сняла его со всех постов и бросила в тюрьму. Это был человек очень гибкий, постоянно деятельный, не лишенный качеств дипломата, умелый примиритель в спорах и трезвый советчик для людей, слишком способных поддаваться первоначальному порыву. На-ряду с этими практиками движения следует упомянуть Сильвена Марешаля. Этот человек, в прошлом мелкий поэт и журналист, внес несомненно свою лепту в дело разработки теоретических основ бабувизма. Упрямый атеист, он еще в начале революции был одним из немногочисленных сторонников аграрного закона. Он проповедывал передачу в общественную собственность всего того, что было роздано с таким "чудовищным неравенством", и упразднения государства. Он сравнительно давно знал Бабефа и не мало помогал ему в 1793 году. Мы еще встретимся с ним, как с автором знаменитого "манифеста Равных". Кроме Буонаротти, Дартэ, Марешаля и уже знакомого нам Жермена, следует упомянуть Бертрана, богатого фабриканта, примкнувшего в начале революции к якобинцам и бывшего одно время мэром города Лиона. Во время контр-революционного восстания в Лионе, он едва не стал жертвой белого террора, а после 9 термидора был немедленно арестован и отправлен в Париж. Мы перечислили, конечно, далеко не всех бабувистов. Необходимо запомнить имена Лепеллетье, Дебона, Фонтенеля, Дюплэ — квартирохозяина Робеспьера, Друэ — сына почтмейстера, арестовавшего Людовика XVI во время его бегства в Варенн, и многих других. Мы повстречаемся еще с ними в ходе нашего повествования. Все это были люди недюжинного калибра, готовые к жертвам, преданные делу революции. На смену прославленным деятелям Учредительного Собрания и Конвента, на смену знаменитым ораторам и публицистам первых лет республики, революция выбросила волну никому неведомых людей, провинциалов, мелких чиновников, мелких журналистов. Но и они призваны были запечатлеть кровью и долгими годами изгнания свое служение делу революции, а огромное преимущество их перед предшественниками заключалось в том, что на закате революционного дня они возвестили новую зарю, провозгласили новые принципы, одним словом — вывели революцию за пределы той грани, которая завершала торжество буржуазного общества, и указали этим самым новое русло, новые пути классовой борьбы.

Итак, первые попытки не увенчались успехом, но это не должно было расхолодить Бабефа и его друзей. Вскоре после этого имело место новое собрание. Среди присутствовавших были: Дартэ, Буонаротти, Жермен, Фонтенель, Бертран и многие другие. "Это свидание, — пишет Буонаротти, — было очень трогательным: в сердца проникла надежда, почти угасшая от стольких несчастий; здесь была дана клятва оставаться в единении и способствовать торжеству равенства". Практическим выводом из разговоров, происходивших во время этого свидания, было решение собраться в саду заброшенного монастыря св.Женевьевы. Монастырь находился недалеко от Пантеона, собрания, происходившие в нем, вскоре приняли регулярный характер. Прошло немного времени, и правительство было осведомлено о новой опасной и подозрительной организации, об "Обществе Пантеона". Число членов Общества постоянно росло, его собрания становились все более и более частыми. Общество вербовало сторонников среди рабочих и, что было опаснее всего, среди солдат. При наличии свыше двух тысяч членов, Общество было ослаблено неоднородностью своего состава. Деятельность его сводилась к чтению вслух и обсуждению газетных статей и корреспонденции членов Общества, к сбору пожертвований в пользу патриотов и прениям по вопросам общей политики и законодательства. Пестрота состава Общества стесняла бабувистов. Они не были уверены в большинстве, не были уверены в настроениях Общества, члены которого всячески стремились избегать всякого обострения отношений с Директорией. Демократы, охочие до правительственных мест, якобинцы, чуждые всяких уравнилельных стремлений, и, наконец, бабувисты — все это были элементы, не так-то легко поддававшиеся ассимиляции.

Кроме того, "Общество Пантеона", уже в силу своей громоздкости, многолюдности и отсутствия всякой конспирации, было явно непригодно служить роль новой революционной организации. Оно скорее выполняло роль шумного, плохо дисциплинированного и переменчивого в своих настроениях парламента. Для бабувистов, стремившихся развернуть работу по подготовке восстания, приходилось подумывать о создании заговорщицкого центра, который мог бы служить боевым штабом восстания. Одно время они собирались у бывшего члена Конвента Амара. Здесь перебивали Дартэ, Буонаротти, Жермен, Дебон и еще кой-кто из их товарищей. Все они сходились на том, что необходимо свергнуть правительство Директории и конституцию III года. Все они находили в частной собственности первопричину всех бедствий современного общества, а в уничтожении неравенства, порожденного собственностью, важнейшую задачу законодательства. Расхождения начинались при обсуждении способов, которые могли бы помочь скорейшему устранению неравенства. Здесь на сцену выходили прежде всего бывшие якобинцы, вроде Амара, которые рекомендовали просто-напросто повторить робеспьеровский опыт. По их мнению, максимум и реквизиции могли с успехом выполнить задачу конфискации избытков. Нашлись сторонники черного передела, всеобъемлющего прогрессивного обложения, законов против роскоши и тому подобных паллиативных мероприятий. Буонаротти, Дартэ, Дебон и Лепеллетье противопоставили им точку зрения последовательного коммунизма. По их мнению, максимум мог только подорвать экономическую жизнь страны, ибо, отнимая у предпринимателей всякий стимул к производству — прибыль, он не оставлял на их долю ничего, кроме издержек. "Рассуждавшие таким образом видели в общности имуществ и труда, т.-е. в равном распределении прав и обязанностей, подлинный признак совершенства общественного строя и единственный общественный порядок, способный не допустить разрушительную работу честолюбия и скупости, навсегда уничтожить гнет и гарантировать всем гражданам наибольшее счастье, какое только возможно"¹³². Им удалось сравнительно легко переубедить Амара. Обсуждая политическую сторону восстания, они остановились на известной программе-минимум, каковой и оказалась знаменитая конституция 1793 года. Их, конечно, не могли удовлетворить те ее статьи, которые гарантировали сполна право частной собственности, но зато можно было рассчитывать на популярность конституции 1793 года среди самых широких слоев населения. Принятие конституции сделало бы возможной постепенную подготовку народа к установлению равенства. На время между свержением Директории и введением конституции предполагалось учредить временное правительство. Отвергнув созыв остатков Конвента, предложенный Амаром, и единоличную диктатуру, отстаивавшуюся Дебоном, комитет остановился на принципе коллегиальности временной власти, которая должна была быть выдвинута восставшими. Таков был круг вопросов, входивших в ведение комитета. Впрочем, дальше разговоров дело не пошло. Недоверие и личная неприязнь к личности Амара вызвали скорый распад организации. Но мы уже видели, что участники ее вплотную подошли к проблеме захвата власти. Союз с якобинцами, как определенный тактический ход, долженствующий облегчить группировку сил оппозиции, конституция 1793 года, как политический лозунг восстания, и коммунизм, как цель и платформа экономической политики восставших, таковы основные выводы из дискуссий, ведшихся у Амара. Мы не находим, правда, Бабефа среди гостей Амара, но идеи, господствовавшие в беседах заговорщиков, были идеями Бабефа. Надлежит теперь подробнее ознакомиться с той обстановкой, в которой рос и созревал заговор, надлежит проследить те факторы, совокупность которых определила не только идейную окраску, но и организационную структуру заговора. Попутно мы сможем осветить чрезвычайно важный для оценки Бабефа и его дела вопрос о том, в какой мере рабочий класс, пролетариат столицы, был подготовлен к новой революции, и как должен был он реагировать на агитацию заговорщиков.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

¹³² Буонаротти. Ук.соч, стр.52. Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Первые месяцы Директории были продолжением термидорианского периода. Укрепление буржуазной реакции шло параллельно с глубоким обнищанием народных низов. Экономический кризис продолжал свирепствовать в стране, обрекая массы на долгие месяцы полугодного существования. Отсутствие сырья, примитивность техники делали для французской промышленности почти невозможной конкуренцию с иностранными товарами, хлынувшими широким потоком во Францию после отмены максимума, повлекшей за собой установление свободы торговли и торговых сделок. В обход всем существующим запретам развилась контрабанда, подорвавшая в корне положение французской промышленности на внутреннем рынке. "Так, — читаем в труде Е.В.Тарле, — недостаток сырья, примитивность техники, последствия потрясений 1793—1794 гг. не позволяли французским мануфактурам ни оправиться, ни удешевить производство; а явившаяся прямым последствием этого победоносная иностранная конкуренция окончательно подкашивала французскую промышленность, отнимая внутренний рынок, единственный, который у нее еще оставался после потери внешнего рынка в 1792—1793 гг. при начале войны с коалицией"¹³³.

Еще в эпоху термидорианской реакции, в сентябре 1794 г., Р.Линдэ представил Конвенту от имени Комитета Общественного Спасения доклад, в котором экономическое положение страны резюмировалось в таких словах: "Торговля Франции представляет сегодня зрелище обломков и руин: имел место настоящий заговор против торговли, и Робеспьер стремился уничтожить ее вконец. Дух разрушения пронесся над Францией и поразил в одно и то же время земледелие и торговлю; он разрушил шелковые мануфактуры и положил конец культуре тутового дерева, составлявшей главную опору южных департаментов, он экспортировал за границу наши масла, чтобы подорвать отечественное мыловарение"¹³⁴. Термидорианцы пытались найти выход из создавшегося положения в отмене максимума. Последствия этого мероприятия нам уже известны. Франция стала страной ажиотажа и бешеной спекуляции. "Сегодня, — читаем мы в одной современной газете, — все стали торговцами. Новые богачи окончательно обнаглели, бедняк хudeет, рабочий ропщет, фермер пухнет от ассигнаций и тем не менее презирает их, деревня разоряет город и обрекает его на голод"². Фон картины образует непрекращающееся падение ассигнат. За 100 ливров в металле дают на 1 июня 1795г. 1667 ливров ассигнат, на 1 сентября — 4000 ливров и на 1 декабря — 16000 ливров. Общее вздорожание на предметы первой необходимости таково, что по сводке одной парижской газеты¹³⁵, большинство товаров, за период с 1790 г. по сентябрь 1795 г., повысились в цене в 25—30 раз, в то время как основной предмет питания беднейшего населения — хлеб — повысился в цене в 112,5 раз. В ноябре месяце в Париже пара чулок стоила 1 500 ливров, сапоги — 3000 ливров, шляпа — 2700 ливров, обед в ресторане — 500 ливров¹³⁶. Продовольственный кризис стал постоянным источником недовольства самых широких слоев населения. От него страдали не только рабочие и ремесленники, но и весь мелкий люд столицы. Постоянный недостаток хлеба, картофеля, овощей, мяса составлял основной тон всей парижской жизни 1795—1796 гг. По сравнению с предыдущей зимой, настроение было гораздо подавленнее, гораздо мрачнее. Тогда еще можно было надеяться на Конвент, еще связывались определенные надежды с отменой максимума и реквизицией. Теперь рабочий класс мог убедиться в бесплодности своих ожиданий, и ненависть, накопленная им против торгашей и спекулянтов, не могла не распространиться и на правительственные верхи, на Конвент и вскоре затем и на Директорию. Но ненависть эта не была действенным чувством, способным увлечь за собой массы Дороговизна и голод принизили массу, притупили у нее волю и готовность к борьбе. Еще летом 1795 года полицейские рапорты констатируют бесконечное уныние, охватившее массы парижан.

¹³³ Тарле. Ук.соч. Т.II, стр.442.

¹³⁴ Buchez et Roux. Ук.соч. Т.XXXVI, стр.95.

¹³⁵ L.Blanc. Histoire de la revolution francaise. Т.II, стр.606. Aulard. Paris pendant la reaction therm. Т.II, стр.271.

¹³⁶ Там же, стр.401.

Со всех сторон несутся жалобы, "свидетельствующие о глубокой скорби, вызванной в действительности острым недостатком во всем необходимом, испытываемым многочисленными гражданами, принадлежащими к рабочему классу..."¹³⁷ Безграничный рост дороговизны порождает мрачную философию, выраженную в словах: "Для того, чтобы жить, надо быть вором или спекулянтом". "Агенты полиции заметили, что публика продолжает роптать по поводу хлеба, выставленного на показ и продающегося по 16 франков за ливр. Отсюда делается тот вывод, что только богачи могут жить сколько-нибудь сносно"¹³⁸. Вокруг лавок, торгующих съестными припасами, собираются толпы, кое-где слышны угрожающие восклицания Полиция опасается разгрома лавок (донесение от 11 мессидора III года). Масса настроена не только против спекулянтов, непосредственных виновников ажиотажа, но также и против крестьян, жадность которых доводит до голода неимущих горожан. В многочисленных хвостах высказывают надежду на то, что рабочие сумеют достать себе хлеб, прибегнув еще раз к тем средствам, которые уже доказали свою действительность в начале революции¹³⁹. Полицейский агент подслушивает в толпе беседу двух рабочих: "Я не ел уже целый день, — говорит один из них: — я не могу вернуться к себе, потому что не знаю, чем накормить мою жену и детей, а они умирают с голоду"¹⁴⁰. В июле, по выражению полицейского донесения, "рабочие не перестают роптать и сетовать на Конвент, в связи с продовольственным вопросом, составляющим предмет постоянного обсуждения... предлагают устроить взбучку хлеботорговцам, говорят, что с них надо начинать... рабочий класс собирается взять на себя инициативу подобного предприятия"¹⁴¹. Однако разговоры остаются разговорами, притом брожение даже не принимает сколько бы то ни было осязательную, политическую окраску Правые группировки всячески стараются использовать голод для своих целей. Они ведут агитацию исподтишка под лозунгом: "короля или хлеба", и полицейские регистрируют некоторый успех монархической инспирации¹⁴². Угрозы, раздающиеся в рабочей среде, носят чрезвычайно общий, чрезвычайно неопределенный характер. Во всяком случае такое впечатление можно вынести из материалов полицейских отчетов "Рабочие говорят между собой: в первое число ближайшего месяца мы будем иметь хлеба в изобилии, или пришло время, когда Конвент должен проснуться..."¹⁴³ Но месяц проходил за месяцем, продовольственное положение продолжало ухудшаться, Конвент неуклонно вел политику реставрации и консолидации буржуазной государственности, а угрозы рабочих оставались угрозами, бессильными и мало-по-малу перестававшими пугать даже шпикив термидорианской полиции. К этому ропоту народных низов понемногу привыкли. С ним перестали считаться.

Для стихийного, неоформленного брожения, охватившего рабочую массу Парижа, характерно постоянное возвращение к прошлому, которое берется за критерий всех бедствий сегодняшнего дня. Лишенные руководителей, лишенные программы, лишенные организации, пролетарии Парижа черпают в воспоминаниях о робеспьеровском режиме или даже о временах монархии материал для критики существующего строя. "При короле было лучше", — говорят одни. "Мы были счастливее в дни владычества Робеспьера, мы не испытывали тогда давления нужды", — говорят другие¹⁴⁴. Заботы о пропитании до такой степени наполняют рабочих, что все политические тревожения воспринимаются ими в аспекте их возможного влияния на положение продовольственного дела столицы. После вандемьеровского восстания "рабочие и добрые граждане вообще изрыгают проклятия на голову интриганов и на алчность торговцев в первую очередь Народ, ожидает, что теперь будет положен конец ажиотажу, единственной причине всех общественных бедствий"¹⁴⁵.

¹³⁷ Aulard. Paris pendant la reaction therm. T.II, стр.6.

¹³⁸ Там же, стр.39.

¹³⁹ Там же, стр.39.

¹⁴⁰ Там же, стр.76.

¹⁴¹ Там же, стр.107.

¹⁴² Aulard. Paris pendant la reaction therm. T.II, стр.120.

¹⁴³ Там же, стр.164.

¹⁴⁴ Там же, стр.180.

¹⁴⁵ Там же, стр.306.

Но каким образом должно быть проведено уничтожение ажиотажа? На этот счет не существует ни определенной программы, ни определенных предложений, ни даже определенного настроения. В одном из последних заседаний Конвента внезапно всплывает проект восстановления максимума, и полицейское донесение гласит: "Проект нового максимума как будто принят повсюду, но боятся, что в случае проведения подобного закона товары снова исчезнут, как это было во времена первого максимума"¹⁴⁶. Другое донесение высказывается еще более определенно: "Мудрые приветствуют проект максимума, но его осуждает невежественная масса"¹⁴⁷.

Так или иначе, новое правительство, Директория, вступает в отправление своих обязанностей в момент полнейшего разброда народных масс. С установлением Директории на первых порах даже связываются кой-какие надежды. "Бедный ропщет и боится надвигающейся зимы; что его возмущает, так это низкая алчность и наглость крестьян и торговцев овощами и мукой; все его надежды связываются с новым конституционным режимом"¹⁴⁸. В другом донесении читаем: "Народ сейчас подтверждает истинность пословицы, гласящей: «голодное брюхо не имеет ушей». Отдаваясь своим прихотям, он хочет максимума, домашних обысков, уравнивания в цене ассигнат со звонкой монетой, уничтожения самих досок, с которых печатают ассигнаты. Он подобен больному, охваченному лихорадкой, не считающемуся с усилиями врача вывести его из этого положения". Впрочем, автор этого донесения, не поскупившийся на краски при изображении "прихотей" народа, резюмирует свои наблюдения в более чем спокойных тонах. "Приходят, после зрелого обсуждения всех этих вопросов, к необходимости положиться на мудрость Законодательного Корпуса и суровость исполнительной власти"¹⁴⁹. Особенно много разговоров вызывают налоговые мероприятия Конвента. "Рабочий с чувством удовлетворения констатирует обложение крупного торговца; но, если кто-нибудь указывает ему, что это повлечет за собой сокращение фабрикантом числа занятых у него рабочих, он сразу высказывается против налога"¹⁵⁰.

В конце концов опять-таки все надежды и опасения связываются с усыновлением нового правительства; не самый факт политической перемены, а связанная с ним возможность облегчения продовольственной нужды столицы — вот что интересует обывателя и рабочего. И, когда вспыхнувшая было надежда сходит на-нет, она уступает место отчаянию. "Нет больше доверия, нет больше надежды, — констатирует рапорт от 8 брюмера (30 октября): — отчаяние, вот единственное сохранившееся чувство".

Современники и наблюдатели событий только подтверждает материалы полицейских рапортов. Необходимо соблюдать известные предосторожности, когда имеешь дело с такими специфическими документами, как собранные Оларом донесения парижской полиции. Правда, Олар считает, что они написаны "сравнительно чистым пером", но чутье полицейского слишком часто уводит нас от типических, основных линий событий к случайностям, курьезам, к анекдотической стороне истории. Обратимся хотя бы к переписке Малле дю-Пана, тонкого и умного наблюдателя, расчетливого и хладнокровного политика, убежденного контр-революционера и монархиста. Время после падения Робеспьера было эпохой расцвета всевозможных надежд и иллюзий в монархическом лагере. В частности проекты монархической реставрации определенным образом связывались с экономическим кризисом, охватившим Францию. Лозунг "короля или хлеба" стал излюбленным мотивом монархической агитации. Малле дю-Пан ранее других учел, однако, несостоятельность всех попыток связать дело монархии с пробуждением активности парижской массы. Пассивность народа, его подчинение существующему порядку вещей — вот что бросается в глаза и Малле дю-Пану из его эмигрантского далека. "Голодовка все продолжается, с ней свыклись и больше не ропщут.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

¹⁴⁶ Aulard. Paris pendant la reaction therm. T.II, стр.337.

¹⁴⁷ Там же, стр.338.

¹⁴⁸ Там же, стр.341.

¹⁴⁹ Там же, стр.342.

¹⁵⁰ Там же, стр.344.

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Учебно-методический комплекс «Liberta и Век Просвещения», 2009

Золотой луидор стоил 13-го (июня) в Париже пятьсот шестьдесят франков, ожидают, что на будущей неделе он будет стоить тысячу. Деревня выигрывает от этого бедствия, продает съестные припасы по чрезвычайно высоким ценам и достаточно довольна таким положением вещей. Города предаются отчаянию, но это отчаяние не порождает каких-либо проектов: общественная доверчивость ищет лекарства в новой конституции и в общем мире"¹⁵¹.

Еще определеннее Малле дю Пан высказывается в письме к претенденту герцогу де-Прованс, будущему Людовику XVIII. "Крестьяне... придавленные при Робеспьере, сегодня вздохнули свободно, они обогащаются за счет несчастий городов. Они получают сказочные барыши; мешок хлеба окупает фермеру стоимость участка земли. Зажиточные крестьяне стали расчетливыми спекулянтами, приобретают движимость, оспаривают друг у друга продаваемые эмигрантские земли, не платят никаких налогов, поздравляют себя ежедневно с упразднением церковной десятины и феодальных прав и будут, если не возобновятся притеснения, принимать республику без какого-либо особого ропота..."; что касается городов, то "народ, приученный в течение пяти месяцев жить с двух или четырех унций хлеба в день, платить шестьдесят франков за пару башмаков и добывать пропитание в ожесточенной борьбе с нищетой, останется спокойным под властью узурпаторов..."¹⁵² Несколько месяцев спустя мы встретим у Малле дю-Пана иные нюансы при изображении настроения народных масс Парижа, но сейчас и у него безразличие, пассивность, лояльность в отношении существующего режима составляют основной фон картины. Это те самые настроения, которые Левассер, якобинец и член Конвента, передает лапидарной фразой: "Народ стал ничем"¹⁵³. Это те настроения, которые являются безусловно доминирующими в народной толще за последние месяцы Конвента и термидорианской реакции.

Изменились ли эти настроения после воцарения Директории? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего иметь в виду, что экономическое положение массы в первые месяцы Директории продолжало непрерывно ухудшаться. Сказывался прежде всего бешеный темп обесценения ассигнат. "В ноябре пара сапог стоила 250 ливров (ассигнациями); за один металлический ливр давали 140—150 ассигнациями, мера картофеля — 130 ливров; фунт хлеба с осени почти нельзя было достать дешевле, нежели за 6—8 ливров, в середине ноября были дни, когда он доходил до 24 ливров (11 ноября), лучшие сорта по 45—50 ливров, а в конце ноября по 60 ливров"¹⁵⁴. В декабре месяце давали за металлический ливр 185 ливров ассигнатами, а в конце месяца — 260. Четверик худшего картофеля стоил 200 ливров, за фунт хлеба платили 50 — 55 ливров, за фунт мяса — 120 ливров. И это — при среднем заработке рабочего в 100—120 ливров ассигнациями. Немудрено, что ропот, раздававшийся в последние месяцы Конвента, не только не ослабел, но как будто даже усилился. Правда, ропот этот грозил не столько политической революцией, сколько простым погромом лавок и магазинов. "Рабочие Жерменского предместья, возмущенные исключительной дороговизной съестных припасов, решились, кажется, двинуться на торговцев", — читаем мы в донесении от 20 брюмера (11 ноября 1795 г.). Наследующий день "женщины грозятся наказать барышников с ножом в руках, если не последует уменьшение цен"¹⁵⁵.

Брожение выливается на площади Palais-Egalite в беспорядки, довольно невинного, впрочем, свойства. Торговцы взвинчивают цены на хлеб до 45, 50 и даже 60 франков за фунт. Тогда толпа врывается в торговые помещения, обращает в бегство булочников, опрокидывает столы и грабит хлеб. Движение носит, повидимому, чисто стихийный характер, хотя полиция и пытается установить наличие противоправительственной агитации.

¹⁵¹ Mallet du Pan. Memoires et correspondance. T.II, стр.148. См. В.Сергиенко, «Французские конституционные монархисты в эмиграции: группа Мунье, Малуэ, Мале дю Пан» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/monarch_serg2.pdf).

¹⁵² Mallet du Pan. Memoires et correspondance. T.II, стр.156 —156.

¹⁵³ R.Levasseur. Memoires. T.IV.

¹⁵⁴ Тарле. Ук.соч., стр.499.

¹⁵⁵ Aulard. Ук.соч., стр.374.

В донесении высказывается опасение, как бы беспорядки не приняли общий характер и не привели к разгрому всей торговли. Менее опасений внушают политические настроения рабочих. "Рабочий, который вчера и сегодня утром чуть-было не увлекся опасным выступлением, громко кричит о своей ненависти к негодьям, под которыми он подразумевает спекулянтов и фермеров"¹⁵⁶. Впрочем, на следующий день удается установить политическую окраску брожения. В секции Poissonniere раздаются "возмутительные угрозы" по адресу Законодательного Корпуса, единственного виновника всех бед, и предлагают силой открыть все магазины. На площади Maubert картофель продается по 180 ливров за буассо, и женщины кричат: "К чорту республику! В царствование Робеспьера жилось лучше, по крайней мере не приходилось умирать с голоду!". Они грозятся взять палки и ножи, "это будет действительнее всяких петиций!". В секциях Гравильер (Gravilliers) и Тампль (Temple) рабочие, не получив хлеба, говорят, что их провоцируют на новое восстание, на повторение 10 августа. "Мы хотим республики, — говорят они, — но вместе с тем мы хотим хлеба". Тут же полицейский отчет отмечает попытки реакционной агитации, не имевшей, впрочем, никакого успеха среди рабочих¹⁵⁷.

В следующие дни брожение пошло на убыль. Отчеты констатируют "успокоение умов". "Рабочие предместья Оноре (Honore) и соседних кварталов, убежденные в том, что временная недостача хлеба не является результатом непредусмотрительности правительства, приписывают ее интригам фермеров и роялистов и говорят, что предпочтут скорее платить по сту ливров за фунт хлеба, чем восстать"¹⁵⁸. На-ряду с этим, в массе назревает движение в пользу организации повальных, домашних обысков. "Отправляйтесь, — говорит народ, — не только по лавкам и магазинам, ищите в швейцарских, на чердаках больших домов, в будуарах и салонах, даже в кабинетах деловых людей и юристов — везде вы найдете магазин или прилавок, и рядом с этими скопищами всевозможных товаров народ погибает от нужды, не имея даже ассигнаций, обесцениваемых всячески теми, у кого они лежат целыми портфелями"¹⁵⁹. Кроме этих, довольно смутных предположений относительно повальных обысков — никакой программы, никаких лозунгов. Глаза народа устремлены в прошлое. "Повсюду заняты сравнением настоящего положения вещей с режимом Робеспьера, а отсюда переходят к временам монархии и не без удовольствия вспоминают правительство королей. «Лучше король, чем голодная смерть!» — таков постоянный припев всех этих разговоров"¹⁶⁰. "Около porte Martin группа рабочих жаловалась на дороговизну, говорили, что дороговизна развилась потому, что из Конвента выгнали лучших патриотов, и что конституция создана только для богачей"¹⁶¹. Но сами авторы донесений не склонны переоценивать значение всех этих разговоров. "Кое-где слышен ропот против правительства, но, несмотря на все, народ продолжает терпеть"¹⁶². "Ропот этот далек от призывов к мятежу, угрозы насильем не приводят к насильственным действиям. Правда, надежды, возникшие было в связи с приходом к власти Директории, не оправдались, но и это последнее разочарование неспособно само по себе вдохнуть в массу недостающую ей энергию. Скудость политических идеалов сочетается с потрясающей пассивностью, с потрясающей апатией массы". "В гражданских комитетах секций Montreuil и Quinze-Vingts^{xxii} опасаются, как бы голод не вызвал каких-либо эксцессов... В некоторых группах требуют восстановления режима Робеспьера, так как тогда было что есть; другие требуют старого порядка, и все, наконец, такого *режима, при котором едят*" (курсив подлинника)¹⁶³.

¹⁵⁶ Там же, стр. 379.

¹⁵⁷ Aulard. Ук.соч., стр.381.

¹⁵⁸ Там же, стр.390.

¹⁵⁹ Там же, стр.388.

¹⁶⁰ Там же, стр.391.

¹⁶¹ Там же, стр.414.

¹⁶² Aulard. Ук.соч., стр.416.

^{xxii} О парижских секциях, их социальном составе и настроениях см. Я.Захер, «Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm).

¹⁶³ Там же, стр.431.

Такие настроения царят среди рабочих всю зиму. Тон полицейских донесений становится однообразным." Только и слышны, что сожаления о временах Робеспьера, говорят об изобилии, царившем при тирании, и о нищете при теперешнем правительстве"¹⁶⁴. "Народ, участник и свидетель разгрома булочной в предместьи Сен-Дени, громко говорит о том, что пришло время захватывать продукты там, где они лежат, потому что правительство само не занимается продовольственным делом"¹⁶⁵. "Старого правительства не щадят, не более доброжелательно отзываются о новом. Имена Робеспьера и Билло-Варенна повторяются с сочувствием. Положение торговли и финансов в эпоху тирании рисуется в самых радужных красках"¹⁶⁶. В декабре месяце повторяются все те же знакомые нам картины. "Рабочие предместья Марсеаи заявляют, что они восстанут, если их продержат еще двадцать четыре часа без хлеба; даже женщины и дети говорят тем же языком"¹⁶⁷. "Женщины квартала Пантеон требуют возвращения к якобинцам, потому что в их время, — говорят они, — был хлеб"¹⁶⁸.

Январь месяц принес с собой дальнейшее ухудшение положения — закрытие целого ряда промышленных заведений. Усиление безработицы вызывает новые жалобы со стороны рабочих. В секциях Finistere и Jardindes-Plantes, — читаем в донесении от 9 плювиоза (28 января 1796 года), — закрыто большое число мастерских и мануфактур; рабочие, занятые в них» остались без работы. Тем не менее не было замечено каких-либо сборищ или многочисленных собраний"¹⁶⁹. "Безработные жалуются в резких выражениях и беспокоятся за свою судьбу"¹⁷⁰. Донесение от 12 плювиоза отмечает, "что большее число рабочих, в особенности в Сент-Антуанском предместьи, осталось на улице и что безработных в этом районе насчитывается до шести тысяч человек"¹⁷¹. Особенно сурово безработица ударила по сплавщикам леса, краснодеревцам и строительным рабочим. По крайней мере эти категории рабочих особо оговариваются в донесении от 6 плювиоза. Но и безработица только лишней раз подчеркивает растерянность, царящую в рабочих кругах. Так например, рабочие собираются устроить в Антуанском предместьи демонстрацию протеста против "принудительного займа", якобы вынудившего их хозяев ликвидировать свои предприятия"¹⁷². Немудрено, что все попытки организовать стачечное движение терпят полное фиаско. Тем не менее, полиция регистрирует несколько таких попыток. "Вчера, — читаем мы в донесении от 23 фримера (14 декабря), — было установлено наблюдение за рабочими - печатниками, собравшимися в одном трактире. Они сговаривались обратиться к владельцам типографий с требованием повышения заработной платы; их собеседование касалось исключительно этого вопроса, а также дороговизны. Большая часть этих рабочих — отцы семейств, тем не менее они опорожнили несколько корзин вина и расстались в полном спокойствии"¹⁷³. 2-го нивоза (23 декабря) "грузчики порта Bernard, собравшись на улице Сены, говорили, что они не могут больше существовать, несмотря на то, что они получают 300 ливров ежедневно, что от них не берут их ассигнаций, что, если правительство не наведет порядка в течение ближайших дней, они сами возьмутся за дело"¹⁷⁴. 20-го нивоза (10 января) "носильщики мешков (с мукой), занятые в магазине Assomption, потребовали чрезмерную прибавку к их жалованью и были разогнаны и заменены гренадерами; носильщики составили тогда шайку, чтобы напасть на тех, кто их заменил. Они решились

¹⁶⁴ Там же, стр.43.

¹⁶⁵ Там же, стр.439.

¹⁶⁶ Там же, стр. 440.

¹⁶⁷ Там же, стр.450.

¹⁶⁸ Там же, стр.572.

¹⁶⁹ Aulard. Ук.соч., стр.715.

¹⁷⁰ Там же, стр.718.

¹⁷¹ Там же, стр.728.

¹⁷² Там же, стр.721.

¹⁷³ Там же, стр.507.

¹⁷⁴ Там же, стр.567.

также сорвать работу носильщиков Saint-Lazare, потому что те отказались поддержать их требования"¹⁷⁵.

На следующий день "в орудийной мастерской, на улице Лилль, имел место формальный отказ рабочих продолжать работу. Они требовали значительного повышения заработной платы. Эти волнения имели подстрекателей главным образом в лице "военных, откомандированных на работу в мастерскую"¹⁷⁶. Положение рабочих настолько тяжело, настолько безысходно, что это не может не вызывать беспокойства в правящих кругах. "Будущее заставляет трепетать, если только подумаешь, что купец не торгует, рабочий не работает и что, сверх всего, у него отнимают всякие средства к существованию"¹⁷⁷. Опять начинаются толки о Робеспьере. "Еще при Робеспьере нам жилось неважно, но он по крайней мере отправлял на смерть одних богачей, а эти заставляют теперь народ умирать ежедневно"¹⁷⁸. "Граждане предместья Marceau... вспоминают времена Робеспьера, когда республика торжествовала и можно было жить при самых скромных средствах"¹⁸⁰. "Нам нужно нового Робеспьера, чтобы заставить исполнять законы, иначе с республикой все покончено"¹⁸¹. "Громко говорят, что готовится большой удар"¹⁸². Один из агентов подслушал разговор самого неутешительного свойства о решимости жителей Сент-Антуанского предместья, окончательно отчаявшихся в современном положении вещей, собраться всем вместе "Они не хотят больше обращать внимания на войска, потому что предпочитают быть убитыми, чем умереть голодной смертью"¹⁸³. Полиция опять начинала нервничать, с беспокойством озирались вокруг, следить за деятельностью агитаторов, но разговоры оставались разговорами, а "совершенно невыносимое положение", которое не могло дальше продолжаться, тянулось месяц за месяцем Разговоры вполголоса, на улице или в трактире за вином, разгром пары-другой булочных, беспорядки в очередях за хлебом и картофелем — вот все, к чему свелась оппозиция рабочего класса режиму Директории. "Растерянно и беспомощно, — читаем в труде Е.В.Тарле, — металась мысль рабочих от «богатых» и хозяев к правительству, от правительства к «богатым», ища виновников бедствий"¹⁸⁴. Голод подтачивал физические силы рабочего класса, но он не мог вернуть ему энергию и боевой темперамент первых лет революции. Политическая инициатива парижского пролетариата была исчерпана. Оставалась, конечно, на-лицо стихийная классовая ненависть к богачу, спекулянту-перекупщику и крестьянину-кулаку. Да и к самой Директории вряд ли относились особенно ласково, но эта глухая, подспудная ненависть к сильным мира сего клокотала в самых недрах рабочего класса, прорываясь кровавыми возгласами на улицах или внезапным погромом какого-либо особенно удачливого и нахального булочника-спекулянта. Той абсолютной индифферентности, какая характеризует настроение пролетариата в последние годы Директории, зимой 1795—1796 гг. еще не наблюдалось. Были на-лицо и известные революционные традиции, и более или менее яркие воспоминания о "революционных днях", и определенное озлобление и недовольство существующим порядком вещей. "Ни время, ни нищета, — писал Малле дю-Пан в январе 1796 года, — не смогли изменить простонародья, оно попрежнему охвачено ненавистью к тирану и любовью к равенству. Не слушайте тех, кто станет утверждать, что народ выздоровел. При первом ударе набата он повторит 10-ое августа или 2-ое сентября, демагоги попрежнему могут рассчитывать на него всякий раз, как зайдет речь о нападении на собственников"¹⁸⁵.

¹⁷⁵ Aualrd. Ук.соч., стр.648.

¹⁷⁶ Там же, стр.650.

¹⁷⁷ Там же, стр.755.

¹⁷⁸ Там же, стр.764.

¹⁸⁰ Там же, стр.569.

¹⁸¹ Там же, стр.740.

¹⁸² Там же, стр.721.

¹⁸³ Там же, стр.764.

¹⁸⁴ Тарле. Ук.соч., стр.481.

¹⁸⁵ Mallet du Pan, Ук.соч., стр.207.

Беспокойство Малле дю-Пана, как видим, мало отличается от беспокойства агентов республиканской полиции. Несомненно, на-лицо были симптомы грозные не только с точки зрения эмигранта-монархиста, но достаточно тревожные и для глаз сторонников Директории. Несомненно, деятельность Бабефа и его сторонников развертывалась на фоне очень тревожного, очень неустойчивого настроения массы. Страхи были, конечно, преувеличены, рабочий класс не оправдал надежды бабувистов и опасений Директории, но зимой 1795—96 гг. поведение его не переставало казаться загадочным. Потенциально настроения рабочих несли в себе угрозу существующему порядку вещей. В этом не ошибались ни Бабеф ни его противники, и только много времени спустя выяснилось окончательно, что кризис 1795 года разрешился апатией, упадком, деградацией, что болезненная вспышка разрядилась беспорядками у булочных и шушуканием в закоулках рабочих кварталов, что костер, тлевший последними искрами революционного пожара, погас во мгле и в чаду реакции.

ГЛАВА V. "Трибун Народа" в ЭПОХУ ДИРЕКТОРИИ

Посмотрим теперь, как разбирался Бабеф в той необычайно трудной и сложной обстановке, какая сложилась во Франции в первые месяцы Директории. Мы уже предугадали основные тенденции дальнейшей эволюции его социально-политических воззрений. Разрозненность, распыленность сил левой оппозиции властно требовала контакта с якобинцами, блока с остатками якобинской партии. Пересмотр старых воззрений на смысл и значение 9-го Термидора становился не только идеологической необходимостью, но и практической потребностью. Прериальское восстание и его неудача сблизили уцелевших монтаньяров с будущими единомышленниками Бабефа. Последнему оставалось теперь только зафиксировать этот тактический поворот, дать ему надлежащее идеологическое обоснование. Но этим не исчерпывались задачи, вставшие во весь свой рост перед "трибуном народа". Надо было дать новые лозунги революции, новые импульсы революционной борьбы. Разрешение текущих вопросов экономической политики должно было быть увязано с постановкой нового общественного идеала, с дальнейшим истолкованием лозунга "равенства". Именно на этом пути должен был Бабеф придти к окончательной формулировке своей доктрины, к выработке прочного и незыблемого социального мировоззрения.

"Трибун Народа" возобновил свой выход в свет 15 брюмера (6 ноября). В этот день Бабеф опубликовал 34-ый номер своей газеты. В нем он стремится прежде всего дать анализ текущего момента. Начав с заверений о том, что "французский народ никогда не обманется в своем трибуне", Бабеф переходит к оценке политического положения. На первом плане новый взгляд, новый подход к 9-го Термидора. "Мы осмеливаемся утверждать, — пишет он, — что, несмотря на все препятствия, все противодействия, революция до 9-го Термидора шла вперед и что только после этой даты она обратилась вспять"¹⁸⁶. 9-го Термидора имела место "катастрофа". Низвержение Робеспьера рисуется Бабефу деянием введенной в заблуждение, обманутой толпы. Опытный садовник уничтожал в прекрасном саду плевелы, срезал сухие ветки, корчевал ядовитые растения, расчищая путь здоровому росту полезных культур. Но толпа посредственных земледельцев, чуждая его искусству, решила, что его действия угрожают саду, угрожают почве. В этой незамысловатой притче Бабеф выражает свое новое отношение к Робеспьеру и его противникам. Пусть аллегория и бледна красками, большой путь проделан ее автором от "императора Максимилиана" к "опытному садовнику". Теперь он вполне отдает себе отчет в том, что после Термидора имела место "плачевная деградация", настоящая реакция, ознаменовавшаяся, между прочим, "отменой законов против ненасытной жадности и варварского злорадства и организацией ужасного голода"¹⁸⁷. Результаты реакции на-лицо. В самых широких массах слышны, по мнению Бабефа, такие разговоры: "Что дал нам новый режим? Ведь он не выдерживает даже сравнения со старым.

¹⁸⁶ "Tribun du Peuple", № 34, стр.14.

¹⁸⁷ Там же, стр.17.

Деспотизм остается деспотизмом независимо от того, осуществляют ли его семьсот голов, или одна. Мы знаем по опыту, что тирания короля в тысячу раз лучше тирании сенаторов. И правда! Невозможно удержаться от того, чтобы не сказать: *нам жилось лучше при короле*" (курсив Бабефа)¹⁸⁸. Таково, по мнению Бабефа, настроение народных низов. Каким же образом можно одушевить их на новые революционные подвиги? Пускай оптимисты утверждают, что все идет к лучшему. "О, неразумные хвалители! Разве фунт хлеба не стоит шестнадцать франков? фунт мяса двадцать франков? фунт масла пятьдесят? мера картофеля шестьдесят? фунт свечей сорок? пара башмаков двести? кусок сукна на платье тысячу экю? Сажень дров полторы тысячи франков? Где признаки того, что будут преобразованы учреждения, ныне освящающие самый ужасный разбой, самое жестокое ущемление плебейской массы?"¹⁸⁹

Переживаемый момент, по мнению Бабефа, лишь один из эпизодов извечной войны богатых и бедных. "Не будем закрывать глаз на бесспорную истину, — пишет Бабеф. — Что представляет собою политическая революция вообще? И то представляет собою Французская революция в частности? Это открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными". В следующих выражениях развивает Бабеф свою мысль относительно классово-подоплеки развертывающейся борьбы: "Когда несовершенные и нерациональные учреждения какой-нибудь нации привели к тому, что народная масса разорена, унижена и скована невыносимыми цепями, когда большинство доведено до нестерпимого положения, тогда обыкновенно вспыхивает восстание угнетенных против угнетателей. Чувство угнетения (*la gene*), испытываемое в таком положении, становится той причиной, которая вызывает движение, волнение и попытки выйти из неловкого положения. Масса естественно начинает задумываться над вопросом об изначальных правах человека... Люди скоро приходят к тому убеждению, что природа создала каждого человека равным в правах и потребностях со всеми его братьями; что это равенство должно быть непреложным и бесспорным; что интересы отдельной личности при вступлении ее в общежитие не должны испытывать никакого ущерба; что гражданские учреждения не только не должны посягать на всеобщее благосостояние, требующее безусловного сохранения этого равенства, но и гарантировать его ненарушимость. По рассмотрении вопроса о том, что должно быть, приступают к рассмотрению того, что есть. И тогда обнаруживается, что подавляющее большинство членов общества лишено своих прав и испытывает недостаток в самом необходимом. Не приходится затратить много времени для того, чтобы заметить, что недостаток в необходимом, на который обречена самая здоровая, самая трудолюбивая и самая многочисленная часть, народа, обусловлен отнюдь не природой. Последняя никогда не выказывает неблагодарности, она никогда не отказывается обильно снабжать всех своих детей продуктами, необходимыми для существования. Не ее вина, если они не умеют, как следует, распределять между собою ее дары; не ее вина, если одни из них оказываются настолько преступными и наглыми, чтобы грабить, а другие настолько слабохарактерными, чтобы давать себя стричь. Таким образом ясно обнаруживается, что лишения подавляющего большинства объясняются изобилием и крайним богатством незначительного меньшинства. Это ничтожное меньшинство образует в государстве касту монополистов и узурпаторов. Члены этой касты утверждают, что они достигли ограбления своих братьев на законных основаниях. Но вскоре убеждаются, что это произошло благодаря отвратительным учреждениям, освященным правительствами. Тогда начинается критика правительств. Убеждаются, что они связаны узами сообщничества с патрициями-монополистами. Вскоре, конечно, выясняется, что ограбление массы явилось должным результатом положенных в основу общества законов; именно они дали ничтожной кучке людей возможность наложить свою руку на все. Но в таком случае эти законы составляют просто ужасающий кодекс грабительства; они ничуть не оправдывают сосредоточения коллективного богатства в руках жадных компаний, присвоивших их себе в исключительное пользование".

¹⁸⁸ Там же, стр.7.

¹⁸⁹ Там же, стр.6.

Борьба против "убийственного действия" этих законов и составляет, по мнению Бабефа, смысл и "точное содержание военного манифеста", опубликованного во Франции в 1789 году. "Вот, — продолжает он, — торжественное заявление плебеев патрициям и серьезный пролог к восстанию и революции".

Эта война между плебеями и патрициями или между бедными и богатыми начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена. "Она идет вечно; она начинается вместе с появлением учреждений, стремящихся передать все богатства одним и отнять все у других; и, пока не опубликован манифест о войне, до тех пор патрициат, повидимому, не помышляет о принятии предохранительных мер против плебейского восстания"¹⁹⁰. Для богатых лучший способ упрочить свое положение — это убедить бедняков в том, что бедность, по природе своей, неустранима и неизлечима. Что касается плебеев, то они борются за "всеобщее благо". Всеобщее благо — вот истинная цель революции. "До известного времени Франция широкими и быстрыми шагами приближалась к этой цели; с этого же момента (с 9-го Термидора. - П.Щ.) началось попятное движение, направленное против цели революции, *ко всеобщему несчастью и ко благу ничтожного меньшинства*" (курсив Бабефа)¹⁹¹. И теперь, когда революция находится в упадке, Бабеф думает разбудить массу напоминанием этого основного и единственного лозунга революции "Неужели можно воодушевить народ — во имя идеальной свободы и химерического равенства?" (курсив Бабефа). Тысячу раз нет. В сознании народа надо внедрить ту высокую истину, "что счастье принадлежит одинаково всем людям, что целью их объединения в общество является обеспечение каждому человеку его доли общего блага, что очень легко установить учреждения, способные поддержать этот прекрасный порядок вещей, и что, наконец, существование их возможно только при республиканском правительстве"¹⁹². Установив это, Бабеф переходит к анализу вандемьерского восстания. Для него не подлежит никакому сомнению монархический, контр-революционный характер движения, заставившего зажиточные, крупнобуржуазные секции поднять оружие против Конвента. Но и Конвент должен был в вандемьере пожать плоды своей собственной политики. Вандемьер — это неизбежный результат того разнуздывания контр-революционных страстей, которому предавались вожаки Конвента. И что же? Разве роялисты не стремились к роспуску Конвента, убийству его лидеров, восстановлению монархии? Термидорианцы шли на компромисс с "верноподданными короля", а те хотели предать их политической и физической смерти. Бабеф приводит ряд выдержек из правой прессы для доказательства правильности своих положений. Затем следуют рассуждения о конституции 1795 и 1793 годов. Сопоставление этих двух памятников конвентского законодательства, оспаривание законности конституции 1795 года составляют одно из общих мест в идеологии левой оппозиции, и поэтому мы легко можем обойти соответствующие страницы бабефовского "Трибуна". Нового по сравнению с тем, что уже писалось в аррасской тюрьме, мы здесь ничего не найдем. Зато, переходя к 35 номеру, отметим самое центральное, самое значительное его место — это рассуждение о равенстве, формулу коммунизма.

Найти политический лозунг для новой революции представлялось делом нетрудным и по тактическим соображениям и в силу традиции прериальского восстания: конституция 1793 года была тем знаменем, вокруг которого группировались силы левой оппозиции. Но внутри этой оппозиции необходимо было отмежеваться от якобинцев, готовых замкнуться в рамках чисто политической программы, готовых исчерпать задачу нового восстания — восстановлением конституции 1793 года. Это и выполняется Бабефом в 35-ом номере его газеты. "Пришло время, — пишет он, — поговорить о демократии... Ошибаются те, кто полагает, будто я хлопочу только о том, чтобы заменить одну конституцию другой.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

¹⁹⁰ "Tribun du Peuple", № 34, стр.11—13. Цит. русск.перевод: "Бабеф. Учение Равных", стр.46—48. (При пользовании русск.переводом мы сверяли его с текстом и вносили необходимые поправки).

¹⁹¹ "Tribun du Peuple", № 34, стр.6.

¹⁹² Там же, стр.9.

Мы гораздо больше нуждаемся в учреждениях, чем в конституциях (*plus besoin d'institutions que de constitutions*)... Конституция 1793 года только потому и заслужила приветственный прием всех благонамеренных людей, что она расчищала дорогу для этих учреждений. Если бы с ее помощью нельзя было достигнуть этой цели, то я перестал бы перед нею преклоняться. Всякая конституция, которая оставит нетронутыми старые человекоубийственные и преступные учреждения, перестает возбуждать мой энтузиазм; всякий человек, призванный к делу возрождения своих ближних, который не сумеет освободиться от старой рутины прежнего законодательства и от освященного законами деления на счастливых и несчастных, на мой взгляд, не заслуживает звания законодателя... Постараемся же прежде всего установить хорошие плебейские учреждения, и тогда мы всегда будем твердо уверены, что вслед за тем появится и хорошая конституция. Плебейские учреждения должны обеспечить всеобщее благо (*курсив Бабефа*), одинаковое благосостояние всех членов общества"¹⁹³. Выяснив чисто служебное, подчиненное значение конституции 1793 года, Бабеф переходит к определению настоящей сущности революции. Общественный договор был нарушен, равенство ниспровергнуто, результатом этого было то, что "богатства, принадлежащие всем, сосредоточились в руках незначительного меньшинства... что масса оказалась лишенной всякой возможности к существованию и встретила самое беспощадное к себе отношение со стороны касты монополистов; эти причины обусловили наступление эпохи великих революций... когда становится неизбежным всеобщий переворот в системе собственности, когда восстание бедных против богатых становится необходимостью, которую ничто не может предотвратить"¹⁹⁴. Едва ли не в этих строках находим мы наиболее реалистическое, наиболее зрелое суждение Бабефа о движущих силах революции. Сопоставить его представления о классовом строении общества и о пружинах классовой борьбы с ходячими теориями XVIII века будет делом, которым мы займемся несколько ниже, сейчас же отметим замечательную зрелость, замечательную четкость, которую постепенно приобретают бабефовские формулировки. Выяснив характер революции, Бабеф переходит к историческим параллелям между Французской революцией и социальной борьбой древнего Рима. Не приходится, конечно, переоценивать историческую достоверность и социологическую обоснованность этих параллелей. Сравнительно-исторические изыскания XVIII века зиждились на очень произвольном, очень предвзятом представлении о ходе развития античного мира. Все эти Ликурги, Солоны, Бруты, войдя необходимой принадлежностью в инвентарь идеологии XVIII века, начиная с ложно-классической трагедии и кончая "политической моралью", утратили всякое подобие, всякое сходство со своими античными прообразами. Не в этом дело, важен аспект, в котором воспринимался материал античной истории, а Бабеф именно и искал в ней подтверждения своих взглядов на социальную сущность революционной борьбы. "Рим в 268 году своей эры представлял ту же картину, что и Франция на IV году республики"¹⁹⁵. В деятельности Тиберия Гракха хочет Бабеф найти спасительный и ободряющий пример. Но разделяет ли он попрежнему лозунг аграрного закона? Мы помним, что в первые годы революции аграрный закон был своеобразной программой-минимум, той формой, в которой Бабеф искал реализацию необходимых предпосылок полного коммунизма. Теперь он считает возможным пересмотреть свою прежнюю точку зрения. "Итак, вы отстаиваете аграрный закон (*курсив Бабефа*), — кричат на тысячу голосов порядочные люди. Нет, больше чем это. Мы знаем тот неопровержимый аргумент, который нам противопоставят. Нам справедливо заметят, что царство аграрного закона не может продержаться больше одного дня и что на следующий же день возобновится неравенство. Трибуны Франции, нам предшествовавшие, лучше понимали настоящую природу общественного блага. Они знали, что оно заключено в учреждениях, способных охранить и поддержать фактическое равенство (*курсив Бабефа*). Фактическое равенство, — продолжает Бабеф, — не химера.

¹⁹³ "Tribun du Peuple", № 35, стр.84. Цит. русск.перевод. Стр.58—59.

¹⁹⁴ "Tribun du Peuple", № 35, стр.85.

¹⁹⁵ Там же, стр.88.

Практически оно было осуществлено в опыте великого трибуна Ликурга. Известно, как ему удалось установить эту восхитительную систему, где общественные повинности и выгоды были распределены равным образом, где довольство было не утрачиваемою долею каждого и где никто не мог пользоваться избытком"¹⁹⁶. К этой цели стремились все истинно великие люди и трибуны. К их числу Бабеф затрудняется отнести "еврея Иисуса Христа", ибо он лишь смутно выразил свой идеал в поучении: "люби ближнего, как самого себя". Такая формулировка, по мнению Бабефа, явно недостаточна. Лучше высказался Руссо, и Бабеф цитирует его слова: "Для того, чтобы усовершенствовать общественное состояние, нужно, чтобы каждый пользовался достатком и никто не имел слишком много"¹⁹⁷. Бабеф аттестует эти строчки из Руссо, как "эликсир общественного договора". Затем он переходит к Дидро и находит у него не менее определенное заявление относительно необходимости "уничтожить в корне все зачатки алчности и тщеславия". Бабеф толкует эти слова в смысле признания необходимости поставить правящих в такое положение, когда они не смогут обогащаться и усиливаться за счет своих подчиненных. За Дидро следует Робеспьер, провозглашающий в своей "Декларации прав" общественное благо единственной целью общежития, и Сен-Жюст, обратившийся к "несчастливым" с призывом стать господами правительств. Бабеф всячески стремится доказать, что не он первый начал проповедывать "религию чистого равенства". Он ссылается для этого на своих современников — депутата Армана, Антонелля, вспоминает соответственные пассажи из писаний Тальена и даже цитирует одну из прокламаций Фуше. Вся эта попытка Бабефа установить генеалогию "религии равенства" довольно любопытна. Не менее любопытно отметить, что он ищет своих духовных предков и единомышленников не там, где их следовало бы искать. Оставим в стороне мифического Ликурга, полуфантастический образ, навеянный XVIII веку и Бабефу усиленными чтением плутарховских биографий. Оставим также и Христа; научная история возникновения христианства и критика евангелий, как исторического источника, принадлежат всецело XIX веку. Серьезнее обстоит дело с Руссо. Руссо, насытивший идеологию мелкобуржуазной демократа элементами своего "Общественного договора", ни в коем случае не был сторонником "фактического равенства" в бабефовском истолковании этого понятия. "Несомненно, — писал Руссо, — что право частной собственности является наиболее священным из всех прав гражданина и в некоторых отношениях даже более важным, чем свобода... собственность является действительным основанием гражданского общества"¹⁹⁸. Эгалитарные тенденции Руссо и его школы направлены скорее на справедливое перераспределение собственности, чем на "всеобщий переворот", проповедуемый Бабефом. Что касается Дидро, то не забудем, что Бабеф считал его автором "Кодекса природы", и, поскольку маска великого энциклопедиста скрывала черты истинного автора "Кодекса", можно было зачислить Дидро в разряд адептов "религии равенства". На самом деле Дидро был, по своим социально-политическим воззрениям, еще менее радикален, чем Руссо. Робеспьера Бабеф еще в эпоху Учредительного Собрания считал "тайным аграрианцем". Теперь, пересмотрев свои взгляды на роль и значение якобинской диктатуры, Бабеф склонен переоценить и социальную философию якобинского вождя. Между тем, если у Робеспьера, классического лидера мелкой буржуазии, и были эгалитарные тенденции, то только в духе Руссо и его школы. Соратник Робеспьера, Сен-Жюст, утверждал в своем "Духе революции" ("Esprit de la revolution"), что повторение во Франции опыта Ликурга привело бы "к восстанию или всеобщей лениности"¹⁹⁹.

¹⁹⁶ "Tribun du Peuple", № 35, стр.92. Цит. у Тарле. "Раб. класс". Ч.II, стр.511.

¹⁹⁷ Там же, стр.92—93.

¹⁹⁸ Из статьи "De l'economie politique", помещенной в "Encyclopedic". J.J.Rousseau. Oeuvres completes. T.I, стр.596—597.

¹⁹⁹ Saint-Just. Oeuvres completes. T.I, стр.266.

"Для того, чтобы установить в республике естественное равенство, надо бы было разделить земли и сократить промышленность, — пишет Сен-Жюст. — Естественное равенство уничтожает общество"²⁰⁰. Проделав за годы революции известную эволюцию, Сен-Жюст стал сторонником эгалитаризма в духе Руссо. "Не надо ни бедных ни богатых"²⁰¹ — читаем мы в одном из отрывков, писанных за месяц до переворота 9 Термидора. Но в набросках своей социальной утопии Сен-Жюст, на-ряду с введением трудовой повинности, стремится обеспечить каждому члену общества "использование всех его богатств"²⁰². Как видим, и он не мог перешагнуть грань мелкобуржуазного антикапитализма, и выводы, сделанные в отношении его Бабефом, были слишком поспешны. Обоснованнее его точка зрения на Армана. Арман действительно еще в 1793 г. писал в своих "Размышлениях о первоначальных элементах нового общественного договора французов" ("Quelques idées sur les premiers éléments du nouveau contrat social des Français"): "Люди, желающие быть правдивыми, согласятся со мной в том, что, после приобретения права политического равенства, желания наиболее естественные и наиболее сильные направлены на достижение фактического равенства. Более того, я утверждаю, что, без надежды на это фактическое равенство, равенство юридическое остается одной иллюзией"²⁰³. Но Арман тут же делает одну существенную оговорку: "Я заявляю, как бы суровы ни были мои воззрения на равенство, я не требую ни полного обновления общественного строя ни конвульсивной нивеллировки собственности"²⁰⁴. Из радикальных посылок Арман делает выводы совершенно в духе руссоизма. По его мнению, необходимо охранять уважение к собственности, ставя в то же самое время определенные границы праву собственности! Он предлагает включить в "Декларацию прав" пункт, ограничивающий право собственности. Это ограничение рисуется ему в форме принудительной таксации всех предметов первой необходимости, как-то: хлеба, мяса, дров, Жорес справедливо замечает по этому поводу: "На-лицо бросающееся в глаза несоответствие между послылками Армана и его конечными выводами. Провозгласить необходимость дополнения и осуществления равенства юридического в равенстве фактическом, требовать, чтобы общество употребило все средства для поддержания действительного равенства и в заключение вывести отсюда право нации на таксацию хлеба, мяса и дров — это значит тревожить всеобщие принципы для весьма скромных выводов"²⁰⁵. Таким образом, и в лице Армана Бабеф не имеет настоящего союзника и единомышленника. Арман выводит из лозунга "фактического равенства" требование "максимума", и это одно указывает на то, что мы имеем дело лишь с несколько своеобразным обоснованием мероприятия, ставшего основным законом в эпоху диктатуры мелкой буржуазии. Что касается Фуше, то он несомненно пытался в 1793 году принять краски и обличие "бешеных". К этому периоду и относится его прокламация, цитируемая Бабефом. Так в Невере Фуше объявляет, что, "если в тяжелых обстоятельствах, когда граждане изнывают под бичом нищеты, богатые не захотят употребить свой избыток для облегчения их положения, республика сама завладеет им для использования по назначению"²⁰⁶. В другой прокламации Фуше дает очень яркое определение собственности: "Богатства, сосредоточенные в руках отдельных лиц, являются фондом, которым располагает нация"²⁰⁷. Фуше и на практике не останавливается перед всяческим "ущемлением буржуазии". Чрезвычайные налоги, реквизиции, конфискация металлов — так и сыплются на голову богачей. Эта практика, так же как и теоретическая мотивация декретов, навеяны несомненно духом коммуны, в которой главенствовал тогда Шометт. И здесь Фуше является лишь звеном, сближающим Бабефа не с якобинцами, а с левой оппозицией времен Робеспьера.

²⁰⁰ Там же, стр.272.

²⁰¹ Saint-Just. Oeuvres complètes. T.II, стр.514.

²⁰² Saint-Just. Oeuvres complètes. T.II, стр.528. Ср. Я.М.Захер. Сен-Жюст. Стр.68—74.

²⁰³ Jaures. La convention, II, стр.149.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же, стр.150.

²⁰⁶ L.Madelin Fouche. T.I, стр.94.

²⁰⁷ Там же, стр.102.

Но пусть Бабеф плохо разобрался в вопросе о происхождении "религии равенства", пусть он не дал себе отчета в генезисе своей теории: нам гораздо важнее ознакомиться с положительной стороной, с содержанием его доктрины. Поэтому вернемся к 35 номеру "Трибуна Народа". "Время не терпит. Настала пора для растоптанного и истребляемого народа громко, торжественно и более внушительно, чем когда бы то ни было, объявить свою волю, дабы не только внешние признаки и аксессуары нищеты, но и сама нищета была уничтожена раз и навсегда. Пусть народ опубликует свой манифест"²⁰⁸. Такими словами начинает Бабеф изложение своей программы. Далее он повторяет уже известные нам мысли об ограблении народа и о необходимости восстановить демократию. "Мы хотим, чтобы, благодаря восстановлению демократии, мы, во-первых, получили обратно наши рубища и нашу мебель и чтобы люди, отнявшие их у нас, были лишены возможности впредь повторять свои посягательства. Мы хотим далее, чтобы демократия осуществила требования тех людей, которые, как мы это показали, имели о ней мало-мальски верное представление"²⁰⁹. Восстановление этой истинной демократии Бабеф рисует себе в следующей обстановке: "В то время, как новые Иисусы Навины начнут в один прекрасный день сражение, не нуждаясь в том, чтобы останавливать солнце, другие, подобно еврейскому законодателю, взойдут на настоящую Плебейскую гору (Montagne plebeienne — курсив Бабефа). Здесь под диктовку вечной справедливости они начертуют десять заповедей священной человечности, санкюлотизма и нерушимой справедливости. Под прикрытием наших ста тысяч пик и наших пушек мы провозгласим истинный основной кодекс природы, который никогда не должен был бы нарушаться". "Мы ясно объясним, что значит всеобщее счастье, как цель общежития" (курсив Бабефа)²¹⁰. За сим следует изложение самой программы, оно занимает тридцать восемь отдельных абзацев. В основе программы лежит твердое убеждение Бабефа в недостаточности формального, юридического равенства, в недостаточности политической демократии. Это убеждение, высказанное на заре парламентаризма и буржуазной демократии, звучит для нас, современников заката парламентской государственности, проникновенным предвосхищением некоторых основных черт политической эволюции XIX века. Для самого же Бабефа это одна из основных предпосылок его программы.

Итак, чего же требует Бабеф? В его 38 пунктов входит: объявление земли общим достоянием; запрещение присвоения земли отдельной личностью в размерах, превышающих площадь, необходимую для ее пропитания; отмена права наследования, уравнивание в зарплате работников физического труда с интеллигенцией (*les intelligents*), равенство в воспитании и образовании; отмена частной собственности. Коснемся сначала последнего пункта. Он несомненно является наиболее важным, и читатель не посетует на нас за несколько пространную цитату.

Прежде всего Бабеф устанавливает необходимость "изменить социальные учреждения в таком смысле, чтобы отнять у всякого отдельного лица надежду сделаться когда-либо более богатым, могущественным или образованным, чем какой-нибудь из его равных". Из этого следует, "что, говоря яснее, необходимо определить судьбу каждого из членов общества, сделать ее независимой от стечения благоприятных или неблагоприятных шансов и обстоятельств, обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, но не более, чем достаток, и закрыть всем людям всякие пути к получению личной доли, превышающей среднюю долю естественных произведений и продуктов труда, приходящихся на долю одного человека; что единственным средством к достижению этой цели является установление общей администрации. Необходимо отменить частную собственность (*supprimer la propriete particuliere*), прочно привязать каждого человека, в зависимости от его способности, к ремеслу, которое он знает, обязать всех сдавать продукты, в натуре, в общественные магазины и установить просто - на - просто администрацию, заведующую их распределением, администрацию продовольствия, которая будет вести точный учет всех

²⁰⁸ "Tribun du Peuple", № 35, стр.100. Русск.перевод. Ук.соч. стр.50—58.

²⁰⁹ "Tribun du Peuple", № 35, стр.101.

²¹⁰ Там же, стр.102.

людей и всех предметов и распределять последние на началах самой тщательной равномерности, доставляя их каждому гражданину на дом; что это управление, практичность которого доказана опытом, так как именно эта система применяется к 1200000 человек, входящих в состав наших двенадцати армии (а возможное в малых размерах возможно и в крупных), что это управление является единственным способным обеспечить всеобщее благосостояние, без помех и искажений, — всеобщее счастье, то есть цель общежития; что это государственное устройство поведет к исчезновению межевых столбов, изгородей, стен, дверных запоров, споров, тяжб, краж, убийств и вообще всех преступлений; судов, тюрем, виселиц, наказаний и всего отчаяния, причиняемого этими бедственными учреждениями; зависти, соперничества, ненасытной жадности, чванства, плутовства, лицемерия, одним словом — всех пороков; кроме того (и это, конечно, главное) — грызущего червя, общего, частного и вечного беспокойства каждого из нас относительно того, что ждет нас завтра, через месяц, через год, в дни старости, относительно участи наших детей"²¹¹.

В этих строках Бабефа нам необходимо подчеркнуть два пункта. Во-первых, Бабеф требует упразднения всей частной собственности, идя в этом требовании гораздо дальше своих мнимых и действительных предшественников; во-вторых, догмат коммунистической системы выдвигается им в качестве лозунга революционного переворота. Манифест Бабефа в этом отношении не менее действенен, не менее насыщен призывом и волей к борьбе, чем тот манифест, который должны были полстолетия спустя опубликовать Маркс и Энгельс. Мы уже отмечали характерный для Бабефа уклон в практицизм, именно в силу этого он выступает перед нами, как первый практик коммунизма. Программа полного упразднения частной собственности, поставленная в порядок дня, ставшая очередным политическим лозунгом — вот то действительно новое, то действительно оригинальное, что несет в себе бабувизм. С этим рассуждением о собственности Бабеф сразу достигает полной политической зрелости; дальше этого он, конечно, не пошел, да и не мог пойти в силу отсутствия необходимых, объективных предпосылок, но и тут он шагнул далеко за грани, поставленные ему веком, но и тут он проявил себя прозорливым предвидцем классовых бурь в грядущих поколениях.

Впрочем, не будем спешить с окончательной оценкой дела и мыслей Бабефа. Нам предстоит сейчас вернуться к памяtnому 35-му номеру "Трибуна Народа". Мы еще далеко не исчерпали его содержания. Как характерно и значительно, например, го уравнение в оплате физического и умственного труда, на котором настаивает Бабеф! Насколько можно это установить, Бабеф рисует себе возникновение подобного неравенства следующим образом. Первоначально в обществе царит равенство, позднее оно уступает место социальной дифференциации: класс, захвативший господство, класс имущий устанавливает тогда различия в ценности и почетности отдельных видов человеческого труда, основываясь исключительно на "мнении" (opinion) отдельных людей. Эта насквозь ложная, по мнению Бабефа, оценка облегчает, однако, дело экспроприации пролетариев (des proletaires). Интеллигенция претендует на более высокое вознаграждение своей работы, но это достигается исключительно за счет заработков представителей физического труда Бабеф вообще является самым решительным сторонником принципа "каждому по потребностям", отвергая совершенно различие способностей, как фактор, способный определяющим образом влиять на распределение общественного продукта. Вся эта теоретическая конструкция Бабефа кажется нам теперь очень наивной, почти детской, тем не менее и тут характерно заострение ее на моментах, способных послужить мотивом для повседневной агитации, для формулировки политических лозунгов. Пожалуй, именно в этой концепции Бабефа, лишенной всякого представления о творческом размахе освобожденных производительных сил коммунистического общества, сказываются скорее всего эгалитарные, мелкобуржуазные тенденции бабувизма.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

²¹¹ "Tribun du Peuple", № 35, стр.105—106.

Бабеф сам ни мало не сомневается в истинном характере своего манифеста. Он знает, что к нему будет обращен упрек в разжигании гражданской войны. Этого упрека он не боится. "Бедствия, обрушившиеся на нас, дошли до апогея, их господство не может дольше продолжаться, но они могут быть смыты только в общем, перевороте!!! Пусть же все придет в смешение!.. Пусть все элементы замутятся, смешаются, придут к столкновению!.. Пусть все возвращается в хаос, и пусть из этого хаоса восстанет новый и возрожденный мир"²¹². Такими словами заканчивается 35 номер "Трибуна". На-ряду с манифестом, на-ряду с этим великолепным финалом, невольно блекнет то, что мы можем назвать текущим содержанием газеты. Правда, мы находим здесь открытое письмо к Фуше, тогда уже открыто перекинувшемуся в правительственный лагерь. Это письмо полно горьких упреков и обвинений. По словам самого же Бабефа, 34 номер "Трибуна" произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Фуше, — по крайней мере в этом упрекает его Бабеф, — использовал это первое впечатление для планомерной и систематической агитации против "Трибуна Народа" и его редактора. Кроме этого письма мы находим в номере нечто вроде обзора прессы, но ничего существенного и нового для нас из этих полемических строк Бабефа извлечь нельзя.

36-ой номер открывается обзором, в котором Бабеф стремится подвести итоги своей деятельности. "Чарующие слова — действительное равенство, счастье всех, общее благо — теперь в моде; они поставлены в порядок дня у плебеев... Мы не являемся больше гласом вопиющего в пустыне".²¹³ Далее следует обычная полемика с Директорией; в связи с этой полемикой Бабеф возвращается к теме революции: "Говорили, что революция совершится только для народа; сам народ поклялся, что он доведет ее до конца или погибнет. Она не доведена до конца, ибо ничего не сделано для обеспечения народного счастья, и, наоборот, сделано все для того, чтобы измучить этот народ, чтобы заставить его вечно проливать свой пот и свою кровь, собираемые в золотые сосуды ничтожной кучкой ненавистных богачей. Еще раз: революция — это всеобщее счастье, но этого-то у нас и нет; следовательно, революция не совершена!"²¹⁴ Бабефа несколько удручает замечаемое им уныние, недостаточное, по его мнению, революционное рвение. Как и следовало ожидать, он вспоминает Рим и присоединяет к урокам античной истории пример Польши, борющейся за свою независимость. Номер замыкает живо рассказанная бытовая сценка. 14 фримера к Бабефу является пристав, у него поручение отвести к судье гражданина Роша, заведующего подпиской "Трибуна Народа". Не удостоверившись в личности Бабефа, пристав хватает его и пытается арестовать. Вырвавшись от "альгвазила" и его подручных, Бабеф обращается в бегство. Полиция следует за ним по пятам, с криками: "Долой вора!" Трижды его задерживает уличная толпа и трижды его отпускает, узнав от него, кто он такой. Наконец, рабочие продовольственного магазина Assomption, очевидно носильщики, отбивают его у преследователей, и он, под их защитой, удаляется в безопасное убежище. Такова эта картинка преследования коммуниста на улицах термидорианского Парижа. Характерный штрих на знакомом нам уже полотне.

В 37-ом номере нас, несомненно, должна заинтересовать полемика вокруг вопроса о собственности, полемика, начало которой положил Антонелль. Бабеф охотно соглашается, что он сходится с ним во взглядах на роль 9-го Термидора, на конституцию 1793 года и на конституцию 1795 года. Но, если чисто политическая платформа и объединяет Антонелля, близкого по своим воззрениям к якобинцам, с Бабефом, то тем резче их расхождение по вопросам экономическим и, главное, по самому основному из них, по вопросу о собственности. Антонелль, так же как это делал Арман, из самых радикальных, самых враждебных собственности посылок вывел, в конце концов, невозможность ее полного уничтожения. По его мнению, давность зла делала его неизбежным: можно стремиться к некоторому уравнению состояний, но проповедывать коммунизм уже слишком поздно. Оппортунистический, половинчатый эгалитаризм Антонелля вызвал резкую критику со стороны Бабефа.

²¹² "Tribun du Peuple", № 35, стр. 107.

²¹³ Там же, № 36, стр.111.

²¹⁴ "Tribun du Peuple", № 36, стр.115—110.

"Я отвергаю, — пишет он, — то мнение, что нам выгоднее было бы не так поздно явиться в мир для осуществления своей миссии, заключающейся в том, чтобы рассеять заблуждения людей относительно мнимого права собственности. Кто разубедит меня в том, что современная эпоха как раз наиболее благоприятна, чем эпоха за тысячу лет до нас?.. В настоящее время, когда гангрена распространилась на столько, что не осталось ни одного неохваченного ею места, когда весь народ был доведен до того, что принужден был довольствоваться двумя унциями хлеба в день, а затем платить по 60 франков за фунт; когда масса, подавляющее большинство принуждено было продавать свое последнее рубище, чтобы раздобыть кусок хлеба, и совсем обходиться без него, когда последняя тряпка была продана; когда народ просвещен, способен выслушивать разумные советы и своим положением подготовлен к быстрому восприятию драгоценной истины, гласящей: плоды принадлежат всем, земля же никому... — я не вижу, почему бы этот народ, который, конечно, хочет добиться хорошей жизни, а следовательно хочет всего того, что справедливо и хорошо, не мог бы прийти к торжественному провозглашению своего желания установить такой порядок, при котором только и возможно мирное и действительно счастливое общежитие" (курсив везде Бабефа)¹. Бабеф глубоко верит в ту работу мысли, которая должна, по его мнению, разбудить обездоленных; помочь им осознать истину коммунистического строя. Французская революция уничтожила злоупотребления, древность которых не могла гарантировать им незыблемость. Почему же право собственности должно составить исключение? Бабеф решительно против компромиссного решения вопроса. "Частичные мероприятия, полумеры, направленные к смягчению обстоятельств, никогда не бывают прочными... Закон Лициния в Риме, закон о максимуме во Франции длились не долго и были легко обходимы. Законы Ликурга действовали более продолжительное время, потому что они составляли предмет постоянного, повседневного интереса для всякого гражданина, и все чувствовали себя обязанными способствовать их охранению" (курсив Бабефа)²¹⁵.

38-ой номер открывается открытым письмом на имя Мерлэна де-Тионвиль, ставшего к тому времени министром юстиции Директории. Дело в том, что Директория, напуганная писаниями Бабефа, не нашла ничего лучшего, как возобновить против него старинное дело о подлоге (см. гл.II), в свое время аннулированное уголовным трибуналом департамента Эны. Еще в термидорианский период власти всячески стремились отсрочить окончательную ликвидацию этого процесса. Позорящие честное имя Бабефа нападки периодически всплывали на поверхность, демонстрируя лишний раз готовность врагов "Трибуна Народа" широко использовать против него испытанное орудие клеветы. Когда Бабеф, осенью 1795 года, возобновил издание своей газеты, Директория сначала подослала к нему Фуше, пытаясь завербовать его перо на службу буржуазной реакции. Фуше предлагал ему гарантировать шесть тысяч правительственных подписчиков, как об этом рассказал сам Бабеф в 35 номере своей газеты. Предложение Фуше было категорически отклонено, и тогда Директория, особым постановлением от 20 фримера (11 декабря) 1795 года, предложила ускорить разбор дела Бабефа в кассационном трибунале, с тем чтобы в скорейшем времени поставить дело на суд²¹⁶. В письме к министру юстиции Бабеф обвиняет его в попытке совершить "моральное убийство". "Вы хотите объявить мою личность вне закона", — обращается он к Мерлэну де-Тионвиль и тут же приводит выдержку из обращения санкюлотов Сент-Антуанского предместья к "Трибуну Народа". Санкюлоты обещают поддержать трибуна. "И после этого утверждают, что энергия народа погасла!"²¹⁷ Факты последних дней могут только подчеркнуть всю ошибочность такого воззрения. А эти факты таковы. Защитники прав народа преследуются на улицах агентами новой инквизиции, и их укрывают рыночные носильщики.

²¹⁵ "Tribun du Peuple", № 37, стр.134—135. Русск.перевод, стр.62—64. В русский перевод вкралась грубая ошибка. А именно, вместо 60 франков, указано 60 сантимов.

²¹⁶ "Tribun du Peuple", № 37, стр.137.

²¹⁷ См. подробности у Deville, стр.284—288.

Министр неправосудия (de l'injustice) угрожает и клеветает против тех же самых защитников народа, и целое предместье встает на их защиту и реабилитацию. Судят Лебуа, друга трибуна, и вот зал суда наполняется "террористами" обоих полов, громко выражающими свое сочувствие подсудимому.

В обществе Пантеона 2 нивоа во время обсуждения обращения к народу "подлые лакеи аристократии, скрытые под маской плебеев", предлагают включить в текст адреса "самую бесчестную из всех возможных клятв", клятву защищать до последнего издыхания конституцию 1795 года — и тотчас же взрыв негодования охватывает собравшихся, и они с отвращением отвергают это "бесстыдное предложение". Два дня спустя роялисты распускают слухи о готовящемся нападении на республиканцев. Тотчас же подымается Сент-Антуанское предместье и посылает вечером вооруженную депутацию, чтобы узнать, что происходит в городе "Наконец, пусть прислушаются к разговорам уличной толпы, на пристанях, на рынках, в очередях, во всех народных сборищах, нигде больше не стесняются повторять то самое, о чем мы не у стаем писать, а именно — что нельзя больше скрывать ни от самих себя ни от других, что контр-революция стала действительностью после 9-го Термидора, что лучшие друзья народа были умерщвлены в этот роковой день; что до этого дня народ был счастлив и республика торжествовала; что ее враги извне и изнутри были успешно подавлены; что каждый день приносил новые шаги навстречу общему счастью; что потом все изменилось, и враги отечества были призваны и осыпаны милостями, а все его друзья изгнаны и казнены; что один миллион французов пограл двадцать четыре миллиона своих сограждан что нация не сможет долго переносить такое бесчестие и унижение, что необходимо вспомнить добродетельных людей, павших жертвами страшных дней Термидора, и чествовать их память, когда-то оклеветанную, в силу нелепой слабости, в унисон со всеми негодьями, использовавшими это средство для нашей порабощения и т.д., и т.п."²¹⁹

Как видим из этого отрывка, неясный ропот улицы, запечатленный в полицейских донесениях, доносился и до слуха Бабефа, и очень характерно, что в его резюме мы не находим никаких преувеличений даже по сравнению с данными рапортов На-лицо, несомненно, было брожение, и это брожение Бабеф старался оформить и направить к определенной цели, обращая самые пламенные призывы к угнетенным и обездоленным слоям общества "Солдаты! Рабочие! Вы, все ограбленные и доблестные плебеи, мужайтесь! Вы будете ее иметь, эту демократию, это равенство, это общее благо, по которому вы так давно вздыхаете! Шесть лет ваших героических трудов не пропадут даром. Ни вы ни мы не будем более игрушкой и посмешищем мошенников, которые все еще нас угнетают Все, что есть честного и добродетельного, работает втайне для того, чтобы прекратить это угнетение"²²⁰. Свои надежды Бабеф связывает с деятельностью Общества Пантеона. Пусть только оно освободится от присутствия нескольких изменников, вроде тех, что недавно осмелились предложить Обществу присягнуть конституции 1795 года "Общество Пантеона, — взывает Бабеф, — вспомни о своей славе, вспомни о всем добре, какое ты можешь совершить!" Не забудем, что это был период, охарактеризованный у Буонаротти в таких словах: "В Пантеоне с трудом удавалось сдерживать порывы увеличивавшегося общества против конституционной тирании III года. Горячие споры, вызываемые чтением журналов всех партий, и еще более жаркие споры по поводу предложения добиваться проведения закона, передающего защитникам отечества миллиард из национальных имуществ, и закона, наделяющего бедняков почетным вспомоществованием, пробудили в демократах былую энергию."²²¹ Бабеф именно и стремится закрепить гегемонию своих единомышленников в Обществе, в частности он сочувственно отзывается об упомянутом проекте земельного обеспечения "защитников отечества" и обращает на него внимание "плебеев" Конечно, это не коммунистическое мероприятие, но это довольно верный тактический ход, долженствующий расположить армию в пользу новой революции

²¹⁹ "Tribun du Peuple", № 38, стр.163.

²²⁰ "Tribun du Peuple", № 38, стр.175.

²²¹ Буонаротти. Ук.соч , стр.57.

Чтобы исчерпать содержание 38-го номера, следует еще упомянуть о полемике Бабефа с неким Трувэ, редактором газеты "Moniteur". Трувэ обрушился на Бабефа за его взгляды на природу собственности. Ни Марат, ни Робеспьер, — писал Трувэ, — не смогли установить фактического равенства. "Я это знаю достаточно хорошо, ведь вы убили их на пути к достижению этой цели", возражает ему Бабеф и далее он развивает уже знакомую нам аргументацию в пользу равенства. "Люди рождаются равными в правах Вы, конечно, признаете неоспоримость этого первого пункта - все социальное право (droit social) можно будет сформулировать в следующих немногих словах: люди рождаются и остаются равными в правах. Итак, всякое законодательство должно основываться на этом принципе... Поэтому тысяча и одно средство, предоставленное мне законом и дающее мне возможность не оставаться равным большинству моих братьев, приобретать одному столько же прав, т.-е. предметов потребления, сколько сто тысяч моих ближних; тысяча и одно средство, предоставленное законом миллиону таких бездельников, как я, и дающее им возможность захватывать в свои руки девяносто девять сотых предметов, которые должны были бы принадлежать и которые необходимы двадцати пяти миллионам, — все это составляет преступное нарушение основного закона, покушение на оскорбление человека ... Разве это не те самые начала, опираясь на которые г. Трувэ сам прекрасно выясняет, что бандит, не желающий работать, отнимает у деятельного и предприимчивого труженика орудия производства, необходимые ему для снискания себе пропитания? И если разрушительное действие этих жестоких законов довело уже до экспроприации этих столь важных инструментов у подавляющего большинства еще более важных рабочих; если затем они довели их почти всех до голодной смерти, — разве это не самая плачевная анархия, самый гнусный из всех грабежей, самое низкое из всех убийств?"²²²

39-ый номер "Трибуна" посвящен главным образом событиям 13 вандемьера. Он увидел свет 10 плювиоза (31 января 1796 г.). Бабеф начинает номер с размышлений о настроении массы, большинства. Если большинство идет за правительством, за "порядочными людьми", если это большинство развращено и деградировано, тогда действительно лучше предоставить его собственной участи. Но Бабеф не настолько пессимист, чтобы поверить этому. Отсюда он переходит к истории Вандемьера. Это день незавершенной победы и утраченных возможностей. Республиканцы поддержали Конвент, но плоды победы достались патрициям. Что касается народа, то его симпатии не были на стороне правительства. Правда, он был настроен против монархии, но вожаки восстания остереглись придать ему чисто роялистический характер. Так же неустойчивы были настроения армии. Конвент был спасен усилиями уцелевших жертв термидора. Таков, по Бабефу, смысл и характер вандемьерского "дня".²²³ Опустим сейчас подробности, подчас любопытные, его рассказа и обратимся ко второй части номера. Посвятив несколько страниц противопоставлению патриотов 1789 и 1793 годов, отметив желание последних добиться "настоящего равенства", Бабеф переходит к критике текущего законодательства Директории и, в частности, закона о принудительном займе. "Облагайте, сколько хотите, богачей; держа в руках все предметы потребления, они всегда сумеют вознаградить себя за счет бедных"²²⁴. Закон уже успел породить быстрый рост цен на все продукты первой необходимости, да он и не мог иметь иных результатов при условии сохранения полной и "безграничной свободы для грабежа и хищничества". Не менее резко критикует Бабеф новый закон об обращении ассигнат. Впервые, в связи с этим, Бабеф употребляет название "равных", точнее "равных 1792 года", для обозначения им своих единомышленников; тут же он печатает несколько приветственных адресов, обращенных к нему из провинции. В наивных, несколько высокопарных выражениях его поздравляют с избавлением от преследователей; даже уподобляют сцену погони за Бабефом трагедии Кая Гракха на Авентинском холме.

²²² "Tribun du Peuple", № 38, стр.169—170. Русск.перевод., стр.60—62.

²²³ Ук. соч., стр.60—62.

²²⁴ К бабефовской оценке Вандемьера я вернусь в особом очерке, посвященном вандемьеровскому дню и его месту в развитии термидоровской контр-революции.

В большом примечании дан разбор брошюры бывшего члена Конвента Лорана Лекуантра, посвященный принудительному займу. Лекуантр между прочим высказал предположение, что "законодатели" сознательно стремятся своими последними декретами и системой ассигнат вызвать обезлюдение больших городов, очагов всяких беспорядков. Нет городов — значит нет восстаний, и "порядочные люди" упрочат навсегда свое господство над хижинами.²²⁵ Бабеф считает не исключенной эту перспективу; во всяком случае, почва для нее создана полнейшим ограблением и порабощением девяноста девяти сотых французской нации. Далее следует весьма характерное для Бабефа заключение, которое мы приведем *in extenso*. "Лекарство, предложенное Лекуантром, заключается в восстановлении максимума и в учреждении рода «огненной палаты»²²⁶, в целях удушения всех угнетателей народа. Я слышу, как целая толпа «благоразумных» и патриотов 1789 года кричит, что нам предлагают два кровавых мероприятия. Я же, вместе с патриотами 1792 и 1793 годов, утверждаю, что это не более, чем слабые паллиативы. Лекуантр сознает всю трудность болезни; но он не знает, как ее лечить. Когда кризис дошел до крайности, нельзя останавливаться на полумерах, нужны серьезные лекарства, и мы их пропишем!" В другом примечании находим несколько строк, посвященных Обществу Пантеона. Дело в том, что часть "пантеонистов" приняла участие в официальном праздновании 1-го плювиоза (день казни Людовика XVI) и даже отправилась в Люксембург, место резиденции Директории, для личного поздравления членов правительства. Бабеф и стремится реабилитировать Общество, указывая, что это был поступок отдельных лиц, за которых оно в целом не может нести ответственности. Номер заканчивается полемикой с идеологами "честных людей", против которых Бабеф выдвигает авторитет Мабли.

Сороковой номер "Трибуна Народа" помечен 5-ым вантоза (25 февраля 1796 г.). Он начинается продолжением начатой в предыдущих номерах истории вандемьеровского восстания. За ним следует обычное политическое обозрение. Бабеф критикует различные мероприятия министра внутренних дел — Бенезеша. Затем он возвращается к процессу Лебуа и указывает на изменения, которые претерпела правительственная политика в отношении печати. Разрешают свободный выход роялистской прессы, но зато терпят и газеты демократов. Бабеф спешит воспользоваться этой временной поблажкой для того, чтобы усилить и заострить свои нападки на правительственную систему. Между прочим, он крайне негодует по поводу проекта привлечения к суду виновников сентябрьских убийств 1793 года. Убийства эти кажутся ему оправданными с точки зрения блага и спасения революции. Подобный процесс будет, по его мнению, процессом революции. Начнут с восставших в сентябре и кончат восставшими 5—6 октября и 14 июля. Так-то все изменяется во Франции! Но есть еще утешение, есть еще надежда. "Посреди этих ужасных развалин, посреди этих мрачных руин величественно расцветает дерево равенства!"²²⁷ По всей Франции рассеяны семена нового учения. Следуют выдержки из адресов, полученных Бабефом из провинции. Мозель, Мон-Блан, Па-де-Кале, Ламанш, Вар, Западная армия, Альпийская армия, Рейнская армия, Париж — повсюду растет число адептов равенства, Равных, как их называет Бабеф. Адреса эти в разных тонах, с различными иногда нюансами передают настроения провинциальных единомышленников трибуна. Некий Дешан (Deschamps) в Омере высказывает свое мнение по поводу обездоления защитников отечества. Эти "доблестные воины", вернувшись с полей сражения, несомненно зададут себе вопрос: "Мы охранили чужую собственность, а у нас отняли нашу!.. На какое же существование мы обречены, если у нас отнимут право собственности, наиболее приличествующее республиканцу?"

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

²²⁵ "Tribun du Peuple", № 39, стр.199.

²²⁶ Судебная палата, судившая во Франции, при старом режиме, еретиков, отравителей и т.д.

²²⁷ "Tribun du Peuple", № 39. стр.201.

Вряд ли можно признать это рассуждение выдержанным в духе бабефовской доктрины, и, если ему отводится место на страницах "Трибуна Народа", то это только лишний раз подчеркивает отсутствие у Бабефа сектантского духа, желание сделать новое движение массовым, связать его с предместьями Парижа, с армией, с провинцией. Отметим также два примечания. В одном снова дискутируется вопрос о возможности равенства. Равенство осуществимо, - почти категорически заявляет Бабеф. "И для того, чтобы доказать это, мы извещаем народ о предстоящем нашем исчезновении. Пусть демократы не будут в претензии на нас, если в течение некоторого времени мы не будем подавать никаких признаков жизни. Это произойдет оттого, что мы должны в полной тишине выработать план осуществления этого счастливого режима. Мы сделаем его таким, что он явится пленительным и сверкающим в глазах всех друзей справедливости и истины"²²⁸. Как видим, Бабеф предупреждает своих читателей не о чем другом, как о предстоящем периоде подпольной работы, и достаточно резко подчеркивает, что эта подпольная деятельность не может иметь никакой другой конечной цели, кроме установления равенства.

В другом примечании снова поднимается вопрос о Робеспьере и эгалитарных тенденциях его режима. Бабеф приводит при этом довольно любопытную параллель между Робеспьером и Дантоном. Последний, по мнению Бабефа, хотел республики только для того, чтобы поставить революционеров на место принцев и сеньеров. "Чем мы хуже графа д'Артуа или принца Орлеанского? — говорили между собою приверженцы этого негодяя". Прямо противоположна этому была доктрина "философа из Арраса", и Бабеф цитирует его речь от 17 плювиоза II года республики, в которой Робеспьер упоминал об обязанности отечества обеспечить благосостояние каждого индивидуума. "Урна Робеспьера! — восклицает Бабеф: — дорогие останки! Восстаньте и уничтожьте низких клеветников! Но нет, спите мирно, презрите их; весь французский народ, блага которого вы желали и для которого один ваш гений сделал больше, чем кто-либо — весь французский народ подыметься, чтобы отомстить за вас. А вы, авторы святотатственного памфлета, задержавшего сейчас наше внимание, научитесь чтить память мудреца, друга человеческого рода, великого законодателя! И остерегайтесь от нанесения обид тому, кого будет почитать потомство!"²²⁹ В этих строчках с замечательной красочностью резюмировано то новое отношение к Робеспьеру, которое окончательно установилось у Бабефа с осени 1795 года.

Кончается 40-ой номер заметкой Бабефа по поводу ареста его жены. Заподозрев ее в укрывательстве и желая выпытать у нее место нахождения мужа, власти Директории арестовали ее 16-го плювиоза, подвергли заключению в самых тяжелых условиях и, наконец, после допроса, предъявили обвинение "в заговоре против правительства". "Члены Общества Пантеона" немедленно устроили подписку в пользу "заговорщицы" и ее детей. Бабеф, затравленный полицией, принужденный кочевать по квартирам своих друзей, обрел по крайней мере уверенность в том, что его семья не погибнет с голода и не станет жертвой тюремного режима Директории.

41-ый номер "Трибуна Народа" весь занят прокламацией к армии. Он вышел 10 жерминаля (31 марта 1796 года).

Прокламация открывается иллюстрацией из античной истории. Бабеф разъясняет солдатам роль и значение трибунала в древнем Риме и мотивы, по которым он принял на себя звание трибуна народа. Далее он переходит к характеристике политического момента. Он хочет открыть глаза "защитникам отечества" на ту роль, какую заставляет их играть правительство Директории. "Не для настоящего народа воздвигли вы грозную ограду вокруг наших стен.

²²⁸ "Tribun dn Peuple", № 40, стр.244.

²²⁹ "Tribun du Peuple", № 40, стр.251—252. Пригожин (стр.70) нашел эту цитату у Тарле ("Очерки", стр. 183) и, по своему обыкновению, поместил ее целиком, дав сноску на "Tribun du Peuple", № 34. Дело в том, что у Тарле не указано, из какого номера заимствована цитата, и Пригожий привлек № 34 наугад. Впрочем, он вообще знает этот источник исключительно по брошюре Тома и случайным цитатам у Тарле, Девиля и других. Весь же мнимый "аппарат" есть лишь результат беспардонного обращения с пособиями.

Настоящий народ, народ трудящийся, народ рабочий обижен, приведен к молчанию, презираем, ввержен в голод, разорен народом спекулянтов и мошенников. Эта последняя часть народа находится в состоянии самого преступного восстания против настоящего народа. Но разве вы воздвигли тройной ряд штыков для того, чтобы подавить партию угнетателей и защитить партию угнетенных? Нет, совсем наоборот! Ваше оружие и ваши силы хотят заставить служить окончательному порабощению угнетенных под ярмо угнетателей"²³⁰. Бабеф напоминает солдатам славный пример "гвардейцев Капета" и закликает их не идти против народа, не подымать оружия на своих братьев, отцов, сыновей. В заключение уже знакомый нам мотив. Правительство не согласно даже вознаградить защитников родины за их труды и раны Бабеф указывает солдатам на "Общество Пантеона", которое в одном из обращений к Совету Пятисот заклеивало правительство за его политику в этом вопросе. Бабеф указывает на пантеоновцев и на якобинцев, как на естественных защитников попираемых прав народа. Это, по его выражению, лучшие друзья народа. Но где они? "Где эти якобинцы и люди из Пантеона? Успокойтесь, друзья! Они не умерли. Отряд отступает, но не бежит. Каждый, пока-что, втайне работает как для народа, населяющего города, так и для той его части, которая находится под ружьем. Пантеон не только в Париже!"²³¹ И в доказательство этого Бабеф приводит текст адреса "аррасских патриотов", в котором arrasцы требуют немедленного наделения всех воинов землей из национального фонда (propriete nationale). Мы видим, как в этом обращении к армии Бабеф умело выдвигает тот лозунг, который скорее всего мог непосредственно увлечь и захватить армейскую массу. Дело в том, что Бабеф отлично отдавал себе отчет в том, что ему приходится иметь дело с различными социальными слоями. Сообразно с этим, он и модифицировал свои принципы, учитывая всякий раз основной уклон своей аудитории. Так, имея дело с армией, составленной в подавляющем большинстве из крестьян, Бабеф несколько вуалировал свои коммунистические лозунги и выдвигал на первых порах требование земельного вознаграждения рядовой солдатской массы. Это требование, исполнение которого могло бы только привести к созданию нового слоя мелких земельных собственников, шло несомненно в разрез с основными коммунистическими мотивами агитации Бабефа, но зато оно открывало перспективу союза санкюлота и солдата, оно должно было по крайней мере нейтрализовать главную опору буржуазной реакции — армию. Также из соображений тактического порядка вытекает та пропаганда якобинцев, которой занимается Бабеф на страницах своей газеты. И, наряду с этим, как многозначительны рассеянные между строк намеки на работу тайной лаборатории революции, на тайную, сокровенную деятельность "друзей народа"! Чувствуется, что мы вступили в решительный фазис заговора Равных.

Именно с такого намека и начинается предпоследний, 42-ой номер "Трибуна". "Друзья, — обращается Бабеф к своим единомышленникам, — я не должен был бы беседовать с вами сегодня. Я прерываю работу несравненно большей важности (курсив наш) для того, чтобы, в спешке; сказать вам несколько важных слов... Истина торжествует. Угнетатели трепещут. Народ прозрел наконец, благодаря своим друзьям. Также ясно смотрит на положение вещей армия"²³². Остается только рассеять последние сомнения, последние подозрения; остается окончательно парализовать клеветническую, провокационную деятельность агентов Директории. Более всего опасается Бабеф попыток "примазаться" к новой революции со стороны дельцов термидорианской реакции, вроде Тальена, Барраса, Фрерона. По его мнению, они попытаются даже вызвать какое-либо частичное движение, чтобы возглавить его и вырвать таким образом инициативу из рук настоящих демократов. Бабеф обличает, предостерегает, призывает. Народ должен совершить настоящую революцию для того, чтобы навсегда, посредством действительной демократии, обеспечить счастье народа"²³³.

²³⁰ "Tribun du Peuple". № 41, стр.272.

²³¹ Там же, стр.282.

²³² "Tribun du Peuple", № 42, стр.385.

²³³ "Tribun du Peuple", № 42, стр.294.

Это будет революция "во имя хлеба, свободы и благосостояния". И пусть "мошенники" не ссылаются на то, что за ними пойдет армия. Нет! Армия — на стороне народа. "Никакая инквизиция, ни военная ни гражданская, не может запретить чтение нашим солдатам и нашим рабочим (курсив наш); из этого чтения они черпают демократическую заразу, самую деятельную и самую опьяняющую. Статья кончается ярким призывом к дружной работе для близкой и верной победы.

Имеющийся в нашем распоряжении комплект "Трибуна Народа" обрывается на 42 номере, вышедшем 24 жерминаля (14 апреля 1796 года). Это обстоятельство помешало нам ознакомиться с содержанием 43 номера и последнего, увидевшего свет за две недели до катастрофы, постигшей Бабефа и его единомышленников, а именно 5 флореаля (23 апреля 1796 года). Приходится довольствоваться кратким резюме проф.Е.В.Тарле.²³⁴ "Последний номер газеты, — пишет Тарле, — целиком посвящен филиппикам против законов 27—28 жерминаля, против полного уничтожения последних признаков политической свободы, которое он усматривал в этих законах. Он тут говорит о голоде, который косит (народ) все больше и больше, и все беды приписывает Директории, "ужасному режиму, который только увеличивает население кладбищ"²³⁵. Проф. Тарле приводит далее несколько любопытных выдержек из текста 43 номера. Бабеф стремится обеспечить себе поддержку со стороны мелкой буржуазии, владельцев мелких хозяйств, мелких лавок. Оправдываясь в возведенном на него обвинении, что он проповедует грабеж маленьких лавок, Бабеф утверждает: "Совсем наоборот ... разве мы не подчеркивали всегда нашего намерения поднять и укрепить маленькие лавки, маленькие хозяйства (*les minces boutiques et les petits menages*), вернув им по крайней мере все то, что отнял у них узаконенный разбой"²³⁶. Он стремится успокоить мелкую буржуазию торжественными заверениями следующего рода: "Разве мы не гарантировали в наших декларациях неприкосновенность состояний обычного размера? Разве мы не достаточно подчеркивали, что стремимся уничтожить лишь колоссальные состояния, улучшив положение всех остальных?"²³⁷ Ему рисуется блок неимущего пролетариата столицы с мелкой буржуазией, деградируемой спекуляцией, ажиотажем и хищничеством крупных капиталистов и "позолоченных мошенников". "Разве мы не можем сделать призыв к массе, составленной не только из тех, у кого уже больше ничего не осталось, но и из тех, кто располагает еще состоянием посредственных размеров, из всех, у кого сохранились еще остатки, каждодневно уменьшающиеся под влиянием существующего режима?"²³⁸ Мы присутствуем при повторении маневра, уже проделанного однажды по отношению к армии. Основные коммунистические мотивы агитации отступают на задний план, когда Бабефу приходится иметь дело с мелкособственнической стихией. Было вполне разумно пытаться привлечь на сторону заговора мелких буржуа Парижа, страдавших не менее рабочих от продовольственного кризиса и обесценения ассигнаций. Войдя в контакт с якобинцами, обязавшись из тактических целей работать рука-об-руку с эпигонами якобинства, бабувисты не могли не учесть настроений той среды, в которой якобинцы вербовали своих приверженцев. Трезвый революционный реализм не мог не подсказать Бабефу необходимость урезать и затушевать лозунги коммунизма, которые могли быть истолкованы как призывы к поголовному грабежу и переделу в панически настроенных кругах мелкой буржуазии. Отсюда те формулировки, которые мы находим в 43 номере "Трибуна", отсюда возрастающая осторожность "Трибуна", отсюда нарочитая туманность лозунгов. Это отступление от лапидарного и четкого стиля основных положений 35-го номера — несомненный плод политического блока с якобинцами и необходимости считаться с собственническими настроениями мелкой буржуазии.

²³⁴ Там же, стр.295.

²³⁵ Тарле, "Рабочий класс", ч.II, стр.515.

²³⁶ Там же, стр.515.

²³⁷ Тарле. "Рабочий класс", ч.II, стр.516.

²³⁸ Там же, стр.516.

Этот тактический прием в самом широком смысле этого слова. Он свидетельствует об осознанном и продуманном намерении вовлечь в борьбу с правительством спекулянтов и ростовщиков все обездоленные и угнетенные слои общества: пролетариев-санкюлотов, мелкую буржуазию, армию. В ближайших главах мы увидим, как на практике осуществляли бабувисты революционную тактику "Трибуна Народа".

ГЛАВА VI. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БАБУВИЗМА

Мы внимательно, номер за номером, просмотрели бабефовскую газету. Мы привели в выдержках наиболее существенные места, наиболее ярко, по нашему мнению, характеризующие социально-политические воззрения "Трибуна Народа". Надлежит теперь подробнее разобраться в тех основных социально-философских предпосылках, которые послужили идейным фундаментом бабувизма. Попытаемся точнее очертить круг идей, образовавших "железный фонд" бабувистской идеологии. В трех пунктах можем мы отыскать существо социально-философской концепции бабувизма. А именно:

- 1) в учении о классовом строении общества и о развитии классовой борьбы;
- 2) в учении о собственности;
- 3) в учении о движущих силах и конечной цели французской революции,

Мы при этом сознательно отказываемся от рассмотрения вопросов, связанных с проектировавшимся Равными переворотом. Только ознакомившись с деятельностью подпольной лаборатории революции, можно будет определить истинный характер готовившегося переворота. Наш анализ сосредоточится исключительно на теоретических посылах бабувизма.

Попытаемся, прежде всего, свести к нескольким основным положениям учение Бабефа о классах. Общество, по мнению Бабефа, делится на два класса: богатых и бедных, патрициев и плебеев, имущих и неимущих. Первоначальное состояние общества — равенство. Оно нарушается в момент дифференциации его на правящих и управляемых, на властителей и подчиненных. Вряд ли Бабеф точно разграничивал действия политического и экономического факторов при образовании общественных классов. Его теория подразумевает известную взаимообусловленность, известное взаимодействие власти и богатства, но не идет дальше общих рассуждений о захвате и сосредоточении богатств правящими слоями и, наоборот, о переходе политической власти, в полном объеме, к богачам и монополистам. Так или иначе, но классовая борьба извечна, и Бабеф достаточно ярко подчеркивает непрерывность самого процесса классовой борьбы, его решающее влияние на ход исторических событий.

Посмотрим теперь, в какой степени означенные идеи Бабефа могут претендовать на самостоятельное, оригинальное значение. XVIII веку присущи две системы представлений об общественных классах²³⁹. Физиократы выдвинули и пытались обосновать существование трех классов, а именно: класса непроизводительного (торговцы и промышленники, подразумевая под этими последними и предпринимателей и рабочих), класса производительного (земледельцы) и класса собственников. Однако, "расчлняя общество на классы, физиократы не находили между последними антагонизма"²⁴⁰. Это особенно относится к физиократу Кенэ и его школе. Идея двух классов нашла приверженцев среди представителей самых разнообразных философских школ и течений. В их рядах мы насчитываем священника Жана Мелье, коммуниста первой половины XVIII века, "фернейского старца" Вольтера, Райналя, Дидро, Гельвеция, Мабли, Кондильяка, из плеяды энциклопедистов, и, наконец, критиков физиократизма — Кантильона, Неккера, Тюрго, Ленге. Последние начинают усваивать идею производственных классов и искать основу классового строения общества в различной роли, выпадающей на долю отдельных общественных групп в производственном процессе.

²³⁹ См. H. See. *La vie économique et les classes sociales en France au XVIII siècle*. Paris. 1924, стр.208, passim.

²⁴⁰ С.И.Солнцев. *Общественные классы*, стр.45.

Приходится констатировать, что представления Бабефа покоятся в гораздо большей степени на простом противопоставлении богатых и бедных, чем на более углубленном анализе производственной основы классового деления общества. Можно подыскать сколько угодно мест у авторов XVIII века, содержащих высказывания, родственные и даже аналогичные тому, что мы нашли в произведениях Бабефа. Так, если мы обратимся к Жану Мелье, то окажется, что для него непропорциональное распределение благ является главным злом общественной жизни. "Одни как будто рождены, чтобы тиранически господствовать над другими и получать в жизни всякие удовольствия, а другие — чтобы быть ничтожными, жалкими рабами и стонать всю жизнь под бременем труда и нищеты". Мелье, незаметный сельский священник, черпавший элементы своей теории из наблюдений за повседневным бытом французского крестьянина начала XVIII века, делит общество на знать и народ, отождествляя народ с крестьянством. Народ, по Мелье, это — рабы знатных. Далее, Мелье восстает и против самого принципа частной собственности. "Одно из самых распространенных зол общественной жизни, — говорит Мелье, — состоит в том, что все блага и богатства земли находятся в частном владении. Последствия этого зла весьма пагубны. При частном владении и пользовании богатствами каждый стремится иметь их как можно больше и приобретать их какими угодно средствами, ибо жадность ненасытна и пробуждает в человеке все его порочные склонности... Люди... ведут ожесточенную борьбу за богатство. Самые сильные, хитрые, ловкие, а часто самые злые, недостойные, побеждают в этой борьбе и захватывают в свои руки жизненные блага. Возникает вопиющее неравенство... Одни живут в блаженстве и в изобилии, как будто в раю, другие в страданиях и в нужде — в настоящем аду"²⁴¹. Таково построение Жана Мелье, одного из немногих в XVIII веке представителей тек революционных традиций утопического социализма, самым ярким выразителем которых к концу века оказался Бабеф. Мелье, конечно, остался неизвестным Бабефу, по крайней мере никаких упоминаний о нем в произведениях Бабефа не находится. Но и у распространеннейших и популярных авторов XVIII века мы сплошь и рядом находим ту же антитезу бедности и богатства. Так, по Гельвецию, экономический рост почти всегда обозначает рост социальных противоречий. "Конкуренция понижает заработную плату; из рабочих предпочитают того, кто дешевле продает свой труд, т.-е. ухудшает свое продовольствие. Тогда повсюду возрастает скудость; бедный продает, богатый покупает; число собственников уменьшается..."²⁴² Гельвеций полагает, что, "в результате увеличения населения, нация распадается на несколько классов", и насчитывает классы "богатых, бедных, собственников, купцов и т.д."²⁴³ По его мнению, "почти всеобщее несчастье людей состоит в несовершенстве законов и в неравномерном распределении собственности. В большинстве государств существуют лишь два класса граждан: один — нуждающийся во всем и другой — утопающий в изобилии. Первый может удовлетворять свои потребности исключительно ценой непосильной работы. Эта работа составляет физическое страдание для всех, а для некоторых настоящую пытку. Второй класс живет в избытке"²⁴⁴. Райналь, автор прославленной в XVIII столетии "Философской истории обеих Индий", полагает, что собственность составляет основной фундамент всех обществ — и торговых и земледельческих. "Это зерно всего добра и всего зла, какие только несет с собой общественное состояние. Все нации кажутся разделенными на две непримиримые части.

Павел Павлович ЩЕГОЛЕВ

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

²⁴¹ В.П.Волгин. Очерки по ист.социализма, стр.13, 27—28. См. также К.Гуго. Социализм во Франции в XVII и XVIII столетиях (Перевод с фр. изд. 1911, стр.338—339). Солнцев. Ук.соч., стр.38—41. В нашей библиотеке см. В.Волгин, «революционный коммунист 18 века Жан Мелье и его «Завещание»» (http://narod.ru/disk/10467397000/volgin_meslier.pdf.html).

²⁴² Helvetius. De l'homme. Amsterdam. MDCCLXXII. Т. II, стр.112.

²⁴³ Там же, стр.122. См. подробности в нашей работе о Гельвеций ("Из далекого и близкого прошлого". Сборн.статей, стр.188,189).

²⁴⁴ Helvetius. Oeuvres completes. Londres. MDCCLXXXI. Т. IV, стр.190.

Богатые и бедные, собственники и люди, живущие продажей своей рабочей силы, иначе говоря — господа и рабы, образующие два класса граждан, противостоят друг другу. Напрасно пытались некоторые современные писатели, путем софистических выкладок, установить мир между этими двумя состояниями. Повсюду богачи стремятся получить с бедных как можно больше, с наименьшими для себя затратами; повсюду бедняки стремятся продать свой труд за высокую цену, и этот неравный спор всегда разрешается законом, установленным богатыми"²⁴⁵. По мнению Райналя, народы, признавая священным самый принцип собственности, стремятся поставить ей преграды, впрочем мало действительные. Как на одно из самых верных средств к достижению подобной цели, Райналь указывает на равномерное распределение земли. Богатства вообще оказывают самое пагубное влияние на нравы, в частности они задерживают естественный прирост населения. При всем этом Райналь остается убежденным апологетом частной собственности.

Часто цитируемый Бабефом аббат Мабли, не чуждый идеям утопического коммунизма, также утверждает, что "собственность делит нас на два класса: богатых и бедных; первые всегда предпочтут свое собственное благополучие благополучию государства, а вторые никогда не будут питать любви к правительству и законам, которые допускают, что они остаются несчастными"²⁴⁶. Мабли выступил с самой решительной критикой физиократической теории гармонии интересов, как юна была сформулирована у Мерсье де-ля-Ривьера. Для него эта теория является простым софизмом и плодом неумеренного красноречия. "Кто не видит, — пишет Мабли, — что наши общества разделены на различные классы, наделенные, благодаря жадности и честолюбию крупного землевладения, если и не прямо противоположными, то все же весьма различными интересами? Надо быть очень уверенным в собственном красноречии, чтобы обольщать себя надеждой убедить рабочего, добывающего хлеб в поте лица, что он находится в наилучшем из возможных положений и что захват земли крупными собственниками, утопающими в роскоши и удовольствиях, является общественным благом"²⁴⁷.

Тот же лейтмотив находим и у Кондильяка. "Существует, — читаем мы в трактате «Торговля и правительство», — два класса граждан: собственники, которым принадлежит вся земля и все продукты, и наемные работники, не имеющие ни земли ни средств производства и существующие исключительно на заработную плату, получаемую ими за свой труд. Первый легко может платить налоги, потому что он владеет всем продуктом труда, если и не в денежной, то в эквивалентной ей натуральной форме. Второго этого не может... потому что он не имеет никаких денег, кроме причитающейся ему заработной платы, а этой последней, постоянно понижаемой в результате конкуренции, едва хватает на поддержание существования"²⁴⁸.

Чтобы не множить примеров, укажем еще лишь на Неккера, швейцарского банкира и министра Людовика XVI, и публициста Ленге. Неккер разделяет нацию на собственников и народ; под этим последним он подразумевает "часть нации, рожденную без собственности... и не обладающую никаким имуществом, кроме чисто физической силы, соединенной подчас со знанием какого-либо простого, незатейливого ремесла. Это наиболее многочисленный и наиболее несчастный класс общества, существующий исключительно повседневным трудом"²⁴⁹. Этот класс представляется Неккеру совершенно беззащитным, деньги всегда становятся добычей собственников. "Это львы, живущие бок-о-бок с беззащитными животными"²⁵⁰.

²⁴⁵ Raynal. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. Geneve. MDCCLXXX. T.VI. стр.370, 631, 634.

²⁴⁶ Mably. De la législation, ou principes des lois. Oeuvres. T.IX, стр.90.

²⁴⁷ Mably. Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. MDCCLXIII, стр.37.

²⁴⁸ Condillac. Le commerce et le gouvernement. Ed.Guillaumen. T.XIV, стр.355, 356.

²⁴⁹ Necker. Sur la législation et le commerce des grains. Ed.Guillaumin. T.XV, ч.2, стр.270.

²⁵⁰ Там же, стр.349.

"В этой борьбе интересов собственника и рабочего один ставит на карту свою жизнь и жизнь своей семьи, другой — простое замедление в возрастании окружающей его роскоши"²⁵¹. Это "глухая, ужасная война классов", в которой люди, живущие трудом своих рук, падают под бременем привилегий собственности.

Наконец, Ленге в более резкой форме развивает те же самые, знакомые нам уже идеи. Он противопоставляет господ и рабов, рабочих и предпринимателей. Положение наемных рабочих, по его мнению, даже хуже положения рабов. "Они стонут под грязным рубищем и непричастны к изобилию, порождаемому их трудом. С выходом из рабства они приобрели только возможность ежечасной голодной смерти"²⁵². По Ленге, общество после освобождения крепостных "разделилось на две части: на одной стороне стоят богатые, владельцы денежного капитала, собственники жизненных средств; они захватили себе исключительное право определять высоту заработной платы для тех, кто производит; на другой стороне стоят изолированные работники, которые остаются беззащитными перед эксплуатацией и алчностью богатых собственников"²⁵³.

Если мы обратимся к самой эпохе революции, то окажется, что великая проба сил конца XVIII века не могла не обогатить новым содержанием ходячие теории классовой борьбы. Уже в первый год революции появилось несколько брошюр, в которых намечалось выделение из общей массы третьего сословия рабочего класса, пролетариата, как самостоятельной социальной категории. Мы уже упоминали, по несколько иному поводу, имя Дюфурни де-Вилье, но интересно отметить, что этот публицист, отстаивая права пролетариата на участие в национальном представительстве, оставался на базе старой дуалистической концепции богатства и бедности. "Все зло он приписывает концентрации богатств в немногих руках и несправедливому, но господствующему воззрению, будто главная цель образования общественного союза — защита собственности, тогда как на самом деле эта цель заключается в охране и защите слабых и нуждающихся"²⁵⁴. Во всяком случае, у него несомненно на-лицо идея о противоположности интересов буржуазии и рабочих²⁵⁵.

В дальнейшем, противопоставление бедных и богатых, бедных, совершивших революцию, и богатых, пользующихся ее плодами, приобретает актуальный интерес и остроту, вызванную бурными перипетиями первых лет революции. Задерживаться на этой теме мы не можем и не должны и потому ограничимся лишь несколькими примерами. "Revolutions de Paris" ("Парижские Революции"), газета якобинского направления, уже в январе 1791 года писала: "Бедные сделали революцию. Но не к собственной выгоде: после 14 июля они остаются почти буквально при том же, при чем были до 14 июля. Это начинают понимать даже некоторые богатые... Они измыслили предохранительные меры для того, чтобы впредь уже ничего не опасаться со стороны этого многочисленного класса... Итак, класс, живущий в изобилии, несколько внимательнее отнесется к бедным и принесет небольшие жертвы для того, чтобы сохранить свои собственные выгоды". По мнению газеты, "задача заключается в том, чтобы мало-по-малу разрушить ту высокую стену, которая, как скала, отделяет бедного от богатого"²⁵⁶. Для этой цели газета рекомендует произвести перераспределение собственности, в форме аграрного закона. Впрочем, нас в данном контексте это не должно интересовать. В полемике, вызванной этим предложением, газета поместила у себя следующие строки:

²⁵¹ Там же, стр.242.

²⁵² Linguet. Theorie des loix civiles. Londres. 1767. Т.II, стр.462. Цит. по Ковалевскому: "Происхождение совр. демократии". Т.I, ч. 3, 4, стр.66.

²⁵³ Linguet. Annales politiques, civiles et litteraires du XVI II siecle. Т.I, стр. 94. Цит. по Солнцеву. Ук.соч., стр.54.

²⁵⁴ Е.В.Тарле. Рабочий класс. Ч.I, стр.13, 14.

²⁵⁵ См. подробнее у Тарле. Ук.соч., стр.9—18; у Солнцева, ук.соч., стр.54—60; у Вольтереса, ук.соч., стр.105—108.

²⁵⁶ Г.Кунов. Борьба классов и партий. Русский перевод, изд. 1919 г., стр.898. В нашей библиотеке фрагменты работы: http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow.

"Какую же разницу видите вы между войною неимущих против имущих и войною угнетенных против угнетателей?"²⁵⁷ Уже в эпоху Конвента, в ноябре 1792 года, обсуждая продовольственный кризис, газета пишет по поводу все возрастающей дороговизны: "Имел место заговор богатых против бедных... бедняк, честный гражданин, увидел, что он не может покупать нужное ему продовольствие... бедные думали прекратить этот заговор, разграбив несколько житниц"²⁵⁸ и т.д. Характерно, что и этот якобинский орган мыслит себе сущность социального антагонизма в форме столкновения богатых и бедных.

"Друг народа", Марат, также вряд ли имел более отчетливое представление о классовой структуре общества. По его мнению, если бедные "сбросили ярмо дворянства, то могут сбросить и то иго, под которым держит их богатство... Беднота может обратиться к началам свободы и равенства, чтобы положить конец привилегиям и грабительству богатых; точно так же, как к этим началам обратилось третье сословие, уничтожая привилегии дворян"²⁵⁹. Даже тогда, когда Марат дает более подробные указания на отдельные социальные группировки, они оказываются лишь отдельными фракциями, на которые распадаются два основных класса — богатых и бедных. В следующем отрывке мы находим большую общность даже с терминологией и стилем Бабефа: " Плебс, то - есть низшие классы нации, которым в борьбе против высших классов приходится рассчитывать только на самих себя, в момент восстания, благодаря своей массе, всё опрокидывает... Опорой и защитой деспотизма остались дворянство, духовенство, сословие юристов, финансы, капитал, ученые, литераторы... Революцию совершили только низшие классы общества: рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, словом — низший слой, та беднота, которую богатые называют канальями и которую римское бесстыдство некогда называло пролетариатом. Но, как бы там ни было, одно верно: эта масса совершила революцию на пользу только мелким землевладельцам, крючкотворцам и адвокатским шайкам"²⁶⁰. Если Марат и подводит под понятие класса такие группировки, как дворянство, духовенство, чиновничество, финансистов и состоятельных граждан, — то, в конце концов, они все же образуют один социальный слой, один класс богачей, противостоящий бедноте, угнетаемой массе. Этот перечень, в котором отсутствует какой-либо критерий подбора социальных групп, является лишь публицистической конкретизацией построения, всецело покоящегося на традиционном противопоставлении богатых и бедных.

Так же, как и Марат, Шометт, представитель левой оппозиции в эпоху робеспьеровского режима, считал, "что революцию сделал бедный в несравненно большей мере, чем богатый". По мнению Шометта, "он ничего не приобрел, кроме права жаловаться на свою нищету"²⁶¹. Аналогичные высказывания находим и у Жака Ру, вождя "бешеных". По его мнению, буржуазия захватила в свои руки церковные имущества и овладела торговлей, "в то время как бедным и рабочим революция не дала того, чего они вправе были от нее ожидать"²⁶².

²⁵⁷ Там же, стр. 400.

²⁵⁸ "Revolutions de Paris", № 177, стр.426, 437.

²⁵⁹ Г.Кунов. Ук.соч., стр.438, 439.

²⁶⁰ Г.Кунов. Ук.соч., стр. 4.55, 456. Мы несогласны с Куновым, дающим явно преувеличенную оценку социальной теории Марата. (H.Cunow. Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. Berlin. 1921. Т.I, стр.145—146. Т.II, стр.51—52). Для Кунова перечисленные у Марата группы являются не ячейками более крупных образований, а общественными классами в нашем понимании этого понятия (*streitende Klassengruppen*). Но мы не разделяем той критики Кунова, какая дана в книге И.Л.Попова-Ленского: "Барнав и материалистическое понимание истории" (стр. 158—160). Попов относит Марата к разряду моралистов и устанавливает для XVIII в. особую морализирующую теорию классовой борьбы. При этом он не учитывает всего своеобразия той "морали", которую исповедывал XVIII в., морали, не имеющей ничего общего с моралью XIX в. Мораль XVIII в. гораздо ближе к современной социологии, чем к этике XIX столетия.

²⁶¹ Кунов. Ук.соч., стр.493.

²⁶² Jaures. La convention, стр.1607.

Подведем теперь итоги. Как мы видим, все, что ни писал Бабеф о классах и классовой борьбе, можно без остатка свести к распространенным и ходячим, как для эпохи XVIII века, так и для эпохи революции, воззрениям. Дальше простого противопоставления богатых и бедных Бабеф не пошел. Но мы видели, что уже у критиков физиократизма наблюдается синтез теории классовой борьбы с поисками экономической, точнее — производственной основы классовой дифференциации. Отметим совершенно беспристрастно, что Бабеф остался чужд более глубокому экономическому анализу общественных классов. Исходя обычно из простого сопоставления богатства и бедности, роскоши и нищеты, он в лучшем случае может быть признан представителем чисто распределительной теории. Во всяком случае, он уже мыслил себе бедноту, как класс, живущий на наемную плату, но от этого было еще далеко до признания специфической роли классов в процессе общественного производства. Взятая отвлеченно, схема Бабефа вряд ли даст что-либо существенно новое по сравнению с тем, что было дано его предшественниками. Этому великому практику классовой борьбы не было дано сказать новое слово в теории общественных классов.

Обратимся теперь к проблеме собственности. Выяснить генезис идей Бабефа в этой области нам будет очень легко. Нам не понадобится ни многочисленных ссылок ни отвлекающих в сторону исторических экскурсов. Припомним, что нам пришлось уже заняться генезисом бабефовских идей о собственности в связи с анализом 35-го номера "Трибуна Народа". Тогда нам удалось установить, кого Бабеф ошибочно считал своими предшественниками и учителями в этом вопросе. XVIII век для Франции был, конечно, прежде всего веком поднимающейся буржуазии, веком растущего капитализма.

Поэтому - то и принцип собственности стал фундаментом социальной доктрины века. Но на-ряду с официальной господствующей идеологией, отражавшей бурный подъем третьего сословия, существовали многочисленные промежуточные течения, черпавшие свои мотивы из картины гибели и разложения мелкобуржуазных форм хозяйственного быта. Мы уже говорили об этом во второй главе нашего очерка. Мы также указали на то, что учение об естественном праве дало обильный материал для нападок на институт частной собственности и что только немногочисленная горсть мыслителей сделала из этих нападок выводы в духе последовательного коммунизма. Среди них и надо искать предшественников Бабефа. Впрочем, и руссоистское течение, в особенности в критической его части, оказало влияние на "трибуна народа". Из имен в первую голову нужно назвать Руссо и Мабли. От Руссо Бабеф несомненно заимствовал его интерпретацию доктрины естественного права. Недаром во время следствия по делу Бабефа к его досье присоединили писанный его рукою отрывок о происхождении неравенства, оказавшийся на деле копией из сочинений Руссо. Вот этот отрывок, содержащий классическую формулировку социальной философии руссоизма: "Прежде чем были изобретены страшные слова: мое и твое; прежде чем появились жестокие и безжалостные люди, которых называют теперь господами, и люди, называемые теперь рабами, прежде чем, наконец, появились негодяи, способные обладать избытком в то время как другие умирают от голода, прежде чем все они не стали плутами, завистниками и предателями... в чем, скажите, могли бы состоять людские пороки и преступления?"²⁶³ Бабеф на основании этого отрывка называет Руссо "сообщником флореальских заговорщиков". Кроме того, он подчеркивает влияние, оказанное доктринами Руссо на "манифест Равных". Этот документ, автором которого, впрочем, был не Бабеф, а Сильвен Марешаль, содержит параграф, гласящий: "Пусть погибнут искусства, лишь бы мы добились фактического равенства". Это положение вызвало настолько серьезные возражения в тесном кругу вождей заговора, что и самый манифест был ими забракован и отвергнут. В своей защитительной речи Бабеф, не касаясь этого обстоятельства, пытается доказать, что цитированное нами положение манифеста навеяно учением Жан-Жака Руссо. Из своего досье он извлекает другой отрывок из Руссо: "Какое зрелище представлял бы собою человеческий род, если бы он был составлен исключительно из работников (laboueurs), солдат, охотников и пастухов?"

²⁶³ J.-J.Rousseau. Dernière reponse a M.Bordes. Oeuvres complètes. Paris. MDCCCXXV. T.I, стр. 499. Advielle. Ук.соч. Т.II, стр.43—44.

Несравненно более привлекательное, чем зрелище человечества, составленного из поваров, поэтов, писателей, ювелиров и музыкантов"²⁶⁴. Не ограничиваясь этой цитатой, Бабеф приводит и другие из знаменитого "Рассуждения о происхождении неравенства". Действительно, Бабеф не прошел мимо идей знаменитого женева, но из всего учения Руссо он воспринял только его критику собственности. Спрашивается, неужели Бабефу остался неизвестен Руссо — апологет собственности; Руссо — с непоследовательностью и импрессионизмом завязанного мелкого буржуа отстаивавший в своей статье о политической экономии собственность, как основу всякого общественного договора; Руссо, провозгласивший, наконец, в своем "Contrat social" необходимость легализации всех захватов через общественный договор и превращения их, таким образом, из пользования в собственность? Авторитет Руссо был слишком велик в глазах поколения, делавшего Великую революцию, традиции руссоизма слишком долго господствовали над умами революционеров XVIII века, чтобы Бабеф не сделал попытки превратить в своего единомышленника и сообщника автора "Общественного договора". Но, повторяем, на деле Бабеф знал или хотел знать только одну из многочисленных и противоречивых тенденций в учении Руссо, и сам Руссо был важен для него лишь как суровый критик института частной собственности и проистекающего из нее неравенства.

Несколько иначе обстоит дело с Мабли. Мабли сам по себе, если бы дожил до времен бабефовского заговора, меньше всего желал бы оказаться сообщником "равных". Но Мабли был учеником Руссо, он любил критику собственности во вкусе своего учителя и, кроме того, был готов — в теории по крайней мере — дать место в своей системе отвлеченно-коммунистическим принципам. Как критик физиократизма, он не хотел признать, чтобы современный общественный строй, базирующийся на институте частной собственности, был прямым воплощением естественного порядка. Наоборот, он полагал, что окончательное примирение частного интереса с общественным возможно только при господстве общности имуществ. Иногда у него возникал соблазн представить себе этот строй осуществимым на практике. В своих "Principes de legislation" он даже заявляет, что не может понять, как люди ухитрились установить институт частной собственности, и решительно отказывается рассматривать коммунизм (l'état de communauté), как неосуществимую химеру. Этот пассаж впоследствии сочувственно процитировал "трибун народа"²⁶⁵, а в защитительной речи Бабеф опять вспомнил Мабли, "чувствительного, человечного добряка Мабли", как он его называет, Мабли, провозгласившего первой обязанностью законодателя полное имущественное уравнение всех граждан. И, тем не менее, и в данном случае Бабеф ошибался, и его противники могли найти в сочинениях "добряка Мабли" достаточно аргументов против "равных" и их вождя. Разве не заявил Мабли, что будет безрассудством мечтать о собственности теперь, когда она уже установилась и упрочилась? "Никакая сила человеческая, — пишет он, — не добьется упразднения неравенства иначе, как путем еще больших беспорядков, чем те, к каким повело создание собственности. Раз сделана эта глупость (sottise), мы осуждены быть вечной ее жертвой. Говорить, что мы должны отказаться от имуществ и вернуться к порядкам, установленным природой, значило бы тратить слова попустому"²⁶⁶. Проповедуя своему ученику, пармскому инфанту, величайшее благо, заключенное в равенстве имуществ, Мабли в то же время закликает его не покушаться на имущества своих подданных, в виду явной невозможности равенства на манер Спарты. Мы можем поэтому только присоединиться к мнению одного новейшего историка социализма, утверждающего, что "по существу Мабли — такой же утопист-ретроград, такой же идеолог мелкой собственности и натурального хозяйства, как и Руссо"²⁶⁷.

²⁶⁴ Там же. Ук.соч., стр.500. Advielle. Ук.соч. Т.II, стр.44—55. Бабеф цитирует Руссо не достаточно точно. Наш перевод соответствует тексту самого Руссо.

²⁶⁵ "Tribun du Peuple", № 40, стр.244.

²⁶⁶ Mably. Doutes sur l'ordre naturel, стр.12. См. М.М.К овалевский. Ук.соч., стр.14.

²⁶⁷ В.Волгин. Ук.соч., стр.100.

Но, если Бабеф ошибался в Мабли так же, как ошибался он в Руссо или, скажем, в деятелях якобинской революции — Робеспьере, Сен-Жюсте, Армане, — если все перечисленные лица не были сторонниками коммунизма или идейными предшественниками Равных, то где же надлежит искать корни подлинного родословного древа бабефовского коммунизма? Присмотримся внимательнее к тексту защитительной речи, в ней за Руссо и Мабли упоминается имя Дидро. И этот Дидро встает перед нами в образе двуликого Януса. Это Дидро — энциклопедист и автор "Племянника Рамо", но это и простая маска, голый псевдоним человека, о котором последующие поколения узнали всего - на - всего, что он назывался Морелли и был автором "Кодекса природы" — произведения, долгое время приписывавшегося самому Дидро. Об этом "Кодексе природы" нам уже приходилось говорить во второй главе нашего очерка. В защитительной речи Бабеф так и говорит о Дидро: "автор «Кодекса природы»". Он полагает, что с точки зрения его обвинителей Дидро оказался бы верховным вождем и вдохновителем всех заговоров. Действительно, если и не сам Дидро, то Морелли во всяком случае занимал достаточно радикальную позицию по отношению к собственности. Правда, критика собственности у него зиждется на тех же посылках, что и у школы Руссо. И Морелли стремится прежде всего определить пагубные последствия собственности в сфере политики и морали, и он исходит из нарушения естественного порядка, как из главного зла, причиненного торжеством собственности. "Если вы спросите, кто управляет людьми, — ответ будет нетрудный: личный интерес или чужой интерес, усвоенный под влиянием тщеславия и всегда являющийся данником первого. Но кто дал жизнь этим чудовищам? Собственность"²⁶⁸. Были ли бы возможны неустойчивость и превратность в судьбах империй, если бы все имущества находились в нераздельном общем обладании? Установите этот превосходный принцип... и вы навсегда упрочите счастливый жребий нации"²⁶⁹. Но первые реформаторы, вместо этого, прибегли для установления своих законов к помощи "чудовищных идей". Между тем, "когда народы, уставши от собственных преступлений, начали вздыхать по радостям общности и слушаться приказаний... то разве не было легко внушить им ненависть к основной причине всех их зол — к собственности?"²⁷⁰ "Восходя... к происхождению всех обществ, т.-е. к установлениям, которые придали им известную форму, мы найдем, что законы, принесшие только паллиативные лекарства для недугов человечества, могут быть рассматриваемы, как первопричины неприятных последствий их дурного лечения"²⁷¹.

Вот эти-то положения "Кодекса природы" Бабеф и цитирует в своей защитительной речи. Неважно, в конце концов, что он считает их автором Дидро, важно то, что "Кодекс" несомненно оказал сильнейшее и исчерпывающее влияние на коммунизм Бабефа. Можно было перенять у Руссо и Мабли страстные филиппики против собственности, можно было заимствовать у них концепцию естественного порядка, нарушенного установлением собственности, но только Морелли мог дать Бабефу систему радикальных выводов из "уравнительной" декламации школы Руссо, только он, наконец, мог в своем "Образце законодательства, согласного с намерениями природы", послужить канвой для законодательного творчества "равных". Правда, и тут Бабеф пошел дальше Морелли. Последний оставлял в частной собственности членов общества предметы потребления и орудия повседневного труда. Бабеф преодолел этот остаток мелко-собственнической идеологии и этим порвал с традицией Морелли. Но, с другой стороны, разве не в "Кодексе" нашел он мысль о вредоносности паллиативных мероприятий и о необходимости полного уничтожения корней общественного зла — собственности? Поэтому-то больше, чем Руссо, больше, чем Мабли и вся школа уравнителей, может Морелли претендовать на звание "духовного отца" Бабефа и идейного вдохновителя "равных".

²⁶⁸ Морелли. Кодекс природы. Русск.перев. 1921, стр.49.

²⁶⁹ Там же, стр.53.

²⁷⁰ Там же, стр.82.

²⁷¹ Там же, стр.36.

Обратимся теперь к эпохе революции. Великая революционная драма, призванная расчистить пути перед победоносным капитализмом, направила свой поток совсем не в то русло, о котором мечтали коммунисты-утописты типа Морелли. Ее евангелием должен был стать Кодекс Наполеона — эта альфа и омега буржуазного гражданского права. Поэтому традиция Морелли оборвалась, и он, за весьма немногочисленными исключениями, не нашел сторонников и единомышленников в первые годы революции. Из них упомянем Буасселя, о котором нам уже пришлось говорить. Он полагал, между прочим, что собственность, лежащая в основе гражданского общества, глубоко противоречит естественному состоянию. Человек имеет право на вещи лишь постольку, поскольку это вызывается его потребностями²⁷². Можно упомянуть еще несколько брошюр в том же роде. Наличие их несколько не меняет общей картины. Несколько иначе обстоит дело с уравнительными тенденциями. Они принимают на первых порах форму аграрного закона. Аграрный закон оказывается жупелом для "третьего сословия" и орудием политического шарлатанства со стороны реакционеров. Но никогда и нигде, за весь период революции, он не становится лозунгом серьезного социального движения. Уравнительные тенденции должны бы были быть, по духу, ближе всего партии якобинцев и возглавляемой ею мелкой буржуазии. Но все декламации против пагубных последствий собственности, все lamentации по поводу неравенства остаются безобидными риторическими упражнениями. Ниспровержение собственности на бумаге у Армана служит на деле к обоснованию скромных прав нации на таксацию предметов первой необходимости. По правильному определению одного историка социализма, "политический смысл якобинцев, все буржуазные традиции XVIII века, искреннее уважение к праву собственности... всегда заставляли их с отвращением отклонять мысль о социальном перевороте"³⁴⁰. Но не только якобинцы, не только Робеспьер и его единомышленники, даже их враги, те, кого благонамеренные обыватели Парижа окрестили кличкой "бешеных", даже они, несмотря на весь видимый радикализм их высказываний, были на деле далеки от коммунизма. "Какие же способы борьбы с богатыми предлагает Жак Ру? — спрашивает новейший историк движения "бешеных". — Может быть, он предлагает отмену частной собственности? Отнюдь нет — и это особенно важно подчеркнуть: Жак Ру частную собственность признает; недаром же эпитафией к своей речи 25 июня он взял слова: «Народ, защищая твои права, я презираю смерть; докажи же мне свою благодарность уважением к лицам и собственности»³⁴¹. Другой представитель "бешеных", Доливье, требует упразднения всех видов частной собственности на землю при сохранении всех остальных видов собственности"³⁴².

Бабеф был на голову радикальнее, на голову революционнее своих предшественников и современников, начиная с Руссо и кончая трубадуром революционного якобинства Сен-Жюстом. И не только потому, что он из естественно-правовой концепции Руссо-Мабли сделал выводы в духе коммунизма "Кодекса природы". Не только потому, что он считал осуществимой "восхитительную систему общности имуществ". Самое замечательное, несомненно, то, что он увязал проблему собственности с проблемой революции, сделал коммунистическую утопию конечной целью великого революционного движения, одним словом — вывел на улицы, на площади многолюдного города, бросил в массы страждущих и угнетенных лозунг ликвидации общественного строя, основанного на собственности. Присмотримся к его представлению о движущих силах революции. Мы уже видели, насколько распространенным было представление о войне богатых и бедных. И Марат, и якобинский ежегодник "Revolutions de Paris", и Шомет, и Жак Ру — все они достаточно ярко подчеркивали наличие антагонизма имущих и неимущих. Но какие делали они отсюда выводы? Жак Ру признавал, что революция ничего не дала "бедным и рабочим". Нужно было еще приобщить их к материальным достижениям революции.

²⁷² А.Лихтенберже. Социализм и французская революция. Перев. с франц., стр.43.

³⁴⁰ А.Лихтенберже. Ук.соч., стр.84.

³⁴¹ Я.М.Захер. Очерки по истории бешеных, стр.24.

³⁴² Там же, стр.61.

Но в какой форме должно было совершиться это приобщение? Ру требовал запрещения ажиотажа и барышничества. Арман, более конкретный в своем построении, отстаивал "максимум". "Revolutions de Paris" шли еще дальше. Очень любопытна в этом отношении передовица из 193 номера. "Аграрный закон неосуществим", — гласит основное положение газеты; только общность имущества может действительно положить конец неравенству состояний. Следует обычная ссылка на Ликурга, который, по уверению газеты, был совершенно убежден в этой истине. Казалось бы, остается только рекомендовать законодателям пример Ликурга. Но увы, его опыт мог иметь успех только в такой территориально ограниченной республике, какой была Спарта. Что же остается Франции? "Давно надо было начать карать смертью всякого, кто осмелился бы предложить аграрный закон в духе анархистов, надо было поставить под охрану закона и бедного и богатого и этим сделать солидарными их интересы; надо было наложить узду на слишком большие состояния и дать всем менее состоятельным гражданам возможность убедиться в том, что и они станут в ближайшем будущем собственниками участка земли и здания под крышей, пусть даже сделанной из соломы"³⁴³. Начать с Ликурга и кончить проповедью гражданского мира и террористических законов против "переделителей" — таков стиль и сущность социальной идеологии якобинцев. Мелкой буржуазии дано было наблюдать пропасть, разверзшуюся между имущими и неимущими. Но не ей суждено было осмыслить до конца логику классово-борьбы. Иначе обстояло дело с бабувистами. У них вся революция сведена, без остатка, на борьбу богатых и бедных, вся революция представлена одним из эпизодов извечной войны имущих и неимущих. И речь идет не о приобщении массы к материальным достижениям революции, не о простой защите ее от ажиотажа и спекуляции. Судьбы этой массы выступают перед нами, как решающий фактор революции. Переворот и взрыв материальной базы существующего общества, как средство покончить раз навсегда с угнетением и нищетой масс, как финал борьбы "патрициев и плебса" — вот неотъемлемое, основное положение бабувизма.

Если брать порознь и рассматривать изолированно элементы бабувистской системы, — все они окажутся заимствованными из ходячих теорий XVIII века. Распадение общества на два класса — бедных и богатых; борьба бедных и богатых; нарушение естественного порядка через введение института собственности; имущественное неравенство, как следствие собственности; бедствия, вызванные имущественным неравенством, деградация и угнетение массы; необходимость полного упразднения собственности; роль "бедных" в революции — все это положения, встречающиеся у разных авторов, в разных вариантах, в разных комбинациях. Это — наследие века и наследие революции, целиком использованное бабувизмом. Своеобразие бабувизма запечатлено в особом сочетании, в особой комбинации этих элементов. Это сочетание целиком принадлежит бабувизму и не повторяется больше ни в какой другой системе. Но дело не только в своеобразии той ассимиляции, какую представляет собой социальная философия Бабефа. Можно было слить в одном сплаве естественно-правовую концепцию Руссо-Мабли и утопический коммунизм Морелли, учение о двух классах общества — в стиле энциклопедистов и Неккера - и якобинско-маратовское понимание роли "бедных" в революции, и это соединение все-таки не было бы адекватно бабувизму. Историческое значение этой теории заключается в том, что она фактически перестала быть теорией. Перефразируя известные слова Маркса, можно сказать: философы XVIII века лишь объясняли мир, Бабеф решил его изменить.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

³⁴³ "Revolutions de Paris", № 193, стр.518.

Еще в течение зимы 1795—1796 г. власти стали обращать внимание на агитационную деятельность "Трибуна Народа". Сигнал, как обычно, подали полицейские ищейки Директории. "Вышедший сегодня листок Бабефа, или иначе «Трибун Народа», — читаем в донесении от 27 ноября 1795 года, — открыто проповедует восстание, мятеж и конституцию 1793 года"²⁷⁴. В кафе Кретьена собираются военные и рабочие (*des militaires et des ouvriers*). "Их надежды подогреваются листком Бабефа, очередной номер которого должен выйти завтра; в этом листке должен быть освещен, с их точки зрения, заговор 9-го Термидора"²⁷⁵. Донесение от 30 декабря передает настроение рабочей среды "Они с живейшим нетерпением ожидают очередной номер бабефовской газеты, в которой народ будет призван к энергичной защите своих прав"²⁷⁶. Нам уже приходилось говорить о брожении, охватившем в течение зимы 1795—1796 годов пролетарские массы Парижа. В самом Париже в это же время образовались два центра, пытавшихся использовать и направить в определенное русло революционную энергию предместий. С одним из них мы уже отчасти знакомы. Это — Общество Пантеона пестрое по своему составу, изменчивое в своих настроениях но зато, до поры до времени, пользовавшееся всеми преимуществами легального положения. В недрах этого Общества действовали, немногочисленные пока-что, единомышленники Бабефа. Сам Бабеф пытался в своем "Трибуне Народа" дать определенное направление работе Общества. Вспомним только ряд заметок, посвященных "Трибуном Народа" деятельности "пантеоновцев". Эта пропаганда Бабефа отнюдь не осталась бесплодной. Об этом свидетельствует процесс полевения Общества, остановивший на себе самое пристальное внимание со стороны властей.^{xxiii}

Дело в том, что не сразу, а постепенно, путем некоторой эволюции, Общество стало в оппозицию существующему режиму. Можно проследить три этапа, на которые распадается деятельность Общества. Первый охватывает весь фронт. В течение этого месяца большинство пантеоновцев настроено довольно благожелательно по отношению к правительству Директории. Прокламация, принятая в это время Обществом, под заглавием "Правда, высказанная народу патриотами 14 июля, 10 августа и 13 вандемьера", даже обещает, на известных условиях, поддержку только-что установившейся Директории. Не забудем, что как раз в это время правящие круги, под свежим впечатлением вандемьерских дней, склонны искать сближения с левой оппозицией. Закон 3-го брюмера запрещает родственникам эмигрантов и неприсяжным священникам занятие общественных должностей, и пантеоновцы считают своим долгом лояльно помогать правительству для проведения в жизнь закона. Между тем растущий экономический кризис и явное нежелание со стороны Директории положить конец ажиотажу и падению ассигнаций вызывают рост оппозиционных настроений. В течение нивоза Общество переживает ряд колебаний, ораторы довольно резко нападают на министров, но все еще опасаются открыто атаковать самое Директорию. Эта пестрота и изменчивость настроений отразилась и на характере резолюций, принимавшихся Обществом. Так 2-го нивоза, в заседании Общества, поступило предложение присягнуть конституции III года. Это предложение, вызвавшее, как помним, резкую отповедь со стороны Бабефа на страницах его газеты, было однако отвергнуто значительным большинством голосов.

²⁷³ Писать историю заговора, без проработки на месте архивных материалов, значит пересказывать существующую литературу, в первую голову Буонаротти. Буонаротти использован и пересказан вдоль и поперек. Поэтому мы и стремились, по возможности, схематизировать фактическое изложение событий, чтобы больше места уделить анализу самой программы замышлявшегося переворота.

²⁷⁴ Aualrd. Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. T.II, стр.398.

²⁷⁵ Там же. стр.509.

²⁷⁶ Там же, стр.598.

^{xxiii} См. также: Г.Кунов, «Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kunow_caffe.pdf).

В середине нивоза Общество узнало о нескольких мероприятиях Директории, бивших по роялистам и их союзникам справа. Так Директория запретила исполнение в общественных местах песни "Пробуждение народа", распевавшейся золотой молодежью Парижа. Она предписала министру полиции расследовать происки роялистов в южных департаментах, где свирепствовал белый террор. Эти мероприятия вызвали новый перелом в настроениях пантеоновцев. 18-го нивоза Общество постановило чествовать Директорию в день 1-го плювиоза, и эта манифестация, заклеянная Бабефом, как акт низкого раболепства, привлекла довольно большое число членов Общества. Они явились в Люксембург и дали директорам заверения в лояльности по отношению к правительству и конституции III года²⁷⁷.

Между тем численность членов Общества все возрастала. Если 29-го брюмера оно насчитывало в своих рядах 150 человек, если 8-го фримера это число возросло до 934, то уже 30-го фримера оно включало в свой состав по меньшей мере 1 500 членов²⁷⁸. "Число членов Общества заметно возрастает, — читаем мы в рапорте от 3 нивоза: — большая их часть проживает, кажется, в Жерменском предместьи и в районе Нового моста, значительно меньшая в Антуанском предместьи. Они плохо одеты и кажутся рабочими. Кроме них имеется также порядочно военных"²⁷⁹. "Члены пантеоновского Общества, — читаем в другом рапорте от 12 нивоза, — ходят в Мартенское предместье и там распространяют среди рабочих членские карточки Общества. Рабочие, имеющие работу, отказываются примкнуть к ним, не желая, по их словам, связываться с какой-либо партией вообще. Безработные, наоборот, легко поддаются на убеждения пантеоновцев"²⁸⁰.

В связи с общим поправением политики Директории, Общество в течение плювиоза решительно переходит в лагерь оппозиции. С конца плювиоза мы находим на председательском кресле Общества Буонаротти, ближайшего сотрудника Бабефа. Полевение пантеоновцев становится крупнейшим фактором политической жизни. Внешние симптомы этого полевеия таковы: Общество принимает адрес к Директории с требованием выполнения декретов 8 и 14 вантоза II года республики; Общество устраивает Подписку в пользу арестованной жены Бабефа; Общество учреждает празднество декад, для организации систематической пропаганды; наконец, Общество заслушивает отрывки из "Трибуна Народа", и этот акт почти открытой солидаризации с преследуемым Бабефом влечет за собой немедленные репрессии.

9-го вантоза Директория издает приказ о закрытии Общества, при чем приказ этот приводится в исполнение лично генералом Бонапартом.

О первом из упомянутых решений Общества нам уже пришлось говорить, когда мы прослеживали политическую эволюцию "Трибуна Народа". Декреты 8 и 14 вантоза II года республики — это те самые декреты об обеспечении защитников отечества и "патриотов" из фонда национальных имуществ и конфискованной собственности эмигрантов, отмену которых оплакивал "Трибун Народа". Соответствующее постановление Общества было неоднократно использовано Бабефом в агитационных целях, в особенности когда речь шла о том, чтобы завербовать армию на сторону революции. Что касается празднования декады, то это предложение имело в виду установить легальную форму, форму отправления культа естественной религии для организации чисто политической пропаганды.

²⁷⁷ Ch.Picqenard. La societe du Pantheon ("La revolution francaise"). T.XXXIII, 1897 г., стр.343). По словам Пикенара, общество "decida qu'elle accompagnerait le Directoire". Значит, было вынесено формальное постановление, а Бабеф старается затушевать этот факт, изображая "верноподданническую" манифестацию пантеоновцев, как махинацию заправил из меньшинства.

²⁷⁸ Ch.Picqenard. Ук.соч., стр.328.

²⁷⁹ Там же, стр.336—337.

²⁸⁰ Там же, стр.344. У Пикенара мы заимсчовали ряд подробностей нашего рассказа о пантеоновцах. Но и его работа оставляет открытым целый ряд вопросов. Этому есть чисто объективные препятствия. "Мы имеем, — пишет Пикенар, — очень мало документов, исходящих от Общества: ни одна газета не печатала отчетов об его заседаниях, а само оно не вело протоколов" (там же, стр.334).

Предложение это было, несомненно, навеяно традицией робеспьеровского культа Верховного Существа и, несмотря на наличие в составе Общества большого количества якобинцев, вызвало на первых порах довольно оживленный протест. "Авторам проекта пришлось разбивать доводы ораторов, старавшихся помешать выполнению его, то советуя осторожно обратиться с ним к правительству, то заставляя рассматривать всякую религиозную форму, как источник нового суеверия. Наконец, все препятствия были устранены, и Общество постановило, что оно «использует праздники декад для того, чтобы публично почтить божество путем проповеди естественного закона». Было поручено комиссии нанять храм и изготовить катехизис и устав нового культа"²⁸¹.

Так постепенно видоизменялся облик пантеоновцев. Были, конечно, и срывы. Неоднородность состава Общества, атмосфера постоянного ожидания правительственных репрессий облегчали работу правительственных агентов, затесавшихся в члены Общества. "Трибун Народа" довольно точно отражает на своих страницах эти колебания в настроении пантеоновцев. Бабеф возлагает свои надежды на тех, кого он называет "настоящими, истинными пантеоновцами". Были, следовательно, и "ненастоящее". Эта неустойчивость психики лучше всего выдает истинную классовую природу Общества. Мелкая буржуазия составила, несомненно, руководящую группу на собраниях в саду св.Женевьевы. Впрочем, состав Общества был текучим. По уверению Буонаротти, в плювиозе наблюдался наплыв в состав Общества "простонародных элементов". Процесс полевления, повидимому, определялся не только радикализацией настроений парижского мещанства, но и изменением социальной окраски Общества. Впрочем, здесь приходится всецело полагаться на Буонаротти и на недостаточно отчетливые впечатления полицейских агентов; отсутствие каких-либо других данных заставляет избегать излишней категоричности выводов. Однако, несомненно, вербовка членов Общества в рабочей и солдатской среде сильно обеспокоила Директорию и, по мнению Девилля, даже обусловила учреждение особого министерства общей полиции. Общество занималось вопросом об ассигнациях, о свободе печати, о суде присяжных. По мере роста оппозиционных настроений в среде Общества, росла и бдительность властей. Наконец, 8-го вантоза (27 февраля 1796 г.) состоялось постановление о ликвидации Общества. На следующий день оно было сообщено Совету Пятисот, и в то же время Бонапарт, во главе многочисленного отряда войск, лично привел его в исполнение. Буонаротти полагает, что Бонапарт был не только простым исполнителем, но и настоящим вдохновителем этого постановления. Он велел передать себе ключи от зала, где происходили заседания Общества.

С Пантеоном все было покончено, но это не могло смутить или ослабить энергию бабувистов. В конце концов, они теряли трибуну, залу собраний, место для публичных выступлений.

Но к этому времени среди группы сторонников Бабефа созрела мысль о необходимости перенести центр тяжести всей работы в подполье, создать конспиративный центр, могущий исподволь подготовить падение Директории. Сам Бабеф в своей газете не удержался, как мы видели, от довольно прозрачных намеков на эти новые планы бабувистов. После распада комитета, собиравшегося у Амара, потребность в создании конспиративного центра была настолько ощутительна, что по всему Парижу раскинулась сеть аналогичных организаций. Все они были недолговечны. Надзор полиции и привлекавшая все силы демократов деятельность Пантеона вскоре положили конец этим собраниям. Но они уже заложили основы организационной структуры заговора, и в этом отношении кратковременное их существование не осталось совершенно бесследным.

В первых числах жерминаля, или иначе в конце марта 1796 года, Бабеф и его друзья Сильвен Марешаль, Феликс Лепеллетье и Антонелль постановили образовать тайную "Директорию Общественного Спасения". Между первыми тремя из них уже давно заключен был самый тесный союз. Они совместно обсуждали темы и характер своих политических сочинений.

²⁸¹ Буонаротти. Ук.соч., стр.63.

Теперь они решили приступить к действию. Тайная Директория вскоре пополнилась тремя новыми членами, а именно в ее состав вошли Дартэ, Буонаротти и Дебон. Она окончательно сконституировалась 10 жерминаля (30 марта 1796 года). Ее собрания происходили у Клерка, у Рейса или у Лекера, единомышленников Бабефа.

Повстанческий центр был создан. Аппарат Директории принял следующие формы. Директория имела при себе секретаря для ведения дел. Двенадцать агентов были уполномочены руководить агитацией и работой в двенадцати районах, на которые был разбит Париж. Их имена были: Морель, Бодеман, Меннессье, Буэн, Гильем, Фике, Пари, Казен, Деро, Пьеррон, Бодсон и Моруа. Кроме того, для координации работы агентов была создана должность главного агента, которую поручили слесарю Дидье. К этим районным агентам Директория впоследствии добавила специальных военных агентов. Их было всего пять: Фион — для работы среди инвалидов, Жермен — в полицейском легионе, Массен — в отрядах, расквартированных во Франсиаде, Ваннек — в войсках вообще и, наконец, Жорж Гризель — в Гренельском лагере. Выбор агентов был, по словам Буонаротти, произведен со всевозможной тщательностью, после подробной проверки мотивов, приведенных каждым из лиц, выставлявших кандидатуры. Директория выработала также устав и инструкцию для агентов. Согласно устава, личный состав Директории должен был оставаться тайной для всех без исключения членов организации.

После этого Директория приступила к действию. Сильвен Марешаль составил воззвание к народу, под названием "манифест Равных", и предложил его на рассмотрение Директории. Проект был отклонен, ибо два его положения возбудили сомнение у членов Директории. Об одном, в котором Сильвен Марешаль угрожал "гибелью искусств", мы уже говорили в предыдущей главе. Другое гласило: "Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на правящих и управляемых". Вместо "манифеста" Директория приняла другую прокламацию, озаглавленную "Содержание доктрины Бабефа, осужденного Исполнительной Директорией за проповедь правды". Прокламация эта распространялась и расклеивалась по городу 20 жерминаля (9 апреля). Кроме того, агенты заговорщиков распространяли газеты "Трибун Народа" и "Просветитель народа, или защитник 24 миллионов угнетенных". Последняя была занята популяризацией идей "Трибуна". В ней, между прочим, Сильвен Марешаль помещал свои стихи, направленные против Директории. Она прекратилась на седьмом номере.^{xxxiv}

23-го жерминаля появилось "Мнение о двух конституциях"; 25-го пущена была в обращение прокламация, озаглавленная: "Должно ли повиноваться конституции 1795 года"; 24-го напечатано: "Письмо воли-свободы к своему другу террору" (редактированное Гризелем); 27-го роздали "Воззвание трибуна к армии": 29-го распространили писанный Бабефом "Ответ господину М.В.", а 1-го флореаля был выпущен "Окрик французского народа на своих угнетателей".

Так, день за днем, ширилась агитация заговорщиков. Тайная Директория собиралась каждый вечер на конспиративной квартире Бабефа, всегда имевшего под рукой главные документы и печать заговора. На этой печати, по которой агенты заговора узнавали распоряжения Директории, вокруг по краю шли слова: "Общественное спасение". Вот что сообщает Буонаротти о характере работ Директории: "На собраниях рассматривались следующие дела: 1) донесения агентов и проекты ответов на них; 2) подлежащие печатанию прокламации; 3) предложения о форме ведения восстания; 4) законодательные акты, долженствующие сопутствовать восстанию; 5) вопросы об учреждении и организации будущей республики. Все решения, принимавшиеся Тайной Директорией по большинству голосов, регистрировались и служили материалом для корреспонденции и других подготовительных работ, распределенных между заговорщиками. Все было без подписи. Бабеф, вынужденный, благодаря преследованию, скрываться, был почти единственным редактором писем и инструкций; их переписывал секретарь и рассылал революционным агентам Дидье"²⁸².

^{xxxiv} О Сильвене Марешале см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>.

²⁸² Буонаротти. Ук.соч., стр.82. См. также главы книги Д.Туган-Барановского «Наполеон и Республиканцы» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/neojacob_tugbaran.htm).

Благодаря работе своих агентов, Директория была в курсе всего, что делалось в Париже. Она получала подробные донесения о настроении различных общественных кругов. Мнения, речи, споры — все передавалось ей через агентов. День за днем Тайная Директория наблюдала рост оппозиционных настроений в Париже. День за днем увеличивались шансы на успех вооруженного восстания.

Между тем заговорщикам стало известно, что монтаньяры, бывшие члены Конвента, замышляют, со своей стороны, восстание в целях восстановления Конвента и конституции 1793 года. Возник вопрос о блоке между Равными и остатками якобинской партии. Подобный блок делал необходимыми уступки якобинцам, известный политический компромисс. Равные в собственной среде должны были изжить довольно крупные разногласия по вопросу об организации власти на другой день после переворота. Казалось бы, излюбленный лозунг политической агитации заговорщиков — "Конституция 1793 года" — предопределял решение этого вопроса. На самом же деле немедленное введение в действие конституции вызывало самые серьезные возражения со стороны части заговорщиков. Указывалось, и небезосновательно, на явную неподготовленность широких масс к новым выборам. Тогда пришли к мысли о необходимости продолжительного промежутка между самим актом восстания и установлением новой конституционной власти. Такой промежуток требовал создания временной революционной власти, способной раз навсегда вырвать народ из-под влияния "естественных врагов равенства". Существовало три предложения касательно самого устройства этой временной власти. Согласно первому из них восстанавливался Конвент. Это предложение, выдвигавшееся в свое время Амаром, основывалось на необходимости иметь власть, санкционированную народным суверенитетом. Предполагалось созвать Конвент в составе депутатов, насильственно удаленных из собрания в эпоху термидорианской реакции и впоследствии объявленных неподлежащими избранию. Однако и в таком составе Конвент не мог удовлетворить Тайную Директорию. Он включил бы слишком много элементов "болота", слишком много малодушных, скомпрометированных, слишком много третьесортных якобинцев, явно нерасположенных к принятию коммунистических планов Равных. Отклонив созыв Конвента, Директория пришла к мысли о назначении восставшими временного революционного правительства. Дебон и Дартэ предлагали учредить единоличную диктатуру и поручить ее какому-либо "добродетельному гражданину", но большинство высказалось за коллегиальную форму правления. Итак, немногочисленное правительство, с неограниченными, чисто диктаторскими полномочиями, должно было взять на себя руководство революцией. Оно должно было также определить состав Национального Собрания, составленного из депутатов, по одному от каждого департамента. Собрание это должно было быть облечено верховной властью. Однако на деле эта власть была бы чисто номинальной, так как правительство должно было сохранить за собой право контроля работ Собрания. Таковы были планы заговорщиков до того, как им пришлось завязать переговоры с якобинцами. Как видим, Равные стремились учредить настоящую революционную диктатуру, способную осуществить замышлявшийся ими экономический переворот. Этот проект не мог не встретить решительных возражений со стороны якобинцев. Между тем с якобинцами были тесно связаны члены Военного Комитета при Тайной Директории, в частности Фион и Россиньоль. Генерал Россиньоль, очень популярный среди жителей Антуанского предместья, был по своим настроениям гораздо ближе якобинцам и поэтому, узнав о их планах, он стал выражать явное неудовольствие тактикой Тайной Директории. Со своей стороны, и Друэ склонялся к объединению двух заговоров в один. Несмотря на живейшие протесты Дебона, Тайная Директория, после долгих и горячих прений, приняла предлагавшееся соединение. Пришлось согласиться на созыв Конвента, но при условии добавления к его составу по одному депутату от каждого департамента, по назначению Директории. Кроме того, якобинцам предложено было подчиниться всем декретам, какие будут даны заговорщикам в день восстания. Однако это компромиссное предложение не удовлетворило якобинцев. Они отвергли назначение депутатов, как покушение на народный суверенитет, и отказались санкционировать революционное законодательство заговорщиков.

Тайная Директория, в заседании 16-го флореаля, дала резкий отпор притязаниям якобинцев. Их представителю было указано на то естественное недоверие, какое вызывали среди Равных бывшие члены Конвента, скомпрометированные своим бездействием в самые решающие дни революции. К вечеру 18-го флореаля (7 мая) якобинцы переменили свое решение и приняли условия Тайной Директории. На следующий же день было созвано объединенное заседание Тайной Директории и комитета якобинцев, на котором присутствовали Бабеф, Буонаротти, Дартэ, Дидье, Фион, Массар, Россиньоль, Робер Линдэ, Друэ, Рикор, Ленъело, Жавог и Жорж Гризель. Собрание имело место на квартире у Друэ. Тайная Директория обратилась к собравшимся с изложением мотивов, побудивших ее встать во главе заговора. "Вспомните ваши клятвы, — говорил заговорщикам оратор, — вспомните бедствия, вызванные забвением тех принципов, которые вы клялись закрепить вашу кровь. Настало время сдержать ваши обязательства: надо сражаться!.. Никогда не было заговора более законного; дело не в том, чтобы избрать новых повелителей; ни один из нас не стремится к богатству или власти; эти изменники заставляют нас взяться за оружие только во имя права на существование, во имя свободы и ради счастья наших сограждан; тайно набранная нами армия освободителей ждет нашего сигнала, чтобы ринуться на кучку тиранов, угнетающих народ... Все благонамеренные нам известны; злые трепещут от страха. В назначенный вами день то оружие, которое тирания тщетно старается у нас отнять, окажется в руках наших братьев. Вы пожелали, чтобы подготовляемая нами революция была революцией до конца и чтобы народу не приходилось больше довольствоваться отвлеченной свободой и смехотворным равенством. Фактическая и законная свобода — вот что должно отличать ваше возвышенное дело от всех предшествующих. Все затруднения побеждены; любовь к отечеству объединила нас. Условия, подписанные бывшими представителями нации и единогласно принятые положения акта восстания возвестят и обеспечат народу справедливость и полезность этого восстания. Время не терпит: народное нетерпение дошло до крайних пределов; не будем же дальнейшим промедлением рисковать потерей случая, который, может - быть, нам больше не представится. Мы просим вас добавить к принятым нами мерам то, что вы найдете необходимым, и назначить время восстания. Мы или погибнем в бою, или закончим столь долгую, столь кровавую революцию победой и равенством"²⁸³.

Так говорил представитель Тайной Директории. Затем выступил Робер Линдэ, бывший член Конвента и Комитета Общественного Спасения. Он пытался обосновать созыв Конвента и указывал на необходимость придать революции совсем особенный, чисто народный характер путем проведения полнейшего равенства.

После него слово взял Гризель. Он рассказал, как ему удалось достать 10 тысяч ливров у своего дяди-аристократа на нужды заговора.

Новый акт восстания был утвержден собравшимися. Они также заслушали доклад, сделанный от имени Военного Комитета Массаром. Нам еще придется подробнее говорить об его содержании, когда мы будем разбирать тактические планы заговорщиков. "Собрание постановило: 1) что Тайная Директория ускорит развязку заговора; 2) что она даст своим агентам инструкции, соответствующие планам Военного Комитета; 3) что два дня спустя она соберется, чтобы заслушать последнее донесение о положении вещей и чтобы назначить день восстания"²⁸⁴.

Едва успели заговорщики разойтись, как в квартиру Друэ вторглась полиция. Она произвела там тщательный обыск, не давший, впрочем, никаких результатов. Этот обыск произвел некоторое смятение среди заговорщиков. Поговаривали даже о возможности измены. Стали заподозривать Жермена, не пришедшего в заседание 19 флореаля. Но эти толки были рассеяны Гризелем. Он убедил своих товарищей, что обыск был простой случайностью. Так и не были приняты какие-либо меры предосторожности.

²⁸³ Буонаротти. Ук.соч., стр. 16—117.

²⁸⁴ Там же, стр.118.

Ознакомимся теперь с ходом подготовительных работ на периферии заговора и с планами и программами заговорщиков. Попутно попытаемся установить социальную базу заговора, те корни, какие он успел пустить в различных слоях парижского населения.

Весной 1796 года Париж был охвачен все теми же настроениями, теми же заботами, какие господствовали в течение только-что прошедшей зимы. Даже стиль полицейских донесений сохранил характерные особенности, усвоенные им в течение зимних месяцев 1795 года. Это все та же подозрительность питающихся тревожными слухами, неопределенными и туманными, та же глухая, скрытая тревога, рождающаяся из впечатлений о подслушанных разговорах. "Один из инспекторов доносит, что Антуанское предместье добывает оружие и заготавливает пики. Согласно другому донесению, недовольство, замеченное в отдельных группах, особенно ярко сказывается в трактирах, посещаемых рабочими" (донесение от 1-го вантоза — 20 февраля 1796 года)²⁸⁵. Попржнему полиция ищет агитаторов. "Рабочие распропагандированы агитаторами, посещающими их в трактирах в часы отдыха", — читаем мы в донесении от 4 вантоза (23 февраля 1796 года)²⁸⁶. "Рабочий класс, страдающий от суровой погоды и из-за недостатка работы, позволяет себе самые оскорбительные выпады против Директории, против Совета Пятисот, против всех депутатов вообще" (донесение от 14 вантоза — 4 марта)²⁸⁷. "Около шести часов вечера возле porte Martin замечены были группы народа, состоявшие, повидимому, из рабочих и несостоятельных людей; там раздавалась самая возмутительная брань по адресу правительства, его обвиняли в слабости по отношению к кровопийцам, губящим народ"²⁸⁸. Как и зимой, дело не шло дальше разговоров, дальше уличной перебранки между противниками и защитниками существующего режима. Колебания в настроении парижского населения шли параллельно с движением цен на предметы питания, с общим ростом дороговизны. А так как экономический кризис остался непреодоленным и голод продолжал свирепствовать в предместьях Парижа, то и настроение столичного пролетариата не могло быть удовлетворительным с точки зрения правящих властей. "Рабочий, лишенный работы, лишенный всяких средств к существованию, не упускает ни одного случая для выражения своего недовольства существующим порядком вещей. Он называет конституцию — кодексом позолоченного миллиона... Он сравнивает его авторов с компанией Бриссо..."²⁸⁹ (донесение 25 вантоза — 15 марта). Пришла весна, а положение не улучшилось, и вот 14-го жерминаля (3 апреля) рабочие, собравшиеся в Тюльери, жалуются на отсутствие работы и говорят: "Наступило время покончить со всем этим. Горе партии, заставляющей нас умирать с голоду в течение восемнадцати месяцев!"²⁹⁰

Все эти обстоятельства заставили быть начеку и Директорию и ее полицию. Каков же был переполох в правительственных сферах, когда полицейский рапорт от 21 жерминаля (10 апреля) известил их о появлении в городе "возмутительного листка" — прокламации, озаглавленной: "Изложение доктрины Бабефа, осужденного Директорией за проповедь правды". Первое упоминание об "Изложении доктрины" содержится в донесении от 21 жерминаля (1.0 апреля). В нем просто упоминается о расклейке этой прокламации в ряде кварталов. На следующий день полицейский отчет сообщает: "В Антуанском предместье собралась значительная толпа вокруг афиши, озаглавленной «Изложение доктрины Бабефа». В некотором отдалении та же афиша, но в маленьком формате, читалась какой-то женщиной, у которой она была отобрана полицейским агентом; после этого сборище рассеялось"²⁹¹. В том же отчете, под другой рубрикой, находим новое упоминание об "Изложении доктрины"; по выражению отчета, оно "расклеено по всем углам Парижа"²⁹². Расклейка прокламации повторялась несколько раз, по крайней мере газета "Courrier Republicain" от 24 жерминаля сообщает:

²⁸⁵ Aulard. Ук.соч. Т.III, стр.1.

²⁸⁶ Там же. стр.7.

²⁸⁷ Там же. стр.22.

²⁸⁸ Там же, стр.58.

²⁸⁹ Aulard. Ук.соч. Т.III, стр.59.

²⁹⁰ Там же, стр.93.

²⁹¹ Там же, стр.110.

²⁹² Там же.

"Люди из Пантеона нагледят с каждым днем... Вчера они прибывали к стенам в предместьях, на Гревской площади и в других местах возмутительную прокламацию, составленную Бабефом и содержащую изложение его доктрины. Та же прокламация, напечатанная в маленьком формате, раздавалась женщинами в уличной толпе, становящейся с каждым днем все более многолюдной. Так, одна из этих женщин поднялась на стул в саду Тюльери и читала вслух бунтовщическое воззвание Бабефа. Стража пыталась положить конец подобному бесчинству, но услужливые пантеоновцы дали возможность скрыться женщине-оратору"²⁹³. Та же газета от 25 жерминаля дает необычайно красочное, хотя и насквозь враждебное описание уличной агитации бабувистов: "Встречаются четверо или пятеро пантеоновцев, они начинают говорить между собою об общественных делах, оплакивают народную нужду; к ним присоединяются уличные зеваки; подходят вязальщицы-робеспьеристки; начинаются жалобы на тиранию торговцев, на роялистские заговоры, но главным образом на деспотизм пяти королей и шуанов из двух Советов... Такое сравнение крепко засело в головах многочисленных невежд, и вот начинаются разговоры о свободе и равенстве... Комментируют Шале, Антонелля, Бабефа. Восхваляют блага, которые могли бы установиться в случае общности имуществ и доходов с промышленности. Наконец, все время проклинают день 9 Термидора. Говорят о счастливых днях неподкупного Робеспьера. Он одергивал богатых; он давал хлеб народу; он поддерживал курс ассигнат; он платил деньги рабочим; он массами гильотинировал аристократов; одним словом — все было лучше во времена Робеспьера"²⁹⁴. Газета возмущена этой "варварской и анти-социальной пропагандой" и заканчивает статью выражением живейшего беспокойства по поводу надвигающихся событий. Таковую же тревогу бьют полицейские рапорты: "«Изложение доктрины Бабефа» читается при аплодисментах слушателей, преимущественно рабочих; прокламация эта оживленно обсуждалась в течение вчерашнего дня в Антуанском предместьи, новые экземпляры были вывешены сегодня ночью, часть их удалось убрать в течение утра"²⁹⁵. Так же бойко идет распространение остальной литературы заговорщиков, в особенности "Просветителя народа". В кафе распевают "Песнь предместий", сочиненную Сильвеном Марешалем. Еще 28-го жерминаля (17 апреля) находят на рынках всё новые экземпляры "Изложения доктрины"²⁹⁶.

Даже из полицейских отчетов ясно, что деятельность агентов Тайной Директории носила чрезвычайно организованный и систематический характер. В основу их работы был положен ряд инструкций. Так, инструкция от 12 жерминаля (1 апреля) предусматривала создание в каждом районе одной или нескольких групп патриотов, которые должны были заняться чтением газет и беседами на политические темы. Инструкция от 19 жерминаля (8 апреля) предписывала, между прочим, революционным агентам "подсчитать число мастерских в их районе, выяснить количество занятых в них рабочих, характер их работы и т.д."²⁹⁷ В той же инструкции был преподан ряд указаний технического порядка: о приискании конспиративных квартир, о самообложении патриотов, о составлении списков полицейских шпионов, об организации агитаторов и расклеивщиков прокламаций Тайной Директории.

И цитированный только-что параграф инструкции, и самый характер бабувистской пропаганды, засвидетельствованный в полицейских отчетах, доказывают, что в поисках социальной базы заговорщики прежде всего обратились к рабочему классу столицы. Недаром Буонаротти считал "рвение пролетариев единственной опорой равенства". Сообразно с этим, главные усилия заговорщиков сосредоточены были на агитации в рабочих предместьях. 24-го жерминаля (13 апреля) агент XII округа Дюруа доносил о двух красильнях, расположенных в его округе, одной с 80-тью, другой с 30-тью рабочими, "всё добрыми санкюлотами", и о двух десятках кожевенных мастерских, с числом рабочих от

²⁹³ Aulard. Ук.соч. Т.III, стр.111.

²⁹⁴ Там же, стр.114—115.

²⁹⁵ Там же, стр.122.

²⁹⁶ Там же, стр.124.

²⁹⁷ Deville. Ук.соч., стр.307. Deville цитирует "Copie des pieces saisies dant le local, que Babeuf occupait lors de son arrestation. Т.II, стр.173.

15 до 50 человек, настроенных не менее решительно²⁹⁸. В тот же день агент V округа Гильом доносил: "Мне удалось найти несколько мастерских; теперь мы заняты обработкой рабочих; усердие и энергия моих людей подают мне большие надежды"²⁹⁹.

Кроме рабочих, кроме пролетарского населения, Директория рассчитывала также отчасти и на армию. Бабеф великолепно отдавал себе отчет в том, какую роль должна была сыграть регулярная вооруженная сила в момент восстания. Мы помним его "Обращение к армии", помним ряд отрывков из "Трибуна Народа", в которых он взывает к "защитникам отечества". Тайная Директория обратила самое пристальное внимание на надлежащую подготовку агитации в войсках. Она сейчас же назначила специальных военных агентов. Пропагандистская работа заговорщиков стала вскоре сказываться на настроении некоторых частей, расквартированных в Париже, в частности полицейского легиона и гренадер, охранявших Законодательный Корпус. С полицейским легионом дело обстояло настолько серьезно, что 9-го флореаля (28 апреля) Директория распорядилась вывести из Парижа два наиболее недисциплинированных батальона. Этот приказ вызвал формальное неповиновение среди легионеров и чуть-было не ускорил ожидавшийся кризис. Организованный в полицейском легионе комитет даже успел войти в сношения с Тайной Директорией. Среди народных масс Парижа этот эпизод вызвал самый живейший отклик. "В предместьи Марсо говорили, что полицейский легион составлен из настоящих патриотов, подобных французским гвардейцам 1789 года, преданных народной партии и удаленных из Парижа за то, что они служили народу"³⁰¹. Но волнения были в корне пресечены приказом Директории о роспуске непослушных легионов. Этому приказу легионеры, по выражению Буонаротти, подчинились с радостью. Момент для восстания был упущен.

Впрочем, это обстоятельство не могло ослабить пыл заговорщиков. Тайная Директория решила поставить в порядок дня выработку плана восстания. С этой целью 11-го флореаля (30 апреля) в заседание Тайной Директории были вызваны Фион, Жермен, Россиньоль, Массар и Гризель — "военспецы" будущего восстания; кроме них присутствовали Бабеф, Буонаротти, Дебон, Дартэ, Марешаль и Дидье. На этом заседании был образован особый Военный Комитет, включивший в свой состав пятерых военных, перечисленных выше.

Уже 15-го числа Комитет, разобравшись в данном ему Тайной Директорией поручении, смог доложить ей о результатах своих работ. Два проекта привлекли особенное внимание Тайной Директории. В одном предлагалось воспользоваться поддержкой роялистов для свержения существующего правительства. Он был забракован в виду принципиальной недопустимости хотя бы временного блока с монархической партией. Второй проект заключался в том, что два офицера из полицейского легиона предлагали убить в ту же ночь членов Исполнительной Директории. Он также не был принят в виду неподготовленности заговорщиков к его немедленному осуществлению. Не было денег, да и Военный Комитет не нашел еще способов поднять народное движение повсюду и одновременно. В то же время руководители Комитета дали понять Тайной Директории свои якобинские симпатии, и на очереди стал вопрос о переговорах с якобинцами. Мы уже знакомы с ходом переговоров и знаем, что они, в конце концов, увенчались успехом. На объединенном заседании 19 флореаля (8 мая) от имени Военного Комитета выступил Массар. Военный Комитет предлагал сформировать в двенадцати округах Парижа три дивизии (divisions), которые под начальством своих генералов должны были атаковать Законодательный Корпус, Исполнительную Директорию и штаб внутренней армии. "Передовые взводы должны были быть составлены из самых горячих демократов; общее нетерпение достигло таких размеров, что казалось нетрудным поднять рабочих призывом со стороны революционных агентов и деятельных друзей равенства"³⁰⁰.

²⁹⁸ Там же, стр.308. Цитата взята отсюда же. Т.I, стр.278 и 279.

²⁹⁹ М.Доманже. Бабеф, стр.41.

³⁰¹ Буонаротти, стр.118.

³⁰⁰ Aulard. Ук.соч. Т.III, стр.152.

После того, как объединенное заседание постановило ускорить развязку заговора, 20-го флореаля состоялось новое собрание, на котором заговорщики обсуждали различные вопросы, связанные с тактикой восстания. Собрание имело место у Массара, на нем присутствовали Дартэ, Дидье, Жермен, Фион, Массар, Россиньоль, Гризель и все районные агенты. Здесь каждый выступал с предложениями, могущими, на его взгляд, обеспечить успех заговора. Предлагалось забаррикадировать Антуанское предместье, захватить в самом начале восстания Монмартрскую возвышенность, обеспечить подочным мостом сообщение между предместьями Антуан и Марсо. Интересовались даже подземными ходами из Люксембургского дворца, по которым могли бы скрыться члены Исполнительной Директории. "Бодсон, агент 11-го района, выражал желание, чтобы восстание произошло в тот день, когда праздник декады будет совпадать с воскресеньем; таким образом было бы удобнее собрать рабочих, еще привязанных к христианским обрядам, а также лиц, отказавшихся от них"³⁰². Все агенты подтверждали, что нетерпение дошло до крайности и является почти всеобщим, однако Военный Комитет счел данные, сообщенные ему агентами, недостаточными и назначил новое собрание на утро следующего дня. Оно должно было состояться на квартире Дюфура в предместья Пуассоньер.

Мы видим, с какой тщательностью и осторожностью велись все подготовительные работы заговорщиков. Наученные опытом революции, они больше всего опасались пучизма, вспышкостельства. Этому примером может служить обращение Тайной Директории к своим агентам от 18 флореаля, в котором, между прочим, говорится следующее: "Мы удовольствуемся тем, что сообщим вам, что, по рассмотрении находящихся в нашем распоряжении средств к нападению, мы сочли их всё еще недостаточными, и это именно заставляет нас удерживать патриотический порыв, могущий, в противном случае, стать сигналом окончательной гибели демократов; ужасные уроки жерминаля и прериала должны всегда быть перед глазами республиканцев; тем более, что достаточно еще одного такого урока, чтобы погубить их навсегда"³⁰³.

Объединение с якобинцами, оптимистические доклады агентов, наконец решимость Военного Комитета — все это не могло не оказать решающего влияния на членов Тайной Директории. Теперь они рассчитывали на успех. Они видели в своем распоряжении не менее 17000 человек, включая в это число 4000 революционеров, 1500 должностных лиц робеспьеровского режима, 1000 артиллеристов, 500 смещенных офицеров, 1000 революционеров из провинции, 1500 гренадеров Законодательного Корпуса, 500 военных арестантов, 6000 полицейских легионеров, 1000 инвалидов. Оружие заговорщики рассчитывали захватить у ружейных мастеров, в центрах секций, в Тюльери, у фельянов и у инвалидов. Кроме того, они надеялись на артиллерию преданного им Венсеннского лагеря. Заговорщики полагали также, что войска присоединятся к народу и внезапность самого выступления вызовет панику в правительственном лагере.

Самый день восстания рисовался им в следующих чертах. Рано утром в предместьях Парижа начнет бить набат. Тотчас же повсюду зазвучат трубы. Об этих трубах Директория позаботилась в одной из своих инструкций, наказав своим агентам раздобыть их в возможно большем количестве³⁰⁴. Тотчас после этого агенты, которым Повстанческий Комитет вверит знамена с надписью: "Конституция 1793 года или смерть, равенство, свобода, общее благо", обнародуют акт восстания. Эти же агенты станут во главе отдельных взводов, секций и округов и приведут свои отряды под команду трех генералов (заговорщики имели в виду Фиона, Жермена, Россиньоля и Массара). Начальники округов представляют, кроме того, в распоряжение Повстанческого Комитета по десяти хорошо вооруженных санкюлотов каждый: эти санкюлоты образуют гвардию Комитета и, в случае неуспеха восстания, погибнут вместе с ним под "развалинами свободы".

³⁰² Буонаротти, стр.120.

³⁰³ A.Espinas. La philosophie sociale du XVIII siecle et la revolution, стр.293.

³⁰⁴ A.Espinas. Ук.соч. стр.282, 289.

Когда таким образом окончательно сформируется народная армия, она, поддержанная всем рабочим классом столицы, двинется к Законодательному Корпусу, к Исполнительной Директории и к штабу внутренней армии. Наилучшие вооруженные граждане должны будут захватить склады оружия. Будут также заняты: национальное казначейство, почта, дома министров и все общественные и частные магазины с жизненными припасами и военным снаряжением Гренельский и Венсеннский лагеря также поддержат восстание. Ораторы должны увлечь за собой солдат, женщины будут им раздавать цветы и съестные припасы, инвалиды — подавать пример доблестного поведения. На случай временной заминки приняты меры к заграждению улиц. Правительственные войска будут облиты водой, смешанной с купоросом, засыпаны градом камней и черепиц. После достижения окончательной победы повстанцы обратятся к народу с воззванием, разъясняющим смысл и значение происшедшей революции.

Всякое сопротивление будет жестоко караться. Предполагается убийство всех членов Исполнительной Директории. В их квартиры заговорщики должны проникнуть с помощью своих приверженцев из состава стражи, охраняющей Директорию.

Акт восстания и все другие акты, подлежащие опубликованию в этот день, будут подписаны Повстанческим Комитетом Общественного Спасения. Это название принимается Тайной Директорией в память робеспьеровского правительства и для избежания всякого сходства, даже в наименовании, с учреждениями конституции III года. Повстанческий Комитет возьмет на себя инициативу и исполнение революционного законодательства, иначе говоря — он станет правительством революционной диктатуры.

Таков общий план намеченного восстания. Посмотрим теперь, как рисовали себе заговорщики организацию республики, какими средствами думали они добиться установления фактического равенства.

Когда мы занимались просмотром "Трибуна Народа", нам с несомненностью удалось установить коммунистический лейтмотив агитации Бабефа. Но этот лейтмотив иногда бывал затушеван. Теперь, когда мы ознакомились с историей заговора Равных, нам должны стать ясны скрытые пружины, господствовавшие над стилем и содержанием бабефовской агитации. Надо было привлечь на свою сторону армию, надо было частью использовать, частью нейтрализовать мелкую буржуазию, надо было не терять сносных отношений с якобинцами. И, при всем том, надо было дать почувствовать то принципиально новое, что несла с собой замышлявшаяся Равными революция, то, что составляло глубоко принципиальное различие между нею и всеми предыдущими переворотами. Надо было сохранить в неприкосновенности и пронести сквозь лабиринт политической и технической подготовки заговора основные коммунистические лозунги движения.

Главные документы бабувистской агитации — это, на-ряду с изученным нами "Трибуном Народа" и отчасти "Просветителем народа", — "Изложение доктрины Бабефа", одобренное и отредактированное самим Бабефом, и пропагандистская брошюра "Ответ на письмо, подписанное М.В.", принадлежащая всецело его перу. "Изложение доктрины" резюмирует в 15 пунктах социально-философские предпосылки бабувизма. Здесь встречаются уже знакомые нам положения об естественном равенстве всех людей; об истинной цели общежития, заключающейся в охране этого равенства; о возложенной природой на всех людей обязанности трудиться. Коммунистические лозунги Бабефа формулированы в следующих выражениях:

"4. Труд и потребление должны быть общими для всех.

"6. Никто не может присвоить земельную и промышленную собственность исключительно себе, не совершая тем самым преступления.

"7. В истинном обществе "не должно быть ни богатых, ни бедных.

"10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье..."³⁰⁵

Последние четыре параграфа "Изложения" суммируют политические лозунги восстания, сводя их к требованию конституции 1793 года

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

³⁰⁵ Буонаротти, стр.182.

"Ответ на письмо, подписанное М.В.", крайне любопытен тем обоснованием, какое дает в нем Бабеф лозунгу общего труда и общего потребления. Его главные аргументы таковы:

1) общий труд увеличит богатство общества... 2) равномерное распределение труда ...освободит от невыносимого бремени тех, кого мы обрекли исключительно на истощение своих сил...³⁰⁶ Бабеф решительно протестует против опасений М.В. за судьбу искусств. Он подчеркивает, что не может быть и речи о нивелировке вкусов и склонностей, о возвращении к состоянию варварства. "При нашем эгалитарном устройстве, — пишет Бабеф, — искусство получит новые импульсы, в виду полезности для всего общества, и примет возвышенный отпечаток великих чувств, естественно порождаемых широким содружеством счастливых людей. Граждане будут хорошо питаться, одеваться, пользоваться развлечениями на началах равенства и умеренности; и из всех государств одна только коммунистическая республика будет богата, блестяща и всемогуща... Наука и искусство ... быстро стряхнувши с себя иго лести и эгоизма меценатов, начнут служить исключительно интересам всего общества. Место фривольных поэм, неказистой архитектуры и бесцветных картин займут цирки, храмы и прекрасные портики, где верховный народ, ныне живущий в худшей обстановке, чем домашние животные, станет черпать в памятниках и философских творениях знание, пример и любовь к мудрости.

"В этом увлекательном плане, прелести которого я набрасываю здесь лишь в самых общих чертах, мы найдем разрешение проблемы: найти такое устройство, при котором каждый человек при минимальной затрате труда мог бы пользоваться величайшими удобствами жизни"³⁰⁷.

В качестве переходных мер к полному коммунизму, Бабеф предлагает сосредоточить все наличные богатства в руках республики; сделать труд обязательным; дать общественно-полезное назначение всем отраслям хозяйственного труда; собирать в общественные склады все продукты земледелия и промышленности; озаботиться равномерным их распределением; положить конец всякой частной собственности и торговле; заменить торговлю рациональной системой распределения; поручить это дело органам государственной власти; и, наконец, основать воспитательные дома, в которых дети будут приучаться к труду.

В идеальном общежитии труд, таким образом, "сделается приятным и веселым занятием, уклоняться от которого ни у кого не будет ни охоты ни интереса", а научный прогресс получит мощный стимул в виде "серьезного и искреннего чествования обществом своих благодетелей-ученых".

Наконец, Бабеф опровергает и последние аргументы М.В. — необходимость правительства и слишком крупные размеры территории республики. Весь правительственный механизм будет чрезвычайно прост, работники его не смогут получать большего вознаграждения, чем остальные граждане. Труд будет распределяться сообразно с местными условиями. Равномерное распределение также будет легко налажено мудрой властью, свободной от помех, налагаемых в настоящее время своекорыстной алчностью правящих и управляемых. Наконец, совершенно исчезнут крупные города, "эти скопища всех пороков"; промышленная деятельность сблизится с земледелием; Франция покроется сетью счастливых деревень; ее жители будут отличаться страстной привязанностью к своему — социалистическому, сказали бы мы теперь — отечеству; общество избавится окончательно от тяготеющих над ним зол; законодательство превратится в искусство просвещать народ и давать ему полезные развлечения.

Как видим, "Ответ М.В." — это крупнейший шаг на пути конкретизации коммунистического идеала Бабефа. После ознакомления с этим документом становятся совершенно ясны мотивы, по которым был отвергнут изготовленный Маршалем "манифест Равных". У Бабефа народилось очень отчетливое представление о том гигантском росте производительных сил, который последует после установления коммунизма.

³⁰⁶ Бабеф. Учение Равных, стр.67.

³⁰⁷ Там же, стр.68, 69.

Его оптимистический взгляд на коммунизм, как на новую, высшую ступень человеческой культуры, решительно не мог примириться с чисто руссоистской готовностью Марешаля пожертвовать "искусством" во имя равенства. Для Бабефа не существовало больше этого противопоставления равенства, коммунизма — и культуры, которое, очевидно, продолжало занимать Сильвена Марешаля. Точно так же выставленное в "манифесте" требование упразднения "возмутительного деления на правящих и управляемых" не могло придти по вкусу Бабефу, предполагавшему установить коммунизм средствами государственной диктатуры и в самой коммунистической республике сохранить правительственный аппарат, правда — сильно упрощенный и урезанный в своих функциях. Характерно также, что сохранение и развитие наук и искусств у Бабефа поставлено в связь с ростом производительных сил общества. Впрочем, уподобление, на этом основании, воззрений Бабефа марксистскому учению о базисе и надстройке было бы актом непростительной вульгаризации. Вспомним только начертанную Бабефом схему развития науки. Прогресс науки определяется исключительно одним фактором — честолюбием ученых. Коммунистическое общество может лучше других общественных структур удовлетворить "это честолюбие в форме искренних и серьезных чувствований". Нам кажется, что схема эта достаточно далека от марксизма, так далека, что на этом вопросе можно больше и не останавливаться.

Следующий документ, на котором нам придется остановиться, это "акт восстания". Это — документ, в некоторых отношениях окончательно расшифровывающий, окончательно переводящий на язык революционной практики теоретические основоположения бабувизма. Но в то же время вводная часть "акта", мотивирующая самое объявление восстания, отличается некоторой бледностью и расплывчатостью своего содержания. Речь идет главным образом о конституции 1793 года, о мятежной партии, узурпировавшей народный суверенитет, о "гносном кодексе", названном конституцией 1795 года. Об экономическом кризисе говорится в самых общих выражениях. О рабочем классе, как самостоятельной социальной категории, вообще ничего не упоминается. "Нищета народа", "алчность богачей", "несчастные, уже два года умирающие с голоду" — вот и все, что можно найти в этой вводной части касательно социальной основы провозглашаемого восстания. Эта неясность формулировок носит, несомненно, самый нарочитый характер. Революция, по мнению бабувистов, должна была проделать несколько этапов, и на первом из них было бы излишне и даже опасно раскрывать до конца ее социальное содержание. Кроме того, хотя "акт" и был составлен до начала переговоров с якобинцами, авторам его приходилось учитывать настроение этих возможных союзников справа. После благополучного завершения переговоров в текст "акта" были внесены два дополнения. В одном мотивировался созыв Конвента, в другом — пополнение состава Конвента представителями демократов из департаментов. В самом тексте "акта" из 20 статей — 13 излагают порядок самого восстания. Их содержание было нами реферировано выше, когда мы излагали принятый заговорщиками план "дня". Остаются статьи с перечнем социально-экономических мероприятий, долженствующих быть принятыми в самый день восстания. Любопытно ознакомиться с этим абрисом экономической политики бабувистов. Не забудем только, что мы имеем дело с текущими мерами, продиктованными потребностями восстания, а не с той широкой общественной реформой, какую Бабеф наметил в своем "Ответе М.В.". Прежде всего заговорщиков интересует вопрос продовольственный. В обстановке тяжелого экономического кризиса, переживавшегося Парижем, разрешение этого вопроса неминуемо становилось вопросом жизни и смерти для правительства победивших заговорщиков. Ст.15 "акта восстания" декретирует: "Все булочники мобилизуются для непрерывного изготовления хлеба, который будет раздаваться народу даром; они получают плату соответственно своим требованиям"¹. Таким образом, заговорщики прибегают к испытанному средству из арсенала робеспьеровской диктатуры, к объявлению "под реквизицией" нужной им категории рабочих, в данном случае булочников. Однако, обеспечив народ главным предметом питания — хлебом, заговорщики идут дальше. Они отлично понимают необходимость дать трудящимся массам осязательное, материальное доказательство того факта, что революция совершается действительно в их пользу.

Ст.17 "акта" декретирует раздачу всего имущества эмигрантов и врагов народа защитникам отечества и беднякам, вселение бедняков (*malheureux*) в дома врагов народа с наделением их необходимой мебелью и, наконец, безвозмездное возвращение народу вещей, заложенных в ломбард. Кроме того, обещается обеспечение членов семей героев, павших во время восстания, и помощь преследуемым патриотам. Эта программа лишней раз подчеркивает революционный реализм заговорщиков, их умение трезво учесть существующие обстоятельства. Правда, в ней нет ничего коммунистического, но зато как осознана необходимость сразу создать резкий перелом в условиях материального быта трудящихся масс! По справедливому замечанию В.П.Волгина, "трудно себе представить, чтобы кто-либо из дореволюционных коммунистов задумался над подобными проблемами. Для этих чистых теоретиков практически-революционные задачи просто не существовали. Здесь впервые в истории коммунизма нового времени ставятся они с полной отчетливостью и резкостью"³⁰⁸. Каждый из изложенных выше пунктов "акта" получил свое дальнейшее развитие в истории революционных движений. Парижская Коммуна 1871 года постановила отменить продажу заложенных в ломбардах вещей. А Октябрьская революция в России пошла далеко вперед по пути разрешения жилищного вопроса в духе, намеченном статьей 17-ой "акта о восстании".

Бросается в глаза также и статья 18-ая "акта: "Общественная и частная собственность ставится под охрану народа"³⁰⁹. Эта статья опять-таки продиктована не только желанием предотвратить излишние и вредные для дела эксцессы, но и прямо направлена на то, чтобы рассеять страхи мелкой буржуазии. Лишний штрих в характеристике тактики бабувистов, рассчитанной на использование оппозиционных настроений мещанского Парижа.

Любопытен также и комментарий, который дает Буонаротти изложенным статьям "акта": "Обещанием раздачи имуществ Тайная Директория привлекла внимание и поддерживала надежду в рабочем классе, не вызывая однако недоброжелательства тех, кто не видел в ненависти к новой аристократии достаточного основания для любви к равенству"³¹⁰. Очевидно, что мы имеем дело с неотложными мероприятиями, не исчерпывающими, конечно, тех задач в области экономической политики, которые должны были встать во весь свой рост перед заговорщиками. Действительно, мы знаем, что Тайная Директория прорабатывала проект законодательства по экономическим вопросам, долженствовавший стать настоящей конституцией новой, коммунистической республики. В первый же момент восстания должен был быть принят декрет, дававший на этот счет точную и определенную директиву будущему Национальному Собранию. В этом декрете "парижский народ" объявлял французскому народу:

"Что неравномерное распределение имущества и труда является неистощимым источником рабства и общественных бедствий.

"Что общеобязательный труд является существенным условием общественного договора.

"Что обладание всем имуществом Франции принадлежит по существу французскому народу, который один может определять и изменять его распределение"³¹¹.

Не ограничиваясь этим декретом, бывшим в сущности голой формулировкой нескольких принципиальных положений, Тайная Директория вырабатывала проект "экономического декрета". Проект должен был конкретизировать основные пункты, принятые "парижским народом". Это было то "законодательство равенства", о котором писал впоследствии Буонаротти. Бумаги Директории, содержавшие различные проекты и материалы этого законодательства, были уничтожены в тот самый день, когда выяснилась неудача всего предприятия³¹². Но Буонаротти, с помощью уцелевших фрагментов и отчасти по памяти, дает реконструкцию основных моментов замышлявшейся заговорщиками реформы.

³⁰⁸ В.П.Волгин. Ук.соч., стр.119.

³⁰⁹ Буонаротти, стр.101.

³¹⁰ Там же, стр.102.

³¹¹ Буонаротти, стр.103.

³¹² Buonarrotti. Babeuf u. die Verschwörung für die Gleichheit. Немецкий перевод. 1909 г., стр.182.

По правильному замечанию Буонаротти, надо было не только дать картину идеального общественного строя, но и выработать цикл переходных мероприятий. Уже этого достаточно, чтобы понять всю новизну задачи, стоявшей перед бабувистами.

Посмотрим теперь, как справились с заданием эти пионеры коммунистического законодательства. Прежде всего, за французским народом установлено право распоряжаться имуществом Франции. Как же использует он это право? На этот вопрос ответ дается в первой же статье "проекта экономического декрета". Она гласит: "В республике учреждается большая Национальная Коммуна"³¹³. Как явствует из дальнейшего текста, в эту Коммуну передаются непроданные национальные имущества, имущества, принадлежавшие врагам революции, имущества, отошедшие в казну по судебному приговору, здания, используемые в общественных целях к моменту издания декрета, общинные имущества, числившиеся таковыми до издания закона 10 июня 1793 года, имущества, принадлежащие больницам и учебным заведениям, имущества, перешедшие к бедным гражданам согласно "акта восстания", имущества лиц, добровольно покидающих республику, имущества лиц, обогатившихся при исполнении служебных обязанностей, и, наконец, имущества, не эксплуатируемые их собственниками. Обрисовав таким образом материальный базис Коммуны, декрет далее постановляет полную отмену права наследования и переход в Национальную Коммуну всего имущества частных лиц в случае их смерти. Статья 5-ая декрета устанавливает условия допуска в Национальную Коммуну. Может быть допущен всякий француз, если он предварительно откажется в пользу Коммуны от всего принадлежащего ему имущества и обязуется всецело посвятить Коммуне свою личность и свой труд. Далее устанавливаются две специальные категории граждан, являющихся по праву членами Коммуны. Это старики, достигшие 60-летнего возраста, инвалиды и юноши, воспитанные в национальных воспитательных домах. Кроме того, хотя вступление в Коммуну и является номинально актом добровольным, республика обращается ко всем "добрым гражданам" с призывом отчуждить свое имущество Коммуне. Помимо всего, с определенного срока доступ к гражданским и военным должностям предоставляется исключительно членам Коммуны. Коммуна гарантирует всем своим членам равный достаток. Все хозяйство Коммуны ведется совместными силами; труд обязателен. От него освобождаются только лица, достигшие 60-летнего возраста, и инвалиды. Для лиц, добровольно вошедших в Коммуну, устанавливаются известные ограничения. Если им свыше 40 лет, они освобождаются от особо тяжелой работы. В каждой общине, на которые распадается Коммуна, граждане делятся на несколько классов, сообразно своей специальности. Во главе каждого класса стоят выборные представители. Кроме того, все профессии делегируют своих уполномоченных в особый Совет Старейшин, заседающий при муниципальной администрации. Этот Совет является совещательным органом муниципалитета по всем вопросам, касающимся распределения и организации работ. Муниципальные власти наблюдают за ходом работ и дают соответствующую информацию высшим инстанциям Коммуны. Эта верховная администрация в свою очередь берет на себя распространение и усовершенствование машин и технических знаний, способных облегчить и в то же время интенсифицировать производственные процессы.

Коммуна гарантирует каждому своему сочлену:

"Здоровое, удобное и хорошо обставленное жилище.

"Платя для работы (мы бы сказали "производственную одежду") и для досуга из полотна или шерсти, как этого будет требовать форма национального костюма.

"Отопление и освещение.

"Необходимое количество предметов питания, как-то: хлеба, мяса, птицы, рыбы, яиц, масла, вина, овощей, фруктов, корнеев и других вещей, нужных для умеренного и здорового достатка.

"Медицинскую помощь"³¹⁴.

Павел Павлович ЩЁГОЛЕВ

ЗАГОВОР БАБЕФА

³¹³ Там же, стр.327.

³¹⁴ Buonarrotti. Babeuf und die Verschwörung... стр.330.

В Коммуне бабувистов вводится строжайший коммунизм потребления. Устраиваются общественные трапезы, участие в которых обязательно для членов Коммуны. Распределение хозяйственных благ производится общинной администрацией из общественных магазинов, в которые стекаются продукты труда членов общины. Но этим задача еще не исчерпана. Не забудем, что Национальная Коммуна — это целое государство, призванное в конечном счете охватить всю Францию. Отсюда необходимость установить рациональные основы трудового сотрудничества между отдельными общинами. Именно это сотрудничество и должно спаять разрозненные общины в единый производственный организм. Соответственно с этим, территория Коммуны разделяется на округа; округа охватывают группы департаментов, однородных по своей экономической структуре. Каждый округ имеет свою администрацию, являющуюся промежуточной инстанцией между верховными органами республики и департаментскими властями. Это районирование по территориально-экономическому признаку облегчает задачи верховной администрации, выполняющей в бабувистской Коммуне функции своеобразного "госплана". Этот "Госплан" определяет объем и характер работ, выпадающих на долю каждого округа. Что касается окружных властей, то они прежде всего регулируют хозяйственную жизнь департаментов. Дефицитные департаменты покрывают свой дефицит из излишков других департаментов.

То же имеет место и в отношении округов. Округа, обладающие избытком продуктов, уступают его округам недостаточным, дефицитным. Верховная администрация заботится также о снабжении армии и делает заготовки на случай неурожайных лет. При всем том, Национальная Коммуна бабувистов отнюдь не является самодовлеющей хозяйственной организацией. Бабувисты предусматривают необходимость хозяйственного обмена между их Коммуной и остальными государствами. Этот обмен предполагает организацию государственной монополии внешней торговли. Весь избыточный продукт Коммуны, предназначенный к сбыту на внешнем рынке, сосредоточивается в особых магазинах, расположенных на границах республики. Все торговые операции совершаются через посредство особых правительственных агентов. На-лицо аппарат нашего "внешторга" и наших "торгпредств". Особое внимание привлекает также и проблема транспорта. Транспорт — это настоящая кровеносная система всего хозяйственного организма Коммуны. Каждая община сполна обеспечивается необходимыми ей транспортными средствами. Высшая администрация наблюдает за рациональным использованием наличных средств. Коммуна, конечно, не знает никаких налогов и податей, но граждане, не входящие в ее состав, облагаются натуральным прогрессивным налогом. Общая сумма налога удваивается каждый год и затем распределяется между департаментами. В вопросе о долгах бабувисты склонны занять половинчатую позицию. Все долговые обязательства членов Коммуны, аннулируются. Аннулируется также и национальный долг; но зато продолжается уплата по долгам заграничным. Наконец, республика прекращает выделку денег. Деньги, которые окажутся в распоряжении Коммуны, будут затрачены на приобретение иностранных товаров. Ввоз золота и серебра прекратится совершенно.

Таков остов экономической программы бабувистов. Несомненно, что этот остов имеет своим прообразом законодательные схемы Морелли. Но также несомненно, что бабувисты подвергли эти схемы весьма основательному пересмотру. Нам кажется, что можно установить несколько пунктов, в которых бабувисты действительно ограничились простым заимствованием у Морелли. Так Морелли в своих "Распределительных законах" говорит: "Избыточные припасы каждого города, каждой провинции будут направляемы либо в те местности, где их может оказаться недостаточно, либо сберегаемы для будущих надобностей"³¹⁵. Это положение, несомненно, целиком использовано бабувистами, они именно так и мыслят себе устранение перебоев, могущих возникнуть из неравенства хозяйственного эффекта в рабою отдельных округов их Коммуны. Точно так же и бабефовский "внешторг" кажется нам навеянным одной из статей законодательства Морелли.

³¹⁵ Морелли. Ук.соч., стр.94.

Все утопические системы, возникавшие в эпоху торгового капитализма, мыслили себе коммунистическую общину строго изолированной от внешнего мира. В эпоху, не знавшую самого понятия мирового хозяйства, трудно было отвлечься даже при построении утопического проекта от известной национально-государственной ограниченности. При разрешении вопроса о взаимодействии между Коммуной и окружающей ее некоммунистической средой, утописты всегда наталкивались на мысль об опасности, угрожающей коммунистической общине со стороны торговли, торгового обмена с чужими нациями. Но в то же время почти все они признавали этот обмен неизбежным. "Утопийцы" Томаса Мора вывозят все остающиеся у них продукты, при чем одну седьмую часть всего своего экспорта они "дают в дар туземным беднякам, а остальные продают по умеренной цене"³¹⁶. Домой они привозят нужные им товары, а также большие количества золота и серебра. Впрочем, последнее не играет у них роль мерила ценности и, вообще, не имеет никакой цены. Именно это обстоятельство и делает для утопийцев безопасной поддержку торговых отношений с внешним миром. У Кампанеллы "солярии ведут мало торговли... они не берут денег с купцов, скупающих у них избытки их товаров, но меняют свои товары на другие, в которых нуждаются"³¹⁷. Наконец, по Морелли, внешняя торговля "будет происходить путем обмена и при посредстве граждан, которые обо всем будут докладывать публично. Но притом будут приняты все меры, чтобы такая торговля не занесла в республику ни малейшей собственности"³¹⁸. (В скобках заметим, что эта проблема занимала и одного из современников Бабефа, а именно немецкого философа Фихте, который в своем "Замкнутом государстве" дал очень ясную картину изолированного хозяйственного организма, строящего свои взаимоотношения с внешним миром на основе планомерно организованной монополии внешней торговли. Фихте предлагал изъять из обращения находящиеся на руках у граждан мировые деньги, т.-е. золото и серебро, и обменять их на новые туземные деньги, не имеющие обращения на мировом рынке. "Торговля при посредстве денег между туземцами и иностранцами стала бы невозможной. Мог бы остаться еще только обмен товара на товар, этот обмен уже по причине своего неудобства не может сильно развиваться"³¹⁹. Таков примерно круг идей, характерных для утопического социализма, из которого и бабувисты почерпнули проект своего "внешторга". Им эти идеи стали близки, конечно, через Морелли, через "Кодекс природы". Есть и ряд других деталей, почерпнутых прямо из "Кодекса": таково, например, постановление о двух платьях — рабочем и праздничном, причитающихся каждому гражданину. Но есть, впрочем, и существенные отступления от Морелли. Так бабувисты были, очевидно, сторонниками дезурбанизации, превращения городов в крупные, цветущие села Морелли, наоборот, делает города основными единицами своей Коммуны. У Морелли сохраняется также деление нации на семьи и роды. От всей этой "патриархальщины" у бабувистов остался только институт "Совета Старейшин". Провести надлежащую демаркационную линию между Бабефом и Морелли совсем не так трудно. Из всего "Образцового законодательства" Бабеф использовал "законы основные и священные", "законы распределительные" и отчасти "законы полицейские" и о "роскоши". Таким образом, вряд ли прав В.П.Волгин, когда он утверждает, что "в самом плане построения Коммуны бабувизм не дает ничего значительно нового и интересного по сравнению с достаточно детально разработанными положениями Морелли"³²⁰. Ну, а "Госплан", этот верховный регулятор всего общественного хозяйства? Ну, а "внешторг"? Ведь Морелли сумел только упомянуть об опасностях внешней торговли, он дал толчок, но сама мысль бабувистов облеклась в достаточно оригинальную и интересную форму. Даже, если рассматривать Национальную Коммуну чисто статически, можно найти достаточно интересных черт в ее конструкции.

³¹⁶ Т.Мор. Утопия, стр.69. (Приложение к книге Е.В.Тарле. "Общественные воззрения Т.Мора").

³¹⁷ Т.Кампанелла. Город солнца. Русск. перевод. 1907 г., стр.52.

³¹⁸ Морелли. Ук.соч., стр.84.

³¹⁹ И.Г.Фихте. Замкнутое торговое государство. Русск.перевод. 1923 г., стр.140—141.

³²⁰ В.П.Волгин Ук.соч, стр.1.

Необычайно отчетливо выступает увязка между преобразованием общественной структуры и подъемом производительных сил, ростом ее технической базы. Но самое важное — это та "динамика общественного переустройства", на которую впервые обратили внимание бабувисты. "Для бабувистов, — по справедливому замечанию В.П.Волгина, — вопрос о том, как, в какой последовательности перестраивать общество, должен был получить несравненно большее значение, чем решенный уже учителями вопрос о том, какова конечная цель этой постройки"³²¹. У бабувистов мы находим полное сознание трудности и сложности этой задачи, сознание необходимости соблюдения известной постепенности в ее разрешении. Коммуна составляет часть республики, она последовательно расширяет свою периферию и поглощает остаток государства, остающийся за ее пределами. Конечная цель этого процесса — полное отождествление Коммуны и государства, превращение государства в настоящую коммунистическую республику.

Посмотрим теперь, каковы те политические средства, с помощью которых должно быть обеспечено благополучное завершение процесса последовательной "коммунизации" государственного организма. Представление об этих средствах дает фрагмент полицейского декрета, помещенный у Буонаротти. Согласно этому декрету, все население республики делится на граждан и иностранцев. В категорию граждан зачисляются исключительно трудящиеся, занятые общепольным трудом. Польным же трудом считаются: земледелие, скотоводство, рыболовство, судоходство, механические и ремесленные мастерства, мелочная торговля, работа при транспорте, военное дело, работа просветительная и научная. Впрочем, работники умственного труда нуждаются в особом удое говорении, в гражданском свидетельстве, устанавливающем действительную полезность их труда. Все политические права составляют монополию трудящихся. Иностранцы лишены права посещать общественные собрания, они находятся на положении подозрительных, под постоянным надзором властей, они могут во всякое время быть заключены в особые исправительные лагеря, они не имеют права носить оружие и караются смертной казнью за нарушение этого постановления. Наконец, на островах Маргариты и Онорэ, Пера, Олерон и Рэ, согласно статей 17—18 декрета, учреждаются особые исправительные лагеря; туда должны отсылаться на общественные работы все подозрительные и социально-опасные элементы. Острова должны стать недоступными, и их администрация — непосредственно подчиненной правительству. Впрочем, у высланных не отнимается надежда на возвращение в республику, они должны для этого проявить прилежание в работе и хорошее поведение.

Таковы политические условия задуманного переустройства. Как видим, в республике бабувистов последовательно осуществляется принцип политического господства, политической диктатуры трудящихся. Именно поэтому "полицейский декрет" и является, может-быть, самым значительным, самым интересным документом заговора. И здесь Бабеф протягивает руку нашей современности, запечатленной в статье 14 ныне действующей конституции РСФСР.

У Буонаротти мы находим, кроме изложенного отрывка, также несколько страниц его собственных рассуждений о политических планах заговорщиков. Он делает ударение на тех поправках, какие были ими внесены к конституции 1793 года. Между этой работой по исправлению и приспособлению конституции 1793 года и "полицейским декретом" есть, на первый взгляд, известная невязка. Предлагавшееся декретом деление на иностранцев и граждан в корне ломало всю якобинскую постройку 1793 года. Но не забудем, что это было мероприятие характера временного, диктовавшееся обстановкой "переходного периода". В дополнение к конституции, по Буонаротти, предполагалось создать институт "охранителей народной воли". Вводился и целый ряд других изменений конституции. Так, на членов Национального Собрания возлагалась, в определенных случаях, ответственность за высказывавшиеся ими мнения. Принимался ряд гарантий против возможности захватнических поползновений со стороны народного представительства.

³²¹ В.П.Волгин. Ук.соч., стр.124.

Так, за первичными собраниями устанавливалось право законодательной инициативы. Предлагали даже разбить народное представительство на две палаты: одну — собственно законодательную, другую — для контроля за исполнительной властью. Кроме того, создавалось законосовещательное собрание в лице Сената. Сенат, состав которого должен был быть определен Повстанческим Комитетом, должен был позднее пополниться старейшинами, избранными на первичных собраниях. Вся эта архаическая конструкция, навеянная чтением Плутарха, классиков и отчасти все того же Морелли, вся эта пышная терминология, вошедшая потом в лексикон самых реакционных правительств буржуазной Франции, — все это свидетельствует лишь о некоторой наивности заговорщиков, об их увлечении формально-юридической стороной дела. Не забудем однако, что конституция 1793 года была лозунгом восстания. Если ее и можно было временно отсрочить благодаря установлению режима революционной диктатуры, то все же вопрос о ней должен был неминуемо выплыть после окончательной победы революции. Национальная Коммуна, не знающая неравенства, не знающая социальных антагонизмов, должна была стать политической демократией. В этой обстановке закрепленной победы и достигнутого равенства и могла найти применение конституция 1793 года, и естественно, что заговорщики искали средств к ее дальнейшему усовершенствованию.

Помимо этих основных политических и экономических проектов, существовали и другие, касавшиеся организации военного дела, воспитания юношества, народных празднеств. Существенное значение имеет лишь, пожалуй, "декрет о войсках", который, наряду со всеобщей воинской повинностью и обязательной пятилетней службой в войсках, устанавливает выборность командного состава. Соответственно с принципами общественного преобразования, и здесь предусматривается замена денежного довольствия начальным военным пайком. Воспитание юношества должно было общенациональным, всеобщим, равным. Государство должно было раз навсегда изъять это дело из рук семьи и взять его в свои. Соответственный проект бабувистов представляет, по замечанию самого Буонаротти, переработку проекта депутата Конвента Лепеллетье, выработанного еще в 1793 году. Бабувисты, конечно, учли те особенные задачи народного образования, какие выдвигались на первый план предстоящим общественным переворотом. Особенно тщательно подчеркнуто у них требование "действительного равенства" в воспитании. В общем образовании большое место уделено политическому просвещению. Оно охватывает историю, законоведение, топографию, естественную историю и статистику республики. Все эти дисциплины должны в совокупности дать гражданам представление "об оберегающей их силе и о мудрости учреждений, заставляющих все части столь большого целого принимать участие в счастье каждого индивида"³²². "Кроме того, должен был быть создан ряд семинариев, в которых гражданам преподавались бы основы морали и политики. Печать рассматривалась бабувистами, как самое мощное и верно действующее орудие пропаганды. Исходя из этого убеждения, они со строгой последовательностью вывели из него необходимость полной ликвидации так называемой свободы печати. Даже после установления режима равенства должно было сохраниться в силе запрещение высказывать в печати мнения, клонящиеся к ниспровержению равенства и народного суверенитета. Кроме того, предусматривалось печатание и распространение на государственный счет сочинений, получивших одобрение у "охранителей народной воли". Бабувисты предполагали также оказать всевозможное содействие дальнейшему усовершенствованию научных знаний. С этой целью особо одаренные юноши должны были поступать в распоряжение специальных уполномоченных "хранителей сокровищ человеческих знаний".

Павел Павлович ЩЁГОЛЕВ

ЗАГОВОР БАБЕФА

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

³²² Buonarotti, стр.242.

Мы исчерпали содержание реформаторской программы заговора Равных. Мы видели, как строго бабувисты проводили разграничение между двумя эпохами, двумя этапами революции: между переходным периодом организованной диктатуры трудящихся и царством фактического равенства. Это разграничение и вытекающие из него поиски переходных форм, переходных мероприятий, способных обеспечить и ускорить наступление второго периода революции, и составляют самую оригинальную, самую значительную черту всех этих реформаторских замыслов. Пожалуй, стоит еще упомянуть о проекте воззвания к французам, в котором должна была быть систематически изложена именно эта программа переходного периода. В этом воззвании предусмотрено: освобождение трудящихся от всех прямых налогов и пошлин, начиная с 1 вандемьера IV года, прогрессивное и натуральное обложение всех богачей, устройство общественных магазинов, отмена денежной оплаты труда, снабжение натурой семей неимущих защитников родины, предложение богачам добровольно отдать народу свои избытки. Мы знаем, что все это лишь предпосылки более глубокой реформы, лишь предвестники коренного преобразования общества. Бабувистам впервые раскрылась картина "переходного периода", им впервые пришлось думать о заполнении конкретным содержанием промежутка между падением старого строя и установлением полного коммунизма. И теперь, припоминая историческую обстановку, в которой пришлось действовать бабувистам, нельзя не признать, что они отнеслись с должным вниманием к этой абсолютно новой задаче, в разрешении которой они не имели учителей или предшественников. Классически-буржуазная революция конца XVIII века дала пафос и дерзание пионерам практического коммунизма.

Вернемся теперь к прерванному нами рассказу о ходе заговора.

Мы знаем, что в числе заговорщиков был капитан Жорж Гризель. Он был агентом Тайной Директории при Гренельском лагере. Гризель пользовался общими симпатиями заговорщиков. Вместе с другими военными он был несколько раз на заседаниях Тайной Директории.

15 флореаля (4 мая) Жорж Гризель, узнав имена главных заговорщиков, донес президенту Исполнительной Директории Карно о планах бабувистов. Он подписался вымышленным именем Арман и стал ждать дальнейших результатов своего шага.

Правительство в течение некоторого времени чувствовало, что дело обстоит неладно. "Спокойствие Парижа только кажущееся", — доносила ему полиция. В Париже было слишком душно в эти майские дни 1796 года. Все предвещало грозу, и Карно ни на минуту не усомнился в правдоподобности того, о чем писал Арман-Гризель. Он принял его лично и выразил ему благодарность от имени правительства.

Вечером 17 флореаля (6 мая) министр полиции, недавно назначенный на этот пост, Кошон де-Лаппаран, принял человека, предъявившего ему записку директора Карно следующего содержания; "Гражданин министр! Посылаю к вам гражданина Гризеля. Он желает говорить с вами сегодня же вечером. Прошу вас выслушать его. Привет и братство. Карно". Выслушав самый подробный доклад Гризеля, министр полиции решил немедленно приступить к действию.

Первая попытка арестовать заговорщиков была произведена, как мы знаем, вечером 19 флореаля (8 мая). Полиция опоздала на несколько минут. Она застала Друэ, хозяина квартиры, и Дартэ. Кошон воздержался от их ареста, чтобы не ввести в подозрение остальных заговорщиков.

Действительно, Гризелю легко удалось обмануть Тайную Директорию. Если и возникли какие-либо подозрения, то они были направлены исключительно против Жермена.

Решено было отсрочить ликвидацию заговора на два дня. 10 мая члены Тайной Директории и Военного Комитета должны были собраться утром на квартире Дюфура. Предполагалось окончательно фиксировать день восстания. В это же утро Бабеф и Буонаротти должны были, на квартире Бабефа, заняться окончательной редакцией того воззвания к французам, о котором мы упоминали выше.

Эти утренние часы и были избраны Гризелем для нанесения решительного удара заговорщикам. Арест Бабефа был поручен инспектору полиции Оссонвилю.

В девять часов утра 21 флореаля (10 мая) 1796 г. Оссонвиль собрался в поход. Бабеф скрывался в квартире некоего Тиссо, в доме 21 по улице Grande-Truanderie. Прибыв туда, Оссонвиль подождал кавалерийского пикета. Чтобы не возбуждать волнений, он распустил слух, что дело идет о поимке воров. После этого он отправился за мировым судьей. Прошло целых два часа, а он не находил охотников сопровождать ему в его щекотливой миссии. Трое судей отказались. Наконец, он нашел четвертого и направился с ним к дому, оцепленному войсками и полицией. Было одиннадцать часов утра.

В это время Бабеф занят был редактированием 44-го номера "Трибуна Народа". И он и Буонаротти провели бессонную ночь. Кроме них в комнате находился некто Пилле, один из второстепенных участников заговора. Буонаротти переписывал начисто текст "Воззвания к французам". Он писал: "Повстанческий Комитет Общественного Спасения. Народ победил, тирании больше не существует, вы свободны...".

Между тем Оссонвиль со своими агентами вошел в дом, в коридоре послышались шаги. Буонаротти перестал писать. Внезапно дверь распахнулась, перед заговорщиками стоял Оссонвиль, окруженный полицейскими.

Предоставим теперь слово Оссонвилю. В своем донесении он пишет: "В этот момент самое мрачное отчаяние выразилось на лицах трех заговорщиков; у них как бы опустились руки; хотя они и были вооружены и в первый момент видели только меня, они не сделали ни малейшей попытки к сопротивлению.

Бабеф поднялся со своего сиденья, Буонаротти пытался спрятать какую-то бумагу, которую он, впрочем, тотчас положил на место... Потом Бабеф воскликнул: «Дело сделано: тирания, так тирания!» Несколько мгновений спустя, он спросил меня — почему я повинуюсь своим господам...»³²³

В то же время были арестованы заговорщики, собравшиеся у Дюфура.

Директория использовала раскрытие заговора для расправы с левой оппозицией. Тюремь быстро переполнились заключенными. Буржуазное общественное мнение столицы с удовольствием констатировало предусмотрительность Директории и рачительность ее полиции. Рабочие предместья сохранили полное спокойствие. Рабочий класс и сам по себе, в силу недостаточной экономической развитости Франции, не мог еще стать крупной социальной силой на арене общественной борьбы. Великая революция только расчищала пути дальнейшего развития капитализма. Но, кроме того, и самый исторический момент, выбранный бабувистами для реализации их планов, предопределял неизбежность жестокого крушения заговора. Революция была на ущербе. Самая высокая, самая мощная из ее волн давно разбилась об утесы достигнутого буржуазного благополучия. Рабочий класс, сыгравший роль инструмента буржуазной революции, нищий, голодный, пережил за истекшую зиму брожение, оставшееся бесплодным, бессильным выражением протеста, охватившего его при виде результатов совершившейся революции. Бабувистский заговор был последней попыткой поднять его к активной политической жизни. Неудача бабувистов окончательно обрекла рабочих на тоскливые будни, заполненные борьбой за насущный кусок хлеба.

Уже в первые дни после ликвидации заговора полицейские отчеты с удовлетворением констатировали безразличные и глубоко пассивные настроения парижского пролетариата. "Рабочий, — читаем в донесении от 27 флореаля (16 мая), — уже не смотрит на заговор, как на выдумку: читая о предлагавшемся ему грабеже, он пожимает плечами; он хорошо понимает, что разбойники, неизвестно откуда явившиеся, ограбили бы самого рабочего"³²⁴. Донесение от 28 флореаля, в котором высказывается предположение, что единомышленники заключенных сделают попытку к их освобождению, "подчеркивает спокойствие, царящее в предместьях"³²⁵. Очень кстати для Директории пришли известия о победах, одержанных Бонапартом в Италии.

³²³ P.Robiquet. L'arrestation de Babeuf. "La revolution francaise". Т. XXVIII, стр.309, 310.

³²⁴ Aulard. Ук.соч. Т.III, стр.189.

³²⁵ Там же, стр.192.

Несмотря на то, "что именно в мае, июне, июле положение рабочих и в Париже и в провинции становилось все хуже"³²⁶, о Бабефе ровно ничего не было слышно. В прериале месяце была сделана неудавшаяся попытка распространить памфлет, имевший целью разбудить народную жалость к Бабефу³²⁷. "Никто не интересуется Бабефом", — говорит донесение от 4 мессидора (22 июня)³²⁷. Более интереса возбуждал Друэ, участи которого посвящен был даже, летом 1796 г., особый романс.

Заговор Равных мог найти настоящую опору только в рабочем классе. Правда, головка заговора, по своему социальному положению, принадлежала к мелкобуржуазной интеллигенции. Правда, заговорщики стремились вовлечь в движение и мелкую буржуазию. "Соединимся, — говорил Повстанческий Комитет, — с мелкими собственниками, небогатыми торговцами, поденщиками, работниками, ремесленниками, всеми несчастными..."³²⁸ Но мелкая буржуазия могла играть только роль попутчицы революции. Сами заговорщики отлично сознавали это и, не имея еще ясного представления о пролетариате, как таковом, ориентировались на "трудящихся", на "бедных", на "рабочий люд"³²⁹. Нечего и говорить после всего этого, что предательство Гризеля было только поводом, а не причиной крушения заговора. Бабувисты имели крайне превратное представление о реальном соотношении общественных сил. Поэтому и все их расчеты и выкладки были в корне ошибочны. Методически разработав программу восстания, они страшно переоценили революционные возможности рабочего класса. Вряд ли бы бабувистам удалось захватить власть в Париже, даже на один день. Но, кроме всего, они глубоко ошибались и в своих расчетах на поддержку со стороны армии. Исход попытки якобинцев взбунтовать Гренельский лагерь в фруктидоре IV года, когда горсть мятежников была обманно завлечена в лагерь и там подвергнута беспощадному расстрелу, лучше всего указывает на перспективы, ожидавшие здесь бабувистов.

На этом месте мы свободно можем поставить точку. История судебного процесса в Вандоме — это только эпилог рассказанных нами событий. Попытаемся в нескольких строках передать содержание этого последнего акта жизненной драмы Бабефа.

Через два дня после ареста Бабеф написал письмо Исполнительной Директории, в котором он сделал попытку убедить директоров в необходимости изменить правительственную политику: "Граждане, члены Директории, управляйте в народном духе, — вот и все, чего требуют от вас эти же патриоты"³³⁰. Он даже гарантировал им в этом последнем случае поддержку всех патриотов. "Вы знаете, в какой мере имею я влияние на этот класс людей, я хочу сказать — на патриотов; я использую это влияние, чтобы убедить их, что, раз вы за народ, они должны быть с вами едины". Эта политически наивная попытка разговаривать с Директорией в качестве равноправной державы не привела ни к каким результатам. Очевидно, что еще в мае 1796 года Бабеф питал несбыточные иллюзии относительно действительного положения вещей.

Павел Павлович Щёголев

ЗАГОВОР БАБЕФА

³²⁶ Тарле. Ук.соч., стр.526.

³²⁷ Aulard. Ук.соч., стр.192.

³²⁷ Там же, стр.266.

³²⁸ Буонаротти. Ук.соч., стр.137.

³²⁹ Пригожин (ук.соч., стр.138), как будто признающий эту классовую организацию заговора, утверждает тем не менее, что "затеянное бабувистами предприятие являлось по существу ставкой на мелкую буржуазию". Вот что значит начать за здравие и кончить за упокой! И все обоснование этого тезиса заключается в только-что приведенной цитате из Буонаротти и в уже знакомом нам перечне вооруженных сил Тайной Директории. Но ведь ясно, что восстание должно быть начато только вооруженной силой. А кто был вооружен в Париже? Да прежде всего армия и полиция, среди которых восставшие насчитали 10000 приверженцев. Остальные семь — это самая тесная периферия заговора, которая, несомненно, должна была захватить и пролетарские предместья столицы.

³³⁰ Буонаротти. Ук.соч., стр.143.

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

На допросах он и не думал отрицать существование заговора. "Глубоко убежденный, — заявлял он, — что теперешнее правительство является угнетателем, я сделал бы все что в моих силах, для его свержения. Я вступил в союз со всеми демократами республики, но долг не позволяет мне назвать ни одного из них"³³¹. Спрошенный о средствах, которые он рассчитывал употребить, Бабеф отвечал: "Все средства законны против тиранов". Он категорически отрицал свое главенство в заговорщической организации.

После продолжительного заключения в Тампле, Бабеф и другие подсудимые были переведены в Вандом. Процесс начался в октябре и продолжался около полугода.

Собственно обвиняемых было 65. Из них 18 обвинялись заочно. Из 47 бывших налицо, только 24, по словам Буонаротти, принимали прямое участие в заговоре и 5 косвенное. К ним у Буонаротти причислены: Бабеф, Дартэ, Буонаротти, Россиньоль Жермен, Казен, Клод Фикэ, Буэн, Фион, Рикор, Друэ, Линдэ, Амар, Антонелль. Девиль добавляет к этому списку Массара, Дидье, Мореля, Моруа, Ленъело, Гулара, Клерка, Пилле, Дюпле-отца, Дюпле-сына, Лепеллетье, Меннессье, Гильема, Бодсона и Рейса³³². Из них судились заочно: Россиньоль, Фикэ, Друэ, Линдэ, Буэн, Лепеллетье, Меннессье, Гильем, Бодсон и Рейс. Из членов Тайной Директории Сильвен Марешаль и Дебон избежали ареста, потому что их имена не упоминались в присутствии Гризеля. Друэ, при помощи члена Директории Барраса, удалось бежать в августе 1796 года. Имя его, однако, фигурировало в списке обвиняемых, и на том основании, что он был депутат все дело было объявлено подсудным Верховному Суду. "Ни в обвинительном акте, — пишет Олар, — ни в вопросах, предложенных присяжным, не было речи о социалистических мнениях заговорщиков... Все эти вопросы резюмировались в одном, а именно: было ли со стороны подсудимых возбуждение к восстановлению конституции 1793 г.?"³³³

Прибыв в Вандом, главные подсудимые решили сказать от всяких уверток и запирательств, но это их решение вызвало решительный протест со стороны менее скомпрометированных обвиняемых. Во избежание раскола "было решено, что формальный заговор следует отрицать"³³⁴. Однако, необычайно подробные показания Гризеля и масса захваченных бумаг необычайно усложнили задачи защиты. Кроме того, обвинительный вердикт был обусловлен и неблагоприятным для заговорщиков составом присяжных³³⁵.

На самом суде Дартэ категорически отказался давать какие бы то ни было объяснения, не признавая себя подсудным Верховному Суду. Бабеф произнес обширную защитительную речь, приведенную полностью у Адвизеля³³⁶. Она занимает в его издании 332 страницы убористого текста. Бабеф стремился доказать, "что не было настоящего проекта, настоящей мысли о заговоре и еще меньше средств и возможностей к выполнению такового"³³⁷. Сам Бабеф великолепно понимал почти полную безвыходность своего положения. В самые критические минуты он не обнаружил ни малейшего страха перед смертью. "Неужели я мог надеяться, что моя карьера завершится в такой славный момент... Умереть задело добродетели почетно", — говорил он в своей защитительной речи³³⁸. Сама по себе защита Бабефа — это довольно сложная и остроумная конструкция, дающая материал для характеристики процесса, но не могущая служить источником для истории самого заговора.

³³¹ Буонаротти. Ук.соч., стр.148.

³³² Deville. Ук.соч., стр.327, 328.

³³³ Олар. Полит.история, стр.696, 697.

³³⁴ Буонаротти, стр.151.

³³⁵ Deville. Ук.соч., стр.331, 332.

³³⁶ Во время этого процесса впервые введена была стенографическая запись судебных прений. "Debats du proces instruit par la Haute Cour de Justice... contre Drouet, Babeuf et autres" занимают 8 томов. К сожалению, мы не могли раздобыть это издание и примыкающие к нему два тома "Copies des pieces saisies dans le local, que Babeuf occupait lors de son arrestation".

³³⁷ Advielle. Ук.соч. Т.II, стр.300.

³³⁸ Там же, стр.67.

Наконец, 7 прериаля (26 мая) 1797 г. был объявлен приговор: Бабеф, Дартэ, Буонаротти, Жермен, Казен, Моруа, Блондо, Меннессье и Буэн были признаны виновными в попытке восстановить конституцию 1793 года. Первые два были приговорены к смертной казни через гильотинирование, остальные — к ссылке. После объявления приговора, Бабеф и Дартэ пытались покончить жизнь самоубийством, но безуспешно.

Раненый Бабеф успел еще написать письмо к своей семье, находившейся все время в Вандоме. Оно кончалось словами: "Прощайте же еще раз, мои горячо любимые, мои дорогие друзья. Прощайте навсегда. Я погружаюсь в сон честного человека"³³⁹.

Утром следующего дня Бабеф и Дартэ были гильотинированы.

П а в е л П а в л о в и ч Щ Ё Г О Л Е В

З А Г О В О Р Б А Б Е Ф А

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1931

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

³³⁹ Буонаротти. Ук.соч. стр.178.

Еще во время заключения в Тампле Бабеф, в письме к Лепеллетье, поручил его заботам свою семью (См. Advielle. Т.I, стр.223—227). Жена и дети Бабефа последовали за ним в Вандом, где находились во все время процесса... Наши близкие, — говорил в своей речи Бабеф, — не устыдились последовать за нами до самых ступеней правосудия" (там же, т.II. стр.321). Бабефу не давали, впрочем, свиданий с детьми.

После смерти Бабефа осталось трое сыновей, из которых один родился в Вандоме. Эмиль был усыновлен Лепеллетье, два другие генералом Тюрро. Из сыновей Бабефа один был убит на войне в 1814 году, другой покончил с собой в 1815 году во время второго нашествия союзников на Париж. Эмиль один умер в сравнительно преклонных годах. Жена Бабефа дожила до глубокой старости и умерла в середине XIX века продавщицей туалетных принадлежностей. Существовала легенда, по которой Эмиль Бабеф вызвал на дуэль и убил предателя Гризеля. На самом деле это не верно. Гризель, вознагражденный за свое предательство крупной денежной суммой и спокойным местечком в военной администрации, спокойно умер в Нанте, в 1812 году.